

**Святая Русь**  
**Николай Дмитриевич Тальберг**

## От парижского издателя

«Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4,4).

Этим словом Господа нашего Иисуса Христа всегда руководились русские люди в старые времена. Этою Божественною мудростью была одухотворена и жизнь царя, помазанника Божия, и беднейшего пахаря. На этой великой основе воздвигалась, крепла и росла древняя Русь.

Напомнить об этом и составляет главную задачу настоящей книги. Издавая ее, я более всего помышлял о русской молодежи, о тех, кто придет на смену нашему поколению.

Нашей молодежи приходится расти в те времена, когда т. н. «культурное» человечество все более забывает «глагол, исходящий из уст Божиих», и смысл жизни своей видит только в заботах о «хлебе».

По безумию своему люди, развращенные соблазнительными учениями XVIII и XIX веков, завершившимися иудо-социалистическим коммунизмом, все более и более погружаются в засасывающую тину материализма. Не хотят слышать они «Божественный глагол», который единственно ограждает людей от озверения и нравственного одичания.

Я хочу, чтобы молодежь поняла весь ужас замены основ христианства началами материалистической цивилизации.

Я хочу, чтобы молодежь поняла всю красоту древней, одухотворенной Руси и сознавала, что воссоздать настоящую, старую Россию можно только на основах православия, и что блага житейские будут прочны, если жизнь государства и личная будет проникнута духовными, чистыми началами.

Верю, что русская молодежь со свойственной ей чуткостью все это поймет и, поняв, не будет блуждать по кривым западным дорогам, а станет стремиться выйти на прямой, широкий, исконный русский путь.

И даст Господь Бог нашему юному поколению узнать во всей своей красоте возрожденную Святую Русь.

15(28) июля 1929 г. Кн. М. Горчаков

День памяти святого равноапостольного великого князя Владимира, во крещении Василия.

## Вступление

Преосвященный Димитрий, архиепископ Херсонский, в слове своем, посвященном святому равноапостольному князю Владимиру, говорит: «Откуда все, что есть лучшего в нашем отечестве, чем ныне более дорожим мы по справедливости, о чем приятно размышлять нам, что отрадно и утешительно видеть вокруг себя? От веры православной, которую принес нам равноапостольный князь наш Владимир.

Мы не можем не радоваться необъятному почти величию земли отечественной. Кто первый виновник сего? Святая вера православная. Она соединила воедино разрозненные племена славянские, уничтожила племенные их отличия, поставившие преграду их общению и образовала один многочисленный, сильный и единоклюнный народ русский. Она из чуждых нам племен образовала не только братья наших по вере, но и сродных нам по народности, обучив их и языку, и обычаям русским. Кто соблюл и сохранил нашу народность в течение стольких веков, после стольких переворотов, посреди стольких врагов, посягавших на нее? Святая вера православная. Она очистила, освятила и укрепила в нас любовь к отечеству, сообщив ей высшее значение и силу в любви к вере и Церкви. Она одушевляла героев Донских и Невских, воздвигала Авраамиев и Гер-могенов, Мининых и Пожарских. Она вдыхала и вдыхает воинам нашим непоколебимое мужество во бранях и освящает самую брань за отечество как святой подвиг за веру Христову, как святую жертву, приносимую во славу имени Божия и Церкви Христовой, которую сам Господь приемлет и благословляет. И поле Куликовское, и поле Бородинское, и прежде, и после звука бранного, оглашались пением священных гимнов церковных. С пением псалма: Бог нам прибежище и сила – ринулся в битву с варварами герой Донской; молебным пением к Матери Божией начал битву свою князь Смоленский. Знамение Креста Христова есть такой панцирь и щит русского воина, с которым, по сознанию самих врагов наших, его можно только умертвить, а не победить.

Мы с благоговением и утешением сердечным видим твердость самодержавия царства русского. Где основание сему? В вере православной. Она научает нас видеть в царях наших помазанников Божиих, избранных и превознесенных Богом, освящаемых наитием Святого Духа и хранимых под покровом особенного, божественного о них Промысла. Она освящает и все подчиненные им власти, производя их от

Бога; освящает законы и благоустройство гражданские, вдохновляя их духом Евангельской любви и милосердия; утверждает порядок общественный, внушая каждому святость и непреложность взаимных прав и обязанностей, научая любить сограждан своих как самих себя, не делать другим того, чего не желаешь себе, добро творить и ненавидящим нас и молиться за творящих нам напасть, полагать души свои за братию свою. Она вдыхает в общественную жизнь нашу дух мира и единомыслия, дух любви и уважения друг к другу, дух снисхождения и милосердия, дух кротости, терпения, великодушия. О, как бы были мы счастливы, если бы дух веры православной сроднился с нашим духом и сердцем, соделался жизнью души нашей, управлял нашими мыслями и чувствами, словами и действиями, если бы все мы были истинно православными христианами не по имени только, а по жизни!

...Любим ли мы язык наш благозвучный и сильный, как грудь славянина, богатый и разнообразный, как обитаемая им страна? Его образовала нам святая вера православная. Она принесла нам с собою первые письма для сообщения наших мыслей, для расширения круга наших понятий, для сообщения между нами светлых и светоносных понятий о Боге и бесконечной любви Его к человекам, о человеке и его высоком предназначении в вечности, святых чувствований истины и правды, благочестия и человеколюбия. Она осветила родное слово наше словом Божиим и богочестными гимнами церковными. Она сообщила ему обилие, силу и жизнь, передав на нем с поразительной точностью и силою полные жизни и силы творения святых и богоносных отцов. Можно ли не пожелать от всего сердца, чтобы этот язык ни в устах, ни в письменах наших не служил никогда орудием лжи и заблуждений, неправды и лести, не осквернялся никогда мертвыми словами неверия, кощунства и богохульства, не порабощался никогда тлетворным вымыслом праздного воображения, разжигаемого страстями необузданными, не употреблялся никогда в орудие к развращению простых и незлобивых душ православного народа русского?

Сочувствуем ли мы просвещению отечества нашего? Истинное просвещение исходит от того „Света истинного, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир“ (Ин. 1, 9). И семена сего духовного просвещения давно посеяла у нас святая вера православная, и сколько благодатных плодов возростила она на земле русской! Какой многочисленный, богоизбранный лик сродных нам святых угодников Божиих предстоит теперь престолу Божию на небе и молится об отечестве нашем и о нас всех Господу Иисусу Христу и Пречистой Его Матери!.

...Она (вера) познакомила нас посредством духовного образования и с возникшим на Западе новым просвещением европейским и научила и научает отличать в нем полезное от вредного, пшеницу от плевел, чтобы пользоваться первою, не вреждаясь последними; ибо первое правило веры нашей: „Все испытывайте, хорошего держитесь“ (1Сол. 5, 21). И можно ли не пожелать искренно, чтобы это, сколько простое, столько же высокое и многоплодное правило было первым, главным и единственным правилом нашим в изучении наук и искусств у учителей иноземных; чтобы, любознательствуя о многоразличных предметах человеческого ведения, мы мудрствовали по мере веры православной; чтобы, пересажая на родную почву земли русской полезные семена знаний, мы хорошо просеивали их сквозь сито веры Христовой и отделяли тщательно от ядовитых плевел, всеянных диаволом, от которых так тяжко страдали и страдают народы, удалившиеся от единения веры и мира церковного, завещанного нам святыми Апостолами.

Наконец, святая вера православная сберегла для нас самую историю отечества нашего. Ибо главным памятником каждого царствования, каждого знаменательного события в отечестве нашем служит или святая обитель иноческая, или храм Божий, или священное торжество Церкви; так что в храмах Божиих и в обителях благочестия вся летопись и история царства русского. Святая вера православная есть и единственная, и самая крепкая связь, соединяющая древних предков наших с их отдаленным потомством. Мы все почти утратили от прежней жизни России, но сохранили святые храмы, в которых молились наши предки; сберегли святыню, завещанную нам от отцов наших, а с нею наследовали и их благословение; сохранили священные обряды веры нашей, которые так любили, за которые столько страдали и подвизались отцы наши. Надобно сознаться, что если бы теперь древние предки наши восстали из гробов своих, едва ли бы они узнали в нас потомков: так много изменились мы во всем в последние два столетия! Но они узнают нас в святых храмах Божиих, они не отрекутся от нас пред их заветною святынею, они с радостью присоединят глас свой ко гласу нашему в пении гимнов церковных; они с восторгом отзовутся нам, когда мы будем приветствовать их во имя Господа Иисуса Христа и Пресвятой Его Матери, во имя святых чудотворцев и защитников земли русской. Можно ли не пожелать от сердца, чтобы вера православная, этот родственнейший, живой союз наш с предками, сохранена была нами и передана потомкам нашим как драгоценнейшее наследие, как заветное сокровище, во всей ее преднебесной чистоте и святыне, чтобы и будущее отдаленное потомство

питало к нам родственно-христианское сочувствие и поминало нас пред престолом Господним, как поминаем мы наших отцов и праотцев.»

Великий русский писатель Н. В. Гоголь как бы дополняет эти слова владыки Димитрия в своем письме к гр. А. П. Т-му:

«... Владеем сокровищем, которому цены нет, и не только не заботимся, о том, чтобы это почувствовать, но не знаем даже, где положили его. У хозяина спрашивают показать лучшую вещь в его доме, а сам хозяин не знает, где лежит она. Эта Церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей, эта Церковь, которая вся со своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с Неба для русского народа, которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши, которая может произвести неслыханное чудо в виду всей Европы, заставить у нас всякое сословие, звание и должность войти в их законные границы и пределы и, не изменив ничего в государстве, дать силу России, изумить весь мир согласною стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала, – и эта Церковь нами незнаема! И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь!..»

(Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве. – В кн.: Выбранные места из переписки с друзьями).

И как заключительному звуку внимаешь проникновенным словам историка, профессора В. О. Ключевского, сказанным в память преподобного Сергия:

«...Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятниками срастается нравственное чувство народа; они – его питательная почва; в них его корни; оторвите его от них – оно завянет, как скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота Лавры преподобного Сергия затворятся, и лампы погаснут над его гробницей – только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его.»

Увы, с годами усиливались отмеченные преосвященным Димитрием изменения, происшедшие с русским народом за истекшие два столетия.

Все более утрачивалась связь с прошлым, происходил отрыв от родных корней. Замирал «дух веры православной,» язык все более переходил на служение злым силам, чего так опасался владыка Димитрий, Не «по мере веры» принимались мудрствования прогнившего Запада и все сильнее становились доли яда, вводившиеся оттуда в нутро русского народа. Дарованное России сокровище – Церковь – запрягивалась все глубже. Лишь в малой степени пополнялся «нравственный запас,» доставшийся от славных строителей России. И когда этот запас оказался на исходе – Русь рухнула в бездну. И закрылись тогда – по предсказанию Ключевского – ворота Святой обители и погасли лампы над гробницей великого святого и великого отечестволюбца...

Воскресить картины былой прекрасной Руси, напомнить о связях с прошлым и указать на наше величайшее духовное сокровище поставил себе целью составитель сего скромного труда. И крепко верится ему, что пережитые испытания произвели – на этот раз – должные изменения у многих, многих русских людей, что усиливается понимание красоты и мощи прежней Святой Руси, что в страданиях телесных и душевных выковывается вновь дух веры православной и снова пополняется нравственный запас... И когда запас этот будет пополнен, наступит радостное время – откроются врата Троице-Сергиевой лавры и царь-самодержец с благословения Святейшего патриарха всея Руси зажжет вновь лампаду над гробницей того, кто, как поется в кондаке, – «яко солнце отечеству твоему возсиял еси...»

10(23) июля 1929 г.

День памяти преподобного Антония Киево-Печерского

## Часть первая. Русская Быль

## На Заре Русского Православия

988 г. 1 августа. Берег Днепра у Киева. «Боже, сотворивший небо и землю! Призри на новые люди сии и даждь им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, как уже познали страны христианские; утверди веру в них правую и несовратимую, а мне помоги, Господи, на супротивного врага, дабы, надеясь на Тебя, я победил бы его козни,»- восклицал князь Владимир, взирая на крещение киевлян.

Вскоре в Киеве появились возы, наполненные хлебом, мясом, рыбой, овощами, медом в бочках, квасом. «Нет ли где больного и нищего, который не может идти к князю во двор?» – спрашивали княжеские слуги. Проникшись духом истинного христианства, святой князь Владимир, во крещении Василий, помогал не только приходившим к нему за подаванием, но и отыскивал несчастных, опасаясь, как говорил он, что «немошные и больные не дойдут до двора моего.»

1013 г. Святая Афонская гора. Старец Феоктист в греческом монастыре Есфингене наставляет русского юношу из Любеча, Ан-типпу, принявшего монашество под именем Антония и прошедшего на Афоне должный искус: «Антоний, иди в Россию; ты будешь там благословением Святой горы, так как много монахов пойдут от тебя на Руси.»

Преподобным Антонием основывается около 1060 года Киево-Печерская лавра, иноки коей разнесли свет Христов по всему пространству тогдашней Руси, продолжая всегда, по завету постриженника преподобного Антония и его сподвижника, преподобного Феодосия, сохранять духовную связь со своей родной обителью.

Память преподобного Антония чтится Церковью 10(23) июля.<sup>1</sup>

1068 г. Приходит к преподобному Антонию варяжский князь Шимон, тогда еще католик, и повествует: «Отец мой Африкан сделал крест величиной в десять локтей, с изображением распятого на нем Спасителя и в знак особого почитания святыни возложил на бедра Распятого пояс с пятьюдесятью гривнами золота, а на главу Его – золотой венец. Изгнанный родными с родины, я взял и пояс и венец и при этом слышал голос: „Не возлагай, человек, этого венца на главу Мою, но неси на приготовленное место, где преподобным создается церковь Матери Моей, дай ему в руки, чтобы он повесил над жертвенником Моим.“ И позднее, на море во время бури, получил Шимон от Господа указание, чтобы размеры созидаемой церкви измерить этим золотым поясом: „20 поясов в ширину, 30 – в длину и 50 в вышину.“ По этим небесным указаниям на месте, чудесно

отмеченном отсутствием утром росы, греческими зодчими, тоже по велению Свыше прибывшими с золотом из Царьграда, и была воздвигнута Успенская церковь в Киево-Печерской лавре (заложена в 1073 г.).

Шимону же, нареченному преподобным Антонием Симоном, преподобный Феодосий по его просьбе дал впервые ту разрешительную молитву, какую только на Руси влагают в руки покойникам.

„...Берегись, чадо, кривоверов и всех бесед их, ибо и наша земля наполнена ими. Если кто и спасет свою душу, то только живя в православной вере. Ибо нет иной веры лучшей, чем наша чистая, святая православная... Не подобает также, чадо, хвалить чужую веру. Кто хвалит чужую веру, тот все равно что свою хулит. Если же кто будет хвалить свою и чужую, то он двоеверец, близок ереси... Твори милостыню не своим только по Вере, но и чужеверным. Если увидишь нагого или голодного, или в беду попавшего, – будет ли то жид, или турок, или латинянин, – ко всякому будь милосерд, избавь его от беды, как можешь, и не лишен будешь награды у Бога, ибо Сам Бог в нынешнем веке изливает милости свои не на христиан только, но и на неверных... Чадо! Если тебе нужно будет даже умереть за святую веру, со дерзновением иди на смерть. Так и святые умирали за веру, а ныне живут во Христе... Если кто тебе скажет: „Ваша и наша вера от Бога», то ты, чадо, ответь так: «кривовер! или ты и Бога считаешь двоеверным. Не слышишь что говорит Писание: «один Господь, одна вера, одно крещение"" (Еф. 4,5).

(Из «Завещания» преподобного Феодосия Печерского, написанного великому князю Изяславу Ярославовичу, когда его пытались совратить в католичество посланцы папы).

Память преподобного Феодосия чтится 3(16) мая и 14(27) августа (перенесение мощей).

1096 г. Инок разоренного половцами Киево-Печерского монастыря Евстратий Постник морится голодом купившим его у половцев корсунским жидом, принуждающим его в плену отречься от Христа. Замучил за это жид других монахов-невольников. Убедившись в безуспешности своих попыток, жид в день Святой Пасхи (28 марта), распинает в присутствии других иудеев преподобного Евстратия на кресте. Страдалец славит Бога и говорит: «Я верю, что Господь скажет и мне, как сказал разбойнику: «сегодня будешь со Мною в раю.» Но вас постигнет наказание за кровь христианскую.» Жид пронзает преподобного копьём и бросает его тело в море, сам же вскоре вешается половцами.

Память преподобного мученика Евстратия – 28 марта (10 апреля).

1114 г. Полоцк в княжение князя Георгия, из рода князя Изяслава

Владимировича. Князь и супруга его София выбрали жениха двенадцатилетней дочери, красивой Предиславе. Но отроковица с детства вся в мире духовном. Тайно от всех покидает она княжеский дворец, идет в Борисоглебский монастырь к родственнице-игумении и просит постричь ее в черницы. «Возревши на юность» племянницы «бе бо лепа лицом» долго уговаривала ее игумения отказаться от решения. «Госпожа и мать! – отвечала ей Предислава. – Все в этом мире прекрасно и славно, но вскоре минует яко сон, яко цвет увядает; а наслаждение сокровенной красотой и сладостью Бога в священном посте и молитве пребывает вовеки... Не бойся отца моего, госпожа моя. Убойся более Господа, владеющего всею тварию и не лиши меня ангельского чина.» С именем Евфросинии пострижена была княжна, шестьдесят лет прожила подвижнически и 23 мая 1173 года скончалась в Иерусалиме, будучи потом причислена к лику святых.

Память святой чтится 23 мая (5 июня).

«...Диявол, враг наш, побеждается тремя добрыми делами:

покаянием, слезами и милостынею... Просите Бога о прощении грехов со слезами и не только в церкви это делайте, но и ложась в постель. Не забывайте ни одну ночь класть земные поклоны, если вы здоровы; если же занеможете, то хоть трижды поклонитесь... Главное же не забывайте убогих, и по силе, как можете, кормите их... Епископов, попов, игуменов почитайте... Пуще всего не имейте гордости ни в сердце вашем, ни в уме; ибо все смертны, – сегодня живы, а завтра в гробу. Все, что дал нам Бог, не наше, а только поручено на короткое время. В землю сокровищ не зарывайте – это великий грех... Старика почитайте как отца, а молодых как братьев. В деле своем не ленитесь... Больного посетите; покойника проводите и не оставляйте никого без привета; скажите всякому доброе слово-Жен своих любите, но власти им над собою не давайте... Что знаете полезного, не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь... Творите добро, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего по отношению к Церкви...»

(Отрывки из «Поучения» великого князя Владимира Мономаха к детям).

Великий князь Владимир Мономах родился в 1053 году, царствовал с 1113 до 1125 г.

1205 г. Расцвет успехов доблестного князя Романа Мстиславовича Волынского и Галицкого. Папа Иннокентий III отправляет к нему проповедника Бернарда Клервосского, доказывавшего ему преимущества католичества. Князь Роман, глубоко православный, легко разбивает доводы посланца папы. Бернард Клервосский от имени папы прельщает князя

королевским венцом и говорит, что папа поддержит его своим мечом. Храбрый воин, князь Роман, обнажает свой меч, говоря: «Таков ли у папы? Пока ношу его при своем бедре, не имею нужды в другом, и кровью покупаю города, следуя примеру своих дедов, возвеличивших Русскую землю.»

## Под татарами

1237 г. Батый приближался к Рязани. В стан его князь Юрий Рязанский послал сына своего Феодора. Батый, узнав о красоте жены Феодора, Евпраксии, пожелал ее видеть. Князь Феодор с негодованием отверг это предложение и был убит.

Молодая княгиня с грудным младенцем на руках ожидала на колокольне храма святого Николая возвращения мужа. Узнав о его смерти ради любви к ней, она «ринувшись из превысокого храма» на землю с младенцем Иоанном, «заразилась», т. е. убилась до смерти. Церковью Николая Зараского именуется этот храм на берегу р. Осетра.

Все трое причислены к лику святых.

Разгромлена Рязань, зверски убиты князь Юрий и множество жителей... «И не было стонущего, или плачущего. Но вси вкупе жертвы лежаще,» – писал летописец. Навстречу уходившим из Рязани полчищам Батый выступает возвращавшийся из Чернигова рязанский боярин Евпатий Коловрат. Желая отомстить татарам, он со своими 1700 воинами врывается в их ряды и многих перебивает. Пять захваченных пленников были приведены к Батю, спросившего кто они: «Слуги князя Рязанского, полка Евпатиева, – ответствовали герои, – нам ведено с честью проводить тебя, как знаменитого государя, и как русские обыкновенно провожают от себя инопленников: стрелами и копьями.»

1238 г. 6 февраля. Ордами Батый обложен Владимир. Устрашая осаждаемых, влачат татары вдоль стен плененного ими второго сына великого князя Георгия, мальчика-князя Владимира. Видят это с горестью братья Всеволод и Мстислав, но духом не падают: «Лучше нам, – говорят они другим, – умереть за святую веру, чем быть в неволе варварской. Все это навел на нас Господь за грехи наши.» В храме Владимирской Божией Матери епископ Митрофан совершил обряд пострижения в схиму над князем Всеволодом, юной супругой его и множеством людей. Способные носить оружие вышли после этого на городские стены защищать город.

7 февраля. Татары приступом берут Владимир, гибнут защитники. Народ заперся в храме. Татары поджигают его. Епископ Митрофан громкогласно отпускает грехи обреченным на смерть. «Господи! Прости невидимую руку свою и прими в мире души рабов твоих,» – говорит архипастырь.

1238 г. Через месяц. Шеренский лес, в 28 верстах от Кашина. В руках татар плененный, израненный князь Васильке Ростовский. «Красавец

лицем, – пишет о нем летописец, – с очами светлыми и грозными, он был храбр, добр сердцем, ласков с боярами. В нем мужество соединено было с умом и правдивость со знанием. Он был сведущ, на все способен. Это был отец и кормилец сирот, великое утешение печальным. Очи сердца его отверсты были Богом на весь церковный чин и он был отцем для всех бедных.» Татары преклонялись перед величественным видом пленника, знали его мужество. Они предлагали ему покориться и признать их нечестивые обычаи. «О, темное царство, – отвечал им князь, – не разлучить тебе меня с Христом моим. Он предал нас в ваши скверные руки, любя нас и даруя нам жизнь вечную. Но есть Бог, и темное царство погибнет, когда исполнится мера беззакония его; взыщет Он кровь верных Своих.» Мучимый, обезглавленный брошен был в лесу этот мужественный князь, причисленный Церковью нашей к лику святых.

Память его чтится 4 (17) марта.

1240 г. Киев захвачен татарами после мужественного отпора, оказанного им. Только у древней Десятинной церкви держатся защитники с доблестным израненным тысяцким Димитрием во главе. Пользуясь ночным покровом, воздвигает он вокруг церкви укрепления. Под утро 6 декабря татары обрушиваются на эту твердыню. Боярин Димитрий, исходя кровью от ран, не сдается; вместе со сподвижниками запирается в церкви и дерется. Но церковные стены не выдерживают, рушатся, и ворвавшиеся татары избивают последних защитников. Живьем захватывается ими Димитрий, приводится к Батью, который, пораженный его мужеством, дарует ему жизнь. Позднее Димитрий своими советами отводит ханские полчища от дальнейшего вторжения в Русскую землю.

1240 г. Юный князь Новгородский, Александр Ярославич, готовясь отражать вторгнувшихся в Русскую землю шведов, горячо молится с дружиной в храме святой Софии: «Боже хвальный, Боже праведный, Боже великий и крепкий, Боже превеликий! сотворивший небо и землю и поставивший пределы языкам, и жити повелевый, не преступая в чужие части... И ныне, Владыко прещедрый! слыши словеса гордого варвара сего, похваляющегося разорить святую веру православную и пролить хоца кровь христианскую. Призри с небес и виждь и посети нас винограда своего и суди обидящих мя, и возбрани борющихся со мною, и прими оружие и щит и стани в помощь мне, да не рекут врази наши, где есть Бог их? Ты бо еси Бог наш и на тя уповаем.» Произнеся эту молитву и получив благословение архиепископа Спиридона, князь вдохновляет войска свои.

Молитва его услышана. Старшина финского языческого племени воть, Пелгусий, в крещении Филипп, ночью на 15 июля, следя при

впадении Невы в море за шведами, видит на восходе солнца на море «насад» (ладью) с гребцами. Посреди насада стоят в алых одеждах, положивши на рамена друг друга руки, святые Борис и Глеб. Гребцы были «яко мглою одеяны.» И говорит Борис: «Брат Глеб! вели грести, да поможем сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу.» На следующий день – 15 июля – Александр разбивает Биргера.

Память святого благоверного князя Александра Невского чтится 23 ноября (6 декабря) и 30 августа (12 сентября) (перенесение мощей).

1246 г. 20 сентября. Ставка Батые. Князь Михаил Всеволодович Черниговский отказывает жрецам в поклонении кумирам. «Понимаешь ли, князь, – говорит ему ханский вельможа Ельдега, – что ты сам произносишь себе смертный приговор.» «Да, – отвечал князь, – я готов страдать за Христа моего, пролить кровь за Него и веру чистую. Не хочу на словах только быть христианином, а дела творить языческие.» Сбросив с себя княжескую мантию, князь Михаил воскликнул: «Прочь слава мира сего; хочу славы небесной.» «Это великий человек,» – сказал Батый, осведомленный об ответе князя. Но все же приговаривает его к смерти. «Я христианин,» – повторял, молясь, благоверный князь, медленно и жестоко убиваемый татарскими палачами вместе с верным ему боярином Феодором.

Память их обеих Церковь чтит 20 сентября (3 октября) и 14 (27) Февраля (перенесение мощей).

1270 г. В Орду вызван на суд князь Роман Ольгович Рязанский. Хан Менгу-Темир предлагает ему отступить от христианства. Отказывается князь. Хан приказывает подвергнуть его мучительной казни. Князь не перестает говорить о святости Христовой веры. Ему отрезают язык. Затем выкалывают глаза, отрубает пальцы рук и ног, обрезают уши и губы, потом отсекают руки и ноги; когда же остается одно туловище, но еще с искрами жизни, то сдирают с головы кожу, отрубает голову святого мученика и втыкают ее на копьё.

Память святого князя Романа чтится Церковью 19 июля (1 августа).

Псков. Выходец из Литвы князь Довмонт (†1299 г.), во крещении Тимофей, праведно правивший народом, помогавший бедным, любивший духовенство, строивший храмы. Князь – постник и молитвенник молится в Троицком соборе. Меч его положен перед алтарем: «Господи Боже сил призри на кротких и смиренных рабов Твоих и смири высокоумие гордых,» – взывает князь. Благословенный затем игуменом Исидором и препоясанный мечом идет и побеждает ливонцев сей святой князь.

Память его чтится Церковью 20 мая (2 июня).

Троицкая Обитель. Молится преподобный Сергей. Слышит он вдруг голос, зовущий его по имени. Сотворив молитву, открывает окно и видит необыкновенный свет с неба. «Сергий, – говорит голос, – Господь услышал молитву твою о чадах твоих.» Преподобный видит вокруг келий множество прекрасных птиц. Небесный голос продолжает: «Так умножится число учеников и после тебя не оскудеют последующие стопам твоим.»

И действительно всю Русь обошли сподвижники, ученики и продолжатели святого дела преподобного, утверждая, часто среди грубых суеверных племен, особую русскую церковную государственность. Водружался иноком крест, воздвигалась обитель и вокруг нее постепенно зарождалась государственность.

...Преподобный Никон Радонежский († 1427 г. Память 17 (30) ноября), преемник святого Сергия; блаженный Роман, игумен Киржачский; преподобный Антонин, настоятель Спасского монастыря, давшего Руси великих иконописцев Даниила Черного и Андрея Рублева; блаженные Феодор († 1409 г.) и Павел Ростовские, основатели Борисоглебского Устьинского монастыря; преподобный Мефодий, основатель Свято-Николаевского Пешношского монастыря († 1392 г.) Память 14 (27) июня); преподобный Феодор, впоследствии епископ Ростовский; преподобный Афанасий, игумен Серпуховского Высоцкого монастыря; преподобный Савва, основатель Дубенского и Сторожевского монастырей (†1406 г. Память 3 (16) декабря); преподобный Авраамий Чухломский, или Городецкий, строитель обители на Галицком озере († 1375 г. Память 20 июля (2 августа);

Преподобные Кирилл (†1427 г. Память 9 (22) июня) и Ферапонт (†1426 г. Память 27 мая (9 июня), строители обители их имени на Белом море; преподобный Павел Комельский и Обнорский (†1429 г. Память 10 (23) января); преподобный Сильвестр Обнорский (†1379 г. Память 25 апреля (8 мая); преподобный Иаков Железно-боровский († 1442 г. Память 11 (24 апреля); преподобные: Стефан Махрицкий (†1406 г. Память 14 (27) июля); Димитрий Прилуцкий (†1392 г. Память 11 (24 февраля); святитель Стефан Велико-пермский (†1396 г. Память 26 апреля (9 мая); святитель Дионисий, архиепископ Суздальский (†1385 г. Память 26 июня (9 июля).

Вот небесные птицы, вышедшие из святого гнезда преподобного Сергия, птенцы, духовно связанные с ним.

Память преподобного Сергия (†1392 г.) чтится 25 сентября (8 октября) и 5 (18) июля (обретение мощей).

Конец XIV века. Обширная Пермская земля от Двины до гор Уральских, издревле платящая дань россиянам. Среди язычников безбоязненно ходит юный монах Стефан, сын устюжского церковника, и проповедует Святое Евангелие, устанавливает для зырян азбуку и переводит на этот язык богослужебные книги. Вблизи устья реки Выми строит он церкви. Желая доказать бессилие идолов, Стефан сжигает одну из главнейших кумирниц. Число христиан увеличивается, жрецы в ужасе. Главный волхв Пам вызывается пройти невредимым сквозь огонь и воду, требуя того же и от святого Стефана. «Я не повелеваю стихиями, – отвечает Стефан, – но Бог христианский велик: иду с тобою.» Испуганный его решимостью, Пам отказывается от испытания. Вера укрепляется. Великий просветитель, возведенный затем митрополитом Пименом с согласия великого князя Димитрия Иоанновича в сан первого епископа Пермского, кладет твердое основание православию в этой земле. Дело это продолжали замученные святые епископы Герасим и Питирим († 1455 г.) и завершил его святитель Иона († 1470 г.).

Память святителя Стефана, скончавшегося в 1396 году, чтится 26 апреля (9 мая).

Скончался в 1389 г. великий князь Дмитрий Иоаннович Донской, о котором современники писали: «Димитрий всю жизнь совершил во благе. Приняв власть от Бога, он с Богом возвеличил землю Русскую, которая во дни его княжения воскипела славою; был для отечества стеною и твердию, а для врагов огнем и мечом; кротко-повелителен с князьями; тих, уветлив с боярами; имел ум высокий, сердце смиренное; взор красивый, душу чистую; мало говорил, разумел много; когда же говорил, тогда философам заграждал уста, благотворя всем, мог называться оком слепых, ногою хромых, трубою спящих в опасности"...

Ревностный в благочестии, Димитрий, подобно Владимиру Мономаху, ежедневно ходил в церковь, всякую неделю в великий пост приобщался Святых Тайн и носил власяницу на голом теле. Верной по духу спутницей его жизни была великая княгиня Евдокия, строительница Вознесенского девического монастыря в Кремле, церкви Рождества Богоматери и других храмов, расписанных Феофаном и Симеоном Черным. Тяжка была для нее утрата любимого мужа. Но, любя добродетель, набожная великая княгиня ненавидела ее личину. Изнуря свое тело постами, она нарочно казалась тучной, для чего носила на себе несколько одежд, украшалась бисером, являлась везде с лицом веселым и радовалась, что злословие представляет сомнительным ее целомудрие. Молва эта волновала и ее сыновей, особенно князя Юрия, не скрывшего

волнения от матери. Тогда, призвав сыновей, она свергнула с себя часть одежды. Сыновья ужаснулись, видя худобу ее тела и кожу, совершенно иссохшую от неумеренного воздержания. «Верьте, – сказала она, – что ваша мать целомудренна; но виденное вами да будет тайной для мира. Кто любит Христа, должен сносить клевету и благодарить Бога за оную.» Незадолго до кончины княгиня Евдокия (1407 г.) приняла монашество с именем Евфросинии и как святая чтится нашею Церковью.

Память ее 17 (30) мая и 7 (20) июля.

1395 г. Страшный Тамерлан с ордами подходил к Москве. Жители впадали в отчаяние и устремлялись в церкви, все время / открытые. По желанию великого князя Василия I святой митрополит Киприан послал во Владимир за чудотворной иконой Божией Матери. Бесчисленное множество народа провожало икону по пути ее следования, с усердием и слезами взывая: «Матерь Божия! спаси землю Русскую.» Под Москвою на Куликовом поле, где ныне монастырь Сретенский, в честь этого события и воздвигнутый, встречали 26 августа икону митрополит, князь Владимир Андреевич Храбрый, бояре и народ. «И сретоша далече за градом, – пишет летописец, – и яко узреша Пречудный образ Богоматери и на пречистых Ее дланях Пречистый Образ Иисус Христов, и вси падоша на землю, со многосугубыми слезами из сердца вздыхающе и молящиеся прилежно.»

Начало XV века. Великий князь Василий I Димитриевич, бояре, множество народа стоят на берегу реки Москвы. Митрополит Киприан (†1406 г.) при колокольном звоне совершает обряд крещения обращенных им в православие, знатных вельмож ханских Бахтыя, Хидыря и Мамата. Смиренно внимают вельможи, названные именами трех святых отроков Анании, Азарии и Мисаила, словам святителя и радостные ходят по Москве, приветствуемые народом как братья.

Преподобный Кирилл Белозерский пишет великому князю Василию: «Ты, государь, приобретаешь себе великую пользу душевную смирением своим, посылая ко мне, грешному, нищему, недостойному, страстному и чуждому всякой добродетели, с просьбой о молитве. Я, грешный, с братией своей рад сколько силы будет молить Бога о тебе, нашем государе, и о княгине твоей, и о детях твоих, и о всех христианах, порученных тебе Богом. Но будь и сам внимателен к себе и ко всему княжению, в котором Дух Святой поставил тебя пасти людей, искупленных кровию Христовою. Чем больше удостоен ты власти, тем более строгому подлежишь ответу. Воздай Благодетелю долг твой, храня святые Его заповеди и уклоняясь от путей, ведущих к гибели. Как на корабле, если ошибается наемный гребец, вред от того бывает неважный; если же ошибается кормчий, то

губит весь корабль: так, государь, бывает и с князьями. Если согрешит боярин, наносит пакость себе, а не всем; но если согрешит сам князь, причиняет вред всему народу. Слышал я, что у тебя, великий князь, великое несогласие с твоими сродниками, князьями Суздальскими; ты выставляешь свою правду, а они – свою; кровь христиан льется. Осмотрись, государь. Если они правы в чем-либо, уступи им смиренно, если в чем правда на твоей стороне, стой за правду. Если они будут кланяться тебе, Бога ради, государь, окажи им милость сколько можно, покажи к ним любовь и сострадание, дабы не погибли, блуждая в татарских странах. Никакая власть, ни царская, ни княжеская, не может избавить нас от нелицемерного суда Божия; а если будешь любить ближнего как себя, если утетишь души скорбные и огорченные, – это много поможет тебе, государь, на страшном и праведном суде Христовом.»

Память преподобного Кирилла († 1427 г.) – 9 (22) июня.

1425 г. Митрополит Фотий, морейский грек, присутствует при кончине Василия I. Тогда же ночью – после смерти великого князя *отправляет он в Звенигород своего боярина к князю Юрию Димитриевичу*, требуя от него признания племянника великим князем. Юрий не соглашается и, удалившись в Галич, собирается отвоевывать престол. Разгневанный митрополит, не благословив ни князя, ни города, уезжает. В самый день его отъезда страшная черная смерть стала свирепствовать в Галиче. Перепуганный Юрий бросается вдогонку за митрополитом, кается, обещает не искать княжения. Митрополит благословляет город, болезнь прекращается.

1411 г. В полдень татарский отряд подкрался к г. Владимиру на Клязьме. Пользуясь послеобеденным отдыхом жителей, татары легко завладели городом и истребили множество народа. Часть татар устремилась к соборной церкви Владимирской Божией Матери, надеясь захватить сокровища. Но в ней затворился священник, о. Патрикий. Как мог, запрятал он священную утварь и сокровища в укромные места и стал молиться перед образом Пречистой. Татары вломились в собор, ограбили что осталось и начали пытать о. Патрикия, спрашивая о сокровищах. Ставили его на пылающую сковороду, вбивали щепы за ногти, сдирали кожу. Страдалец молчал. Тогда татары привязали его за ноги к лошадиному хвосту. Доблестный пастырь, влекомый по земле, испустил свой дух.

Вторая половина XV века. Обитель в густом лесу под г. Боровском. Подвизается там великий схимник – святой Пафнутий (†1477 г.).

Неумолимо строг он в соблюдении чистоты догматов православной веры. Обладает он даром проникать в души проходящих к нему и открывать их тайные мысли.

Приходит к нему, падает в ноги юноша – Иосиф Санин – и просит пострижения. Знает святой Пафнутий с кем имеет дело, прозревает будущую ревность юноши в отстаивании православия и в тот же день постригает его. После смерти старца Иосиф, прославивший себя духовными подвигами, избирается на его место игуменом Боровского монастыря. Затем уходит в Волоколамские леса, где основывает обитель с еще более строгим уставом, сам достигает высшего подвижничества, будучи также знаменит своею ученостью. Преподобный Иосиф Волоцкий (†1515 г.) смело и решительно восстает и побеждает ересь жидовствующих, достигшую главных успехов в конце XV века. У него прозревший великий князь Иоанн III просит прощение за долгое потворство еретикам и им подвизается на их уничтожение.

Память преподобного Пафнутия- 1 (14) мая; преподобного Иосифа – 9 (22) сентября и 18 (31) октября.

1440 г. Умирал благочестивый князь Димитрий Красный. Лишился он слуха, вкуса и сна. Долго не мог причаститься Святых Тайн, так как кровь не переставая лила у него из носу. Только заткнув ему ноздри, удалось его причастить. Он заснул и его признали мертвым. Положили его в гроб и стали читать над ним псалтырь. Вдруг, при общем страхе, мнимый мертвец скинул с себя покров и, не отрывая глаз, начал петь стихири. Три дня Димитрий Красный пел и говорил о душеспасительных предметах и, наконец, действительно умер с именем святого.

1441 г. Успенский Собор в Москве. Вернувшийся с Флорентийского Собора митрополит Исидор совершает богослужение в присутствии великого князя Василия II Темного (1425–1462 гг.). За литургией вместо вселенских патриархов впервые поминается имя папы римского Евгения. По окончании службы диакон, став на амвон, прочитывает грамоту Флорентийского Собора, противоречащую православию. Волнение, смущение охватывает присутствующих в храме, подавленных согласием с постановлениями Собора виднейших иерархов восточных, византийского царя Иоанна. Все безмолствуют. «Вся князи умолчаша и бояре и иные мнози,» – говорит летопись. Но вдруг раздается голос ревнителя православия, знатока канонов – великого князя Василия Васильевича. Вступив в спор с Исидором, назвав его «ересным прелестником,» «лютым волком,» губителем душ, великий князь обличает сего предателя. После совета с боярами государь сажает Исидора под стражу в Чудов монастырь,

откуда купленный латинянами грек бежит в Рим. Святители же и бояре прославляли ум великого князя: «Государь! Мы дремали; ты один за всех бодрствовал, открыл истину, спас веру; митрополит отдал ее на злате римскому папе и возвратился к нам с ересью.»

1447 г. Князь Димитрий Шемяка, злодейски ослепивший Василия II, начинает новую смуту. С грозным обличением обратились к нему святители русские. «...Вспомни дела свои. Когда безбожный царь Махмет стоял у Москвы, ты не хотел помогать государю и был виною христианской гибели: сколько истреблено людей, сожжено храмов, поругано девиц и монахинь? Ты, ты будешь ответствен за Всевышнему. Напал варвар Мамутек: великий князь сорок раз посылал к тебе, молил идти с ним на врага; но тщетно! Пали верные воины в битве крепкой: им вечная память, а на тебе кровь их! Господь избавил Василия от неволи: ослепленный властолюбием и презирая святость крестных обетов, ты, второй Каин и Святополк в братоубийстве, разбоем схватил, злодейски истерзал его: на добро ли себе и людям? Долго ли господствовал? и в тишине ли? Не беспрестанно ли волнуемый, пореваемый страхом, спешил из места в место, томимый в день заботами, в ночи сновидениями и мечтами? Хотел большего, но изгубил свое меньшее. Великий князь снова на престоле и в новой славе: ибо данного Богом человек не отнимает. Одно милосердие Василиево спасло тебя. Государь еще поверил клятве твоей и паки видит измену... Ты дерзаешь быть вероломным, не исполняя клятвенных условий мира... Мы, служители алтарей, по своему долгу молим тебя, господин князь Димитрий, очистить совесть, удовлетворить всем праведным требованиям великого князя, готового простить и жаловать тебя из уважения к нашему ходатайству, если обратишься к раскаянию. Когда же в безумной гордости посмеешься над клятвами, то не мы, но сам возложишь на себя тягость духовную: будешь чужд Богу, церкви, вере и проклят навеки со всеми своими единомышленниками и клеветами.»

Июль 1451 г. Хан Ногайский Мазовша осаждает Москву. Великий князь покинул Москву, поручив охрану ее святителю Ионе, митрополиту Московскому. Под зноем пожара, в облаках дыма, несшегося на Кремль, совершает митрополит крестный ход по стенам Кремля. Инок Чудова монастыря Кловыня, участник крестного хода, едва успев сказать, что Господь за молитвы святительские спасает город, падает мертвым, пронзенный вражеской стрелой. Враг уходит. Святитель в память сего устроил в Успенском Соборе придел «в похвалу Божией Матери,» где до конца XVII века происходило избрание и наречение святителей

МОСКОВСКИХ.

1480 г. Разгневанный на Иоанна III за растоптание басмы, хан Ахмат с ордой вторгается в Россию. Осторожный Иоанн III (1462–1505 г. г.), оставив войско, советуется в Москве с матерью, духовенством и боярами. Тверже всего звучит голос духовенства с митрополитом Геронтием во главе. Пламеннее всех, упрекая великого князя за проявленную робость, говорит ветхий старец, архиепископ Ростовский Вассиан, брат стоятеля за чистоту веры, победителя ереси жидовствующих преподобного Иосифа Волоцкого: «Или боишься смерти? Не бессмертный ты человек – смертный, а без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю. Дай мне, старику, войско: увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами.»

Октябрь того же года. Иоанн III с войском на берегу Угры, на другой стороне татары. Великий князь мрачен. Попробовал по совету некоторых бояр вступить в переговоры с Ахматом и выслушал унижительные условия. Из Москвы привозят обличительные грамоты от митрополита и особенно от старца Вассиана, резко нападающего на великого князя за его переговоры с татарами. Напоминая о доблестях Игоря, Святослава, Владимира Святого, Владимира Мономаха, Димитрия Донского, старец писал: «Молю величество твое, боголюбивый государь! Не прогневайся на мое смирение, что прежде дерзнул устами к устами говорить твоему величеству твоего ради спасения: потому что наше дело напоминать вам, а ваше слушать нас... Что же слышим? Ахмат губит христианство, грозит тебе и отечеству, ты же перед ним уклоняешься, молишь о мире и шлешь к нему послов: а нечестивый дышит гневом и презирает твоё моление... Государь! Каким советам внимаешь? Людей, недостойных имени христианского. И что советуют? Повергнуть ли щиты, обратиться ли в бегство? Но помысли: от какой славы и в какое уничижение низводят они твоё величество! Предать землю Русскую огню и мечу, церкви разорению, тьмы людей погибели! Чье сердце не излиется в слезах от единой мысли? О, государь! Кровь паствы вопиет на небо, обвиняя пастыря.» Иоанн, прочтя послание, укрепился, перестал помышлять об уступках. Ахмат неожиданно снялся и ушел.

В Новгород по делам Соловецкой обители прибыл преподобный Зосима (†1478 г.). Обласканный владыкой, он сначала сурово был принят знаменитой посадницей Марфой Борецкой. «Вот наступит день, – печально сказал преподобный, прогоняемый от дома Борецкой, – когда в этом дворе исчезнет сила жителей его, и затворятся двери дома сего и уже никогда не отворятся, и будет двор этот пуст.» Затем посадница смилостивилась, просила у преподобного прощения и пригласила к себе

на большой обед. За столом старец вдруг затрепетал и заплакал. «Я видел, – говорил он потом своему ученику Даниилу, – страшное видение: у шестерых из сидевших за столом бояр не было голов, дважды после этого смотрел я на них и видел то же. С ними сбудется это в свое время, ты сам увидишь, но никому не разглашай неизреченных судеб Божиих.» Виденное преподобным впоследствии и исполнилось.

Память преподобного Зосимы празднуется 17 (30) апреля.

Новгород. По улицам города идет, юродствуя, монах. Толпа детей бежит за ним, ругаясь, бросает камни и всякую нечистоту. Монах, не обращая на то внимания, подходит к мальчику, скромно стоявшему у церковного дома; берет его за волосы, подымает выше себя и говорит: «Иоанн, учись книгам прилежно, ты имеешь быть архиепископом великому Новгороду.» И действительно, отрок сей, отданный матерью ради сиротства своего в обучение к диакону, делается впоследствии знаменитым святителем новгородским Ионой, великим молитвенником за установление в России самодержавия. И предуказанный блаженным Михаилом Клопским, Христа ради юродивым, святитель Иона причисляется затем к лику святых.

Память святителя Ионы (†1470 г.) – 5 (18) ноября.

1440 г. 22 января. Блаженный Михаил Клопский, Христа ради юродивый Новгородский, находясь в обители святителя Николая на Вяжинах, вдруг взбирается на колокольню и начинает звонить во все колокола. «Что это значит?» – спрашивает народ. «Ныне в Москве радость,» – отвечает, юродствуя, Михаил. «Что за радость такая?» – спрашивает находившийся в обители архиепископ Евфимий. «У великого князя родился сын Тимофей, он же и Иван. Да и какой сын! Той будет всему русскому царствию наследник и всем окрестным странам страшен будет и сего вашего Новгорода обладателем будет и гордыню вашу упразднит и в свою волю вас приведет, все ваше самовластие разрушит.» В этот день родился Иоанн Васильевич III, в 1471 году покоривший Новгород.

Память преподобного Михаила Клопского – 11 января.

Смущенный сидит в палате своей великий князь Василий II. «Судите бояре, что со мною наделал болотный чернец. Пришел ко мне во дворец и снял с меня благословение Божие.» Болотный чернец – это причисленный потом к лику святых подвижник Мартиниан, ученик преподобного Кирилла Белозерского. Основываясь на обещании великого князя, он убедил одного отъехавшего в Тверь боярина вернуться в Москву. Василий II, однако, заключил боярина в темницу. Разгневанный подвижник и

лишил за это великого князя благословения. «Виноват я перед Богом, – продолжал свое слово к боярам Василий, – забыл свое слово и поступил несправедливо; пойдём к Святой Троице, к преподобному Сергию и блаженному Мартиниану, чтобы получить прощение.» Освободил он боярина, пошел в обитель, где праведник встретил его с радостью.

Память преподобного Мартиниана Белозерского (†1483 г.) – 12 (25) января.

1512 г. Май месяц. Сыновья крымского хана Мёнгли-Гирея вероломно вторглись в Русскую землю и неожиданно напали на Калугу. Удельный князь Симеон Иоаннович с небольшим войском выступил против них. В Калуге в княжеском доме находился в то время блаженный Лаврентий, Христа ради юродивый. Вдруг он восклицает: «Дайте мне мою секиру острую, нападаша псы на князя Симеона, да обороню от псов его.» Через некоторое время святой блаженный вновь воскликнул: «Оборонил от псов князя Симеона.» На Оке же, где князь Симеон, с «насада» (род судна водоходного), бившись с «агарянами» (крымцами), окружен был во множестве нападавшими на него врагами, он вдруг узрел оказавшегося около него праведного Лаврентия, ободрявшего его и воинство словами:

«Не бойтесь.» Прогнаны были враги, и князь Симеон, вернувшись в Калугу, узнал о том как пророчески юродствовал святой Лаврентий (†1515 г.)

Память святого – 10 (23) августа.

1517 г. «Папа хочет великого князя и всех людей Русской земли принять в единение с римскою Церковью, не умаляя и не переменяя их добрых обычаев и законов, хочет только подкрепить эти обычаи и законы и грамотою апостольской утвердить и благословить, – поручил сказать великому князю папа Лев X через посла магистра Альбрехта Прусского. – Церковь греческая не имеет главы; патриарх константинопольский в турецких руках; папа знает, что на Москве есть духовнейший митрополит, хочет его возвысить, сделать патриархом, как был прежде константинопольский, и яснейшего царя всея Руси хочет короновать христианским царем. При этом папа не желает себе никакого прибытка, хочет только хвалы Божией и соединения христиан.»

«Государь наш с папой хочет быть в дружбе и согласии, но, как прежде государь наш с Божией волею от прародителей своих закон греческий держал крепко, так и теперь с Божией волею закон свой держать крепко хочет,» – так приказал Василий III (1505–1533 гг.) ответить послам папы.

1530 г. 4 сентября. Троице-Сергиева лавра. Обливаясь слезами

умиления, дождавшийся наконец рождения сына ревностный молитвенник великий князь Василий III кладет только что окрещенного игуменом Иосафом, святым Даниилом Переяславским и столетним иноком Кассианом Босым десятидневного Иоанна на раку святого Сергия, молит преподобного быть ему наставником и защитником в опасностях жизни... Льется царское золото в казны церковные и на бедных, отворяются темницы, снимаются опалы. Сооружаются великим князем раки святым митрополитам Петру и Алексию, для первого золотая, для второго серебряная.

1533 г. 3 сентября. Умирает великий князь Василий III Иоаннович. У одра болящего игумен Троицкий Иосаф. «Отче! – говорит ему Василий. – Молись за государство, за моего сына и за бедную! мать его. У вас я крестил Иоанна, отдал угоднику Сергию, клал на гроб святого, поручил вам особенно: молитесь о младенце-государе.»

Государь в забытьи. Во сне поет он «алилуйя, алилуйя.» Приносят к нему младенца Иоанна. Возложив на себя крест святого Петра; митрополита, Василий, держа крест, благословляет сына: «Буди на, тебе милость Божия и на детях твоих. Как святой Петр благословил сим крестом нашего прародителя великого князя Иоанна Данииловича, так им благословляю тебя, моего сына.»

Простившись с супругой, великий князь повторяет свою просьбу сказанную в начале болезни духовнику протоиерею Алексию и любимому старцу Мисаилу: «Не предайте меня земле в белой одежде! Не останусь в мире, если и выздоровею.» Велит государь Мисаилу принести монашескую ризу. Но часть бояр не желает допустить пострижения Василия. Вокруг ложа умирающего начинаются споры, шум Василий крестится, читает молитвы, взор меркнет, язык тупеет. Рука падает. Взирая на образ Владимирской Божией Матери, он, целуя простыню, с явным нетерпением ожидает обряда. Митрополит Даниил берет черную ризу, подает игумену Иосафу. Тогда князь Андрей (брат Василия) и ближний боярин Воронцов начинают вырывать ризу. Митрополит в гневе восклицает: «Не благословляю вас ни в сей век, ни в будущий. Никто не отымет у меня души его. Добр сосуд серебряный, но лучше позлащенный.» Пострижение совершено. Евангелие и схима ангельская лежала на груди испутившего дух инок Варлаама.

Конец XIV века. Тяжко занемог благочестивый князь Михаил Александрович Тверской. «К нему возвратились тогда, – пишет Карамзин, – послы из Константинополя: тверской протопоп Даниил и церковники, которые ездили с милостынею в Грецию и привезли от патриарха в дар

князю икону Страшного Суда. Забыв болезнь и слабость, князь встал с ложа, встретил сию икону на дворе, целовал оную с великим усердием и пригласил к себе на пир знатнейшее духовенство с нищими, слепыми и хромыми; братски обедал с ними и, ведомый слугами, каждому из гостей поднес так называемую «прощальную чашу» вина, моля их, чтобы они благословили его. Никто не мог удержаться от слез. Облобызав детей, бояр, слуг, Михаил пошел в соборную церковь, поклонился гробам отца и деда, указал место для своей могилы и стал на паперти, где собралось множество людей, которые смотрели на него с горестным умилением. Сей некогда величественный князь, быв необыкновенно высок и дороден, казался уже тению; бледный, слабый, он едва передвигал ноги. Народ плакал и безмолствовал; но когда Михаил, смиренно преклонив голову, сказал: «Иду от людей к Богу: братия! отпустите меня с искренним благословением!» – тогда все зарыдали, единодушно восклицая: «Господь благословит тебя, князь добрый.» Он сошел со ступеней. Сыновья и бояре хотели вести его во дворец, но Михаил к изумлению их указал рукой на лавру святого Афанасия. Приведенный в монастырь, был там пострижен епископом Арсением, назван Матфеем, и в седьмой день скончался, с именем князя умного, милостивого и грозного в похвальном смысле.»

## Царские палаты в Москве

День тезоименитства царя Иоанна Васильевича Грозного. Приглашен к столу чтимый царем и митрополитом Макарием Василий Блаженный, Христа ради юродивый. Потчуют его питием, а он содержимое чаши трижды выплескивает в окно, вызывая этим гнев Грозного. «Царю, престани от гнева твоего, – говорит святой Василий, – и веждь изливанием сего пития аз угасих огонь, имже в сей час объят бе весь Новгород, и потуших пожар сим.» И действительно, в этот день был пожар в Новгороде, и царю было донесено, что во время «запаления града» видели «нагого мужа с водоносом, заливающа пламень огненный.»

Память святого Василия Блаженного-2 (15) августа.

1550 г. Февраль. Устье реки Свияги. Царь Иоанн Васильевич Грозный, стоящий с воинством недалеко от Казани, видит высокую гору, называемую Круглою, господствующую над окружающей местностью. Царь с боярами и перешедшими к нему некоторыми князьями казанскими въезжает на вершину горы. Открывается вид неизмеримый во все стороны: к Казани, к Вятке, к Нижнему, к нынешней Симбирской губернии. Удивленный красотой места и оценивая его военное значение, царь говорит: «Здесь будет город христианский, стесним Казань; Бог выдаст ее нам в руки.»

1551 г. 16 мая. Князь Петр Серебряный-Оболенский, идущий с московской ратью, первый распускает знамя на Круглой горе. Отпев там вечернюю молитву, он 18 мая совершает удачный налет на посад казанский. Возвращается затем к устью Свияги. 24 мая прибывает на судах остальное воинство. Оставив мечи, воины принимаются секирами вырубать густой лес, осенявший гору. В несколько часов вершина обнажается. Размерено место, совершен вокруг него обход со крестами, освящена вода, основаны стены, церковь во имя Рождества Богоматери и преподобного Сергия и в четыре недели создается на страх казанцам город Свияжск.

1551 г. 23 февраля. Кремлевский дворец наполнен знаменитейшими мужами русского царства, духовными и мирскими. Митрополит Макарий, десять святителей, все архимандриты, игумены, бояре. К «Собору слуг Божих» держит слово юный царь Иоанн IV. Говорит он вдохновенно о возвышении и падении царств по причинам мудрости или буйства властей; описывает все испытанное Россией во время его сиротства и юности, сперва невинной, а потом развратной; указывает на дурные

примеры бояр, испортивших в нем сердце... Изображает недавние бедствия Москвы, обращенной в пепел. «Тогда, – говорит Иоанн, – ужаснулась во мне душа моя и кости во мне затрепетали; дух мой смирился, сердце умилилось. Теперь ненавижу зло и люблю добродетель. От вас требую ревностного наставления, пастыри христиан, учителя царей и вельмож, достойные святители Церкви. Не щадите меня в преступлениях; смело упрекайте мою слабость; гремите словом Божиим, да жива будет душа моя.» Царь поручает святителям рассмотреть Судебник и грамоты уставные, определяющие местное управление.

1552 г. 2 августа. Печальна Москва. 88 лет от роду умирает, блаженный Василий. Царь Иоанн Васильевич с царицей Анастасией и «благородными царевичами» Иоанном и Феодором находятся у изголовья святого, просят его молитв. Блаженный при последнем вздыхании пророчески говорит царевичу Феодору: «Вся прародителей твоих, твоя будут, и наследник будешь им.» Необычайная радость озаряет лицо блаженного в миг кончины. «Исполнится от телесе святого весь город благоухания и все граждане течаху великим и скорым шествием видети погребение блаженного, – говорится в прилоге и житии святого. – Царь бо и князи тело святого сами несоша до святой церкви на раменах своих.» Митрополит Макарий, архиереи и много священников пели псалмы и песни духовные. Народ со слезами взывал: «О, преблаженне Василие, молись о нас прилежно Христу Богу нашему, буди граду нашему Москве и всем рооссийским градам и весем зобрало и щит и крестоносному царю нашему и его благочестивой царице и благородным чадам его похвала и утверждение и радости податель.» Царь и царица проливали слезы радостные и скорбные: «радостные – в таком скончании видя совершенна и причтена святых лику: скорбные же – о лишении доброго подвижника.» «Мнози же тогда прикосновением к святым его мощам исцеление получиша.»

1552 г. Август. Казань на виду перед царем Иоанном IV и его ратью. Над войском высится святая хоругвь, на ней изображен Спас Нерукотворенный, а вверху водружен животворящий крест, бывший на Дону с великим князем Димитрием Иоанновичем... Царь воодушевляет войско сразиться для торжества христианства. «Дерзай царю! мы все едины душою за Бога и тебя.» «О твоём имени движемся!» – говорит Иоанн, взглянув на образ святой хоругви, и двигает рать поближе к городу... Город окружен... В ставке царской расставлены шатры и три церкви полотняные: архистратига Михаила, великомученицы Екатерины и преподобного Сергия...

2 октября. На рассвете. Царь назначил войску «пить общую чашу крови.» Приказано брать город приступом. Все готово к страшной битве. Стан опустел. В его безмолвии слышалось пение иереев, которые совершали литургию. Государь оставался в церкви с немногими из близких людей. Восходило солнце. Диакон, читая Евангелие, произносит слова: «да будет едино стадо и один пастырь.» Вдруг грянул сильный гром, земля дрогнула, церковь затряслась... Иоанн, выйдя, увидел страшные бедствия, происшедшие от русского подкопа. Густая тьма над Казанью. Глыбы земли, камни взлетали над городом. Русские войска врывались в Казань. Царь достаивает литургию... В Казани идет страшная сеча.

«Радуйся, благочестивый самодержец, – присылает, наконец, сказать Иоанну князь Михаил Воротынский. – Казань наша, царь ее в твоих руках; народ истреблен, кои в плену; несметные богатства собраны; что прикажешь?» «Славить Всевышнего,» – отвечает Иоанн, воздев руки к небу, велит петь молебен под святою хоругвью и собственною рукою водружает животворящий крест, назначая быть там первой церкви христианской.

В самый день взятия Казани – 2 октября – была сооружена в завоеванном городе обыденная церковь во имя дневных святых муч. Киприана и Иустины, а на следующий день заложен собор Благовещения.

1552 г. 29 октября. Берега реки Яузы полны множеством народа. Среди ликующего люда едет царь Иоанн IV, возвращающийся в столицу после завоевания Казани. Царь кланяется на обе стороны, народ же, целуя руки и ноги его, восклицает: «Многие лета царю благочестивому, победителю варваров, избавителю христиан.» У Сретенского монастыря, воздвигнутого на месте встречи москвичами Владимирского образа Богоматери, спасшей столицу от Тамерлана, ждут государя митрополит Макарий, духовенство с сей иконой, бояре, воины. Иоанн сходит с коня, прикладывается к образу и, благословенный святителями, говорит: «Собор духовенства православного! Отче митрополит и владыки! Я молил вас быть ревностными ходатаями пред Всевышним за царя и царство, да отпустятся мне грехи юности, да устрою землю, да буду щитом ее в нашествии варваров; советовался с вами о казанских изменах, о средствах прекратить оные, погасить огонь в наших селах, унять текущую кровь россиян, снять цепи с христианских пленников, вывести их из темниц, возвратить отечеству и Церкви. Дед мой, отец и мы посылали воевод, но без успеха. Наконец, исполняя совет ваш, я сам выступил в поле. Тогда явился другой неприятель, хан крымский, в пределах России, чтобы в наше отсутствие истребить христианство. Вспомнив слово Евангельское: бдите

и молитесь да не впадете в напасть! вы, достойные святители церкви, молились – и Бог услышал вас, и помог нам – и хан, гонимый единственно гневом небесным, бежал малодушно!. Ободренные явным действием вашей молитвы, мы подвиглись на Казань, благополучно достигли цели и, милостью Божией, сей град многолюдный пал пред нами: судом Господним в единый час изгибли неверные без вести, царь их взят в плен, исчезла прелесть Магометова, на ее месте водружен святой крест; области Арская и Луговая платят дань России; воеводы московские управляют землею; а мы, во здравии и веселии, пришли сюда к образу Богоматери, к мощам великих угодников, к нашей святыне, в свою любезную отчизну – и за сие Небесное благодеяние, вами испрошенное, тебе, отцу своему, и всему освященному Собору мы с князем Владимиром Андреевичем и со всем воинством в умилении сердца кланяемся.» Государь, князь Владимир и вся дружина кланяются до земли. Иоанн говорит далее: «Молю вас и ныне да ревностным ходатайством у престола Божия и мудрыми своими наставлениями способствуйте мне утвердить закон, правду, благие нравы внутри государства; да цветет отечество под сенью мира в добродетели; да цветет в нем христианство; да познают Бога истинного неверные, новые подданные России, и вместе с нами да славят Святую Троицу во веки веков. Аминь.» Ответствует ему митрополит проникновенным словом, указывая, что «возложив неуклонную надежду на Бога Вседержителя» и дав обет, царь «предал свою душу и тело за Церковь, за отечество.» «...Сей царствующий град казанский, где гнезился змий как в глубокой норе своей, уязвляя, поедая нас, – сей град, столь знаменитый и столь ужасный, лежит бездушный у ног твоих, ты растоптал главу змия, освободил тысячи христиан плененных, знаменами истинной веры освятил скверну Магометову...» Провозгласив многие лета государю и воинству, святитель вместе с духовенством и народом пали ниц перед Иоанном. Сняв затем воинскую одежду, возложив порфиру, на главу крест животворящий, венец Мономахов, царь шествует за святыми иконами в Кремль, слушает молебен в Успенском соборе и прикладывается к мощам угодников российских.

1558 г. Апрель. Русские войска стоят под Нарвой, защищаемой немцами. На противоположном берегу в Ивангороде благочестивые россияне, соблюдая великий пост, говеют и молятся. В Нарве немцы, новые лютеране, пируют.

11 мая. Пьяные нарвские немцы, увидев икону Богоматери в доме одного псковича, бросили ее в огонь. Вдруг из-за этого начался пожар, увеличившийся из-за страшной бури, внезапно разразившейся. Жители

Ивангорода устремляются в пылающую Нарву. Вслед им воеводы перевозят войско. Головы стрелецкие с боярином Алексеем Басмановым и Данилом Адашевым вламываются в Русские ворота, Иван Бутурлин – в Кольванские. Город взят... Торжественно отпраздновав занятие Нарвы во всем государстве, Иоанн IV велит отправить в город архимандрита, юрьевского и софийского протоиерея, чтобы освятить место во имя Спасителя крестным ходом и молебнами «от веры латинской и лютерово́й,» соорудить церкви в замке и в городе, поставив сохранившуюся невредимой икону Богоматери, из-за кощунства над которой загорелась Нарва.

1560 г. Август. Конец светлым и великим дням царствования Иоанна IV. Плачет вся Москва, погребая свою первую царицу Анастасию, связавшую дом Рюрика с Романовыми. Тело усопшей переносят в девичий Вознесенский монастырь. Народ, теснясь, не дает пути ни духовенству, ни боярам. Неутешнее всех бедные, нищие, громко называющие Анастасию именем матери. Им хотели раздать положенную в таких случаях милостыню – они не принимают ее, отказываясь от всякой отрады в сей день печали. Рыдает, рвется Иоанн, ведомый под руки князьями Юрием, Владимиром и юным казанским царем Александром.

1568 г. По окончании литургии митрополит Филипп говорит в храме царю Иоанну IV: «Здесь мы приносим Богу бескровную жертву за спасение мира, а за алтарем безвинно проливается кровь христианская. Ты сам просишь прощения перед Богом: прощай же другим, согрешающим перед тобою.» «О, Филипп, – отвечает грозный царь, – нашу ли волю думаешь изменить? Лучше было бы тебе быть единомысленным с нами.» «Тогда суетна была бы вера наша, напрасны и заповеди Божий о добродетелях, – возражает святитель. – Не о невинно преданных смерти скорблю, они мученики. О тебе скорблю, о твоём спасении пекусь.» «Ты противишься нашей державе, – гневно отвечает царь, – посмотрим на твою твердость.» «Я пришелец на земле, и за истину благочестия готов претерпеть и лишение сана, и всякие муки,» – говорит митрополит Филипп.

Память удушенного 23 декабря 1569 года в Тверском Отрочем монастыре святого митрополита Филиппа празднуется 9(22) января и 3(16) июля (перенесение мощей).

1570 г. 20 февраля. Воскресение второй недели великого поста. Псков. По всем улицам до Кремля по распоряжению мудрого князя Юрия Токманова поставлены столы с хлебом и солью, перед столами стоят жители в праздничных одеждах. Все охвачены страхом. Только один

человек в длинной рубашке, подпоясанный веревкой, смело и беззаботно разгуливает по улицам, перебегая босыми ногами от одного дома к другому и стараясь ободрить жителей. Это блаженный Никола, по прозвищу Салос (юродивый)... Торжественно въезжает во Псков только что разгромивший Новгород царь Иоанн Васильевич Грозный. Яростен его взгляд, не принимает он хлеба-соли от наместника. Жители на коленях. Вдруг перед царем появляется юродивый Никола и сидя, как дети, на палочке подъезжает к царю, приговаривая: «Иванушка, Иванушка, покушай хлеба-соли, а не человеческой крови.» Царь велит опричникам схватить юродивого, но он исчезает. Вторично встречает он царя, выходящего после молебна из Троицкого собора, и неотступно зовет его зайти в келию под соборную колокольню. Царь входит. В убогой келии разостлана на лавке чистая скатерть и на ней лежит огромный кусок сырого мяса. «Покушай, Иванушка, покушай,» – приговаривает юродивый. «Я христианин и не ем мяса в пост,» – сурово отвечает царь. «Ты делаешь хуже, – замечает ему блаженный, – питаешься плотью и кровью человеческой, забывая не только пост, но и Бога...» Бледным выходит Иоанн из келии и велит снимать колокола с Соборной церкви и забирать ризницу. «Не трогай нас, прохожий человек, – строго говорит ему святой Никола, – ступай скорее от нас. Если еще помедлишь, то не на чем будет тебе бежать отсюда.» Царь распоряжения своего не отменяет. Приступают к снятию колоколов. И в то же время докладывают Иоанну, что пал его лучший конь. Испуганный исполнением пророчества святого, царь выезжает в предместье города и скоро возвращается в Москву, не тронув жителей Пскова.

Память святого Николы, юродивого Псковского (†1576 г.) – 28 февраля (13 марта).

1581 г. Ноябрь. Поляки осаждают Псково-Печерский монастырь. Мужественно отражают нападение стрельцы и иноки под начальством Юрия Нечаева. Замойский, пораженный стойкостью обители, посылает инокам икону Благовещения и ласковую грамоту, уговаривая их сдаться. Старец Патермуфий, облекшись в схимническое одеяние, дает посланцу Замойского ответ монахов: «Не хотим жалованья от короля и не страшимся угроз его, не принимаем и льстивого ласкательства канцлера. Но умрем в дому Пречистыя по своему иноческому обещанию и по крестному целованию за отчину своего государя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси. Как одного меня видите, так все мы готовы умереть.»

1581 г. День Рождества Пресвятой Богородицы. Полчища поляков и

литовцев штурмуют Псков, защищаемый мужественным воеводой кн. Иваном Петровичем Шуйским. Бодр дух осажденных. Инок Покровского монастыря дряхлый слепец Дорофей видел явление Богородицы в соупутствии святых князей: Всеволода-Гавриила, Довмонта-Тимофея, блаженного Николы Салоса и других прославленных во Пскове святых. Гневалась Владычица на град, но святые вымолили ее прощение. «Старче! – слышал голос Дорофей. – Иди скорее, возвести боголюбивым воеводам, печерскому игумену и всему народу, чтобы прилежно и непрестанно молили Господа Бога; завтра пусть стерегут это место, пусть поставят здесь пушки и направят их на шатры королевские. Всему народу вели плакаться о грехах своих и Я буду молить Сына Моего и Бога за ваши согрешения"... Приступ отбит на месте, указанном в видении. Воздавая хвалу Богу в храме святой Троицы, князь Шуйский говорит воинам и народу: «Вот, братие, миновал для нас первый день печали и веселия, трудов и мужества. Совершим, как начали. Сильные враги наши пали, а мы, немощные, препоясались силою. Гордый исполин лишился хлеба, а мы, алчущие милосердия Божия, исполнились благ. Будем готовы умереть за веру Христову. Как начали, так и довершим, с Богом, без всякой хитрости.» Враги вскоре сняли осаду, не возобновив приступов.

1582 г. 22 октября. Казачий круг на берегу Иртыша, имея против себя огромные полчища татар во главе с их царем Кучумом, решает что делать дальше. Некоторые советуют отступить. Другие же, по свидетельству Строгановской летописи, говорят: «О, братия наша единомысленная, камо нам бежати, уже осени достигши, и в реках лед смерзается; не дадимся бегству и тоя худья славы себе не получим, ни укоризны на себе не положим, но возложим упование на Бога; не от многих бо вой победа бывает, но свыше от Бога помощь дается; может бо и беспомощным Бог помощи... Воспомянем, братие, обещание свое, како мы честным людям перед Богом обеты и слово свое даша, и уверившиеся крестным целованием, елико всемогий Бог нам помощи подает, а отнюдь не побежати, хотя до единого всем умрети, а вспять возвратиться не можем срама ради и преступления ради слова своего, еже с клятвой обещахомся; аще нам Всемогий, в Троице славимый Бог поможет, то и по смерти нашей память наша не оскудеет в тех странах и слава наша вечна будет.» Решив не «пременить» обета своего, «пострадати» за веру православную и послужить царю, казаки под начальством атамана Ермака 23 октября разбивают Кучума – и заслуживают вечную славу.

1582 г. 21 февраля. Москва. Тронная палата. Царь Иоанн Грозный сидит только с боярами сверстными и князьями служилыми (стольники и

младшие дворяне высланы). Вводятся из советной палаты римский посол иезуит Антоний Поссевин с тремя другими иезуитами. Предстоит беседа о соединении вер. Изъявив послу папы Григория XIII «ласку,» царь, как и раньше, убеждает его не касаться веры. «Антоний! – говорит далее Иоанн. – Мне уже 51 год от рождения и недолго жить в свете; воспитанный в правилах нашей христианской церкви, издавна несогласной с латынскою, могу ли изменить ей перед концом земного бытия своего? День суда небесного близок: он явит, чья вера, ваша ли, наша ли истиннее и святее. Но говори, если хочешь.» В пространной горячей речи Антоний убеждает царя признать первенство папы и этим достигнуть объединения монархов, уничтожения турок, получения Россией Киева и Византии. Иоанн затрудняется говорить о вере. «...Занимаюсь единственно мирскими, государственными делами России, не толкую церковного учения, которое есть дело нашего богомольца, митрополита.» Отказывается он от новых государств. Антоний не унимается. Утверждая, что русские – «новоуки» в христианстве, он говорит, что Рим есть древняя столица христианства. «Ты хвалишься православием, – начиная досадовать, отвечает царь, – а стрижешь бороду; ваш папа велит носить себя на престоле и целовать в туфель, где изображено распятие. Какое высокомерие для смиренного пастыря христианского. Какое уничижение святыни!» «Нет уничижения, – возражает Антоний, – достойное воздается достойному. Папа есть глава христиан, учитель всех монархов православных, сопредстольник апостола Петра, Христова сопредстольника. Мы величаем и тебя, государь, как наследника Мономахова; а святой отец...» Иоанн, прерывая его, говорит: «У христиан един Отец на небесах. Нас, земных властителей, величать надо по мирскому уставу; ученики же апостольские да смиренномудрствуют. Нам честь царская, а папам и патриархам святительская. Мы уважаем митрополита нашего и требуем его благословения; но он ходит по земле и не возносится выше царей...»

1589 г. 28 января. Москва. Успенский собор. С благословения константинопольского патриарха Иеремии избранный царем Феодором Иоанновичем из трех кандидатов митрополит Иов нарекается первым всероссийским патриархом. Выходит из алтаря владыка Иов, становится на амвон, держит в одной руке свечу, а в другой письмо благодарственное к государю и духовенству. Приближается к нему боярин и, держа пылающую свечу, говорит: «Православный царь, вселенский патриарх и Собор освященный возвышают тебя на престол Владимирский, Московский и всея России.» Ответствует Иов:

«Я раб грешный; но если самодержец, вселенский господин Иеремия

и Собор удосуживают меня столь великого сана, то приемлю его с благодарением.»

1601 г. Начался продолжавшийся три года страшный голод в Московском государстве. Страдает народ, на бедствии его наживаются алчные люди, скопившие запасы хлеба. Но в с. Лазареве, под Муромом, живет милосердная женщина – вдова зажиточного дворянина Ульяна Устиновна Осорьина. Облик ее красочно очерчен историком Ключевским, указывавшим на ее исключительную жалостливость к бедным и убогим. «Бедный был для нее какой-то бездонной сберегательной кружкой, куда она с ненасытным скопидомством все прятала – все свои сбережения и излишки. Порой у нее в доме не оставалось ни копейки от милостыни, и она занимала у сыновей деньги, на которые шила зимнюю одежду для нищих, а сама, имея под 60 лет, ходила всю зиму без шубы.»

Голод застает ее без зерна. Распродав все, что можно было, она покупает хлеб и кормит несчастных. Разорившись на этом совершенно, она отпускает свою дворню на волю. Тех, кто не оставил ее, она отправляет собирать древесную кору и лебеду и из этого выпекает хлеб, которым кормит нищих. И этот диковинный хлеб все отведавшие его находят прекрасным. Под именем праведной Иулиании Лазаревской причтена к лику святых эта милосердная русская женщина.

Память святой Иулиании 2 (15) января.

## Смутные годы

1606 г. 11 мая. Дьяк Тимофей Осипов назначен торжественно объявить Марину, жену Дмитрия Самозванца, царицей, после чего должно последовать принесение ей присяги. Готовясь к этому дню, Осипов накладывает на себя пост и двукратно причащается Святых Тайн. Представ перед Дмитрием, он в присутствии всех заявляет: «Велишь себя писать в титулах и грамотах цезарь непобедимый, а то слово по нашему христианскому закону Господу нашему Иисусу Христу грубо и противно, а ты вор и еретик подлинный, расстрига Гришка Отрепьев, а не царь-царевич Дмитрий.» Отказывается дьяк Осипов присягать «иезуитке, царице-язычнице, оскорбляющей своим присутствием московские святыни.» Убитый окружающими самозванца, Осипов выбрасывается ими в окно.

1607 г. 20 февраля. Успенский собор. Вызванный патриархом Гермогеном из Старицы бывший патриарх, престарелый Иов, стоит на патриаршем месте. Отслужив молебен, всходит туда же и святейший Гермоген. Народ, исстрадавшийся за время смуты, просит у патриарха Иова прощения в своих грехах и подает челобитную. Архидиакон читает ее. В ней русские люди каялись в том, что, поклявшись верою и правдою служить царю Борису и не принимать вора, назвавшегося царевичем Дмитрием, изменили присяге. Говорилось и о нарушении крестного целования сыну Бориса юному Феодору. По выслушании челобитной патриархи передали архидиакону разрешительную грамоту, им оглашенную. Святители, прося Господа о подании мира, любви, прежнего соединения русских людей, моля Вседержителя о благословении царя Василия Шуйского победами над врагами, разрешали всех покаявшихся православных от содеянных ими грехов – прежних клятвoprеступлений и измен.

1608 год. Сапега с ляхами возмутил Суздаль и Переяславль против царя Василия. Верные присяге ростовцы, не надеясь на крепость своих стен, предлагают митрополиту Филарету (Романову) вместе с ними удалиться в Ярославль. «Не бегством, а кровию надо спасти отечество, – ответствен за им владыка, – благородная смерть лучше жизни срамной; есть другая жизнь и венец мучеников для христиан, верных Богу и царю.» Святитель Филарет с немногими ратными людьми запирается в соборной церкви. Все исповедываются, причащаются и готовятся к смерти. Переяславцы осаждают храм, стреляют, ломятся в двери, яростным ревом

отвечают на голос митрополита, молящего их не быть извергами. Падают двери. Ростовцы, окружив архипастыря, бьются до изнеможения. Ворвавшиеся изменники грабят святыни, разрубают золотую раку святителя, а митрополита Филарета босого, в изорванном польском кунтуше и татарской шапке, со страшными издевательскими увозят в Тушино к самозванцу.

«Да ведает ваше темное державство, – отвечали в сентябре 1608 года защитники Троице-Сергиевой лавры Сапеге, – что напрасно прельщаете Христово стадо, православных христиан. Какая польза человеку возлюбить тьму больше света и преложить ложь на истину; как же нам оставить вечную святую истинную свою православную христианскую веру греческого закона и покориться новым еретическим законам, которые прокляты четырьмя вселенскими патриархами. Или какое приобретение оставить нам своего православного царя и покориться ложному врагу, и вам, латыне иноземной, уподобиться жидам или быть еще хуже их. Десятилетнее отроча в монастыре смеется вашему безумному совету. Не изменим ни вере, ни царю, хотя бы сулили нам всего мира сокровища.»

1608 г. Ноябрь. За три часа до рассвета, ободренные явлением преподобного Сергия и Архангела Михаила, получив благословение архимандрита Иосифа у гроба святого, воеводы во главе трех отрядов ратных людей и монахов разными путями тихо выходят из осажденной обители. При ударах монастырского колокола бросаются они на осадные работы поляков с кличем «Святой Сергий!» После ряда вылазок, удастся, наконец, защитникам Троице-Сергиевой лавры добраться до того места, откуда велся подкоп. Клементьевские крестьяне Шилов и Слота бросаются в него и поджигают порох. Раздается страшный взрыв. Стены обители остаются невредимыми, подкоп разрушается. Героями погибли крестьяне Шилов и Слота.

«Бывшим православным христианам всякого чина, возраста и сана: теперь же не ведаем, как вас и назвать. Не достает мне сил, болит душа и болит сердце, все внутренности мои расторгаются и все составы мои содрогаются, плачу и с рыданием вопию: помилуйте, помилуйте свои души и души своих родителей, восстаньте, вразумитесь и возвратитесь,» – писал в начале 1609 года бунтарям в Тушино патриарх Гермоген, «бывшим братьям нашим» писал святитель туда же позднее: «а теперь не знаем, как и назвать вас, потому что дела ваши в наш ум не вмещаются, уши наши никогда прежде о таких делах не слышали, и в летописях мы ничего такого не читывали: кто этому не удивится? Кто не восплачет? Слово это мы пишем не ко всем, но к тем только, которые, забыв крестное целование,

отъехали, изменив государю царю и всей земле, своим родителям, женам и детям и всем своим ближним, особенно же Богу, а которые взяты в плен, как Филарет митрополит и прочие, не своею волею, но силою, и на христианский закон не стоят, крови православной братии не проливают, таких мы не порицаем, но молим о них Бога.»

«Мы в храме Божьей Матери дали обет не изменять государю нашему Василию Ивановичу, а тебе, литовскому королю, и твоим панам не раболепствовать вовеки,» – так в сентябре 1609 года отвечали королю Сигизмунду из осажденного Смоленска воевода Михаил Борисович Шеин, архиепископ Сергей и народ. Позднее, в начале 1610 года, владыка Сергей, чтобы пресечь разговоры горожан о сдаче, снял после службы облачение, положил посох и, выйдя к пастве, объявил ей, что готов принять какую угодно муку, но Церкви не предаст, и согласен, чтобы его умертвили, но на сдачу города не согласится. Горожане, проливая слезы, надели на владыку Сергия облачения и поклялись бороться с поляками до последнего издыхания. В конце декабря 1610 года на требование поляков о сдаче Смоленска королю, подкрепленное известием, что Москва уже целовала ему крест, доблестный Шеин отвечал: «Хотя Москва королю и крест целовала, и то на Москве сделано от изменников. Изменники бояр осилили. А мне Смоленска королю не сдавать и ему креста не целовать, и биться с королем до тех мест, как воля Божия будет. И кого Бог даст государя, того и будет Смоленск.» Только в июне 1611 года пал почти вымерший Смоленск. Воевода Шеин был пытаем поляками и заключен в Литве, архиепископ Сергей умер в Вильне в узах.

1610 год. Ноябрь. Патриаршие палаты. Бояре правительствующей думы требуют от святителя Гермогена, чтобы он разрешил народу целовать крест польскому королю Сигизмунду, отдаваясь в его полную волю, отписав об этом и доблестным защитникам Смоленска. Твердо отказывает в этом патриарх. «...Я таких грамот не благословляю вам писать и проклиная того, кто писать их будет: а русским людям напишу, что если королевич на Московское государство не будет, в православную веру не крестится и Литвы из Московского государства не выведет, то благословляю всех, кто королевичу крест целовал, идти под Москву и помереть всем за православную веру.» С наглыми ругательствами бросается на патриарха боярин Михаиле Салтыков, грозя ему ножом. «Крестное знамение да будет против твоего окаянного ножа,» – грозно говорит святитель, подняв руку с крестным знаменем. «Будь ты проклят в сем веке и в будущем.» «Это твое начало, господин, – продолжал патриарх, обращаясь к первосоветнику боярской думы князю

Мстиславскому. – Ты больше всех честию: тебе следует впереди других подвизаться за православную веру; а если ты прельстишься, то Бог скоро прекратит жизнь твою, и род твой возьмет от земли живых, и не останется никого от рода твоего в живых.» Подавлены мужеством и обличением святителя бояре-изменники и на время оставляют его в покое.

«Даст тебе Бог поучать людей от востока до запада, наполнять землю учениками, отводить от пьянства. За незаконное же пьянство и разврат Господь Бог найдет на русскую землю иноплеменных. И они подвизаются и почудятся великому терпению твоему и подвигам: меч их тебя не повредит, и они прославят тебя более верных,» – говорил в Ростове святой блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, задолго до Смутного времени своему другу святому Иринарху-затворнику, заповедав ему носить на себе кресты железные.

Память Иоанна Власатого, юродивого Ростовского (†1580 г.) – 3(16) сентября.

«Я в Русской земле родился и крестился, за русского царя Василия и молюсь,» – говорил ворвавшимся в его келию полякам и русским изменникам преподобный Иринарх, подвижник Ростовский, обвинивший себя железным «ужищем,» то есть особой длинной цепью. Из затвора ходил он в Москву увещевать царя Василия стоять твердо. По пророческому слову старца Иринарха князь Скопин-Шуйский отбил Сапегу от Калязина. И весь победоносный поход Скопина к Москве совершался с благословения преподобного, пославшего князю освященную просфору и говорившего: «Дерзай, не бойся, Бог тебе поможет.» Скопину же послал он свой родительский «поклонный» медный крест, которым впоследствии благословил и князя Пожарского.

Память святого Иринарха, затворника Ростовского († 1616 г.) – 13(26) января.

1611 год. Март. Изменник боярин Салтыков по приказанию Гонсевского снова настаивает перед патриархом Гермогеном о прекращении им отечестволюбивой деятельности: «Это ты по городам посылал грамоты; ты приказывал всем собираться да идти на Москву. Отпиши им, чтобы не ходили.» «Если ты, все изменники и поляки выйдете из Москвы вон, я отпишу к своим, чтобы вернулись. Если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за православную веру. Вижу ее поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле латынское пение и не могу терпеть.» Заговорил тогда Гонсевский: «Ты, Гермоген, главный заводчик сего возмущения. Тебе не пройдет это даром. Не думай, что тебя охранит твой сан.»

Но святителя нельзя было запугать. Злою смертью грозили ему изменники и поляки во вторник на Святой неделе, когда ополчение и казаки подошли к самой Москве. «Боюсь Единого Живущего на небесах, – отвечал патриарх. – Вы мне сулите злую смерть, а я надеюсь через нее получить венец небесный и давно желаю пострадать за правду.» В подземелье Чудова монастыря ввергнут был святитель. «В храмине пуста, яко во гробе, затвориша,» – говорит летопись.

1611 г. 5 августа. Из подземелья Чудова монастыря через бесстрашного свияженина Родиона Мосеева пишет святитель Гермоген в Нижний Новгород свою последнюю, предсмертную грамоту: «Благословение архимандритам, и игуменам, и протопопам, и воеводам, и дьякам, и дворянам, и детям боярским, и всему миру; от патриарха Гермогена Московского и всея России – мир вам и прощение и разрешение. Да писати бы вам из Нижнего в Казань к митрополиту Ефрему, чтобы митрополит писал к боярам учительную грамоту, да и казацкому войску, чтобы они стояли крепко в вере, и боярам бы и атаманье говорили бесстрашно, чтобы они отнюдь на царство проклятого Маринкина сына... (не брали)... Я не благослав-ляю. И на Вологду ко властем пишете ж; также бы писали в полки, да и к Рязанскому (владыке) пишете тож, чтобы в полки также писал к боярам учительную грамоту, чтобы уняли грабеж, корчму и разврат, и имели бы чистоту душевную и братство, и промышляли бы, как реклись, души свои положить за Пречистыя дом, и за чудотворцев, и за веру, так бы и совершили; да и во все города пишете, чтоб из городов писали бы в полки к боярам и атаманье, чтобы отнюдь Ма-ринкин (сын) ненадобен; проклят от святого Собора и от нас. Да те бы вам грамоты с городов собрати к себе в Нижний Новгород, да пересылати в полки к боярам и атаманье; а присылати же прежних коих есте присылали ко мне с советными челобитными – свияженина Родиона Мосеева да Романа Пахомова – а им бы в полках говорити бесстрашно, что проклятый отнюдь не надобен; а хотя буде постраждете, а вас в том Бог простит и разрешит в сем веце и в будущем; а в города для грамот посылати их же, а велети им говорить моим словом. А вам всем от нас благословение и разрешение в сем веце и в будущем, что стоите за веру неподвижно; а я должен за вас Бога молити.»

Память святителя Гермогена (†1612 г.) – 12(25) мая.

1611 г. Август. Нижний Новгород. На простого посадского человека, говядаря, земского старосту Козьму Минина-Сухорука огромное впечатление произвела последняя грамота узника патриарха Гермогена, доставленная неутомимым патриотом гонцом Родей Мосеевым. Святой

Сергий Радонежский явился Минину и велел побуждать людей к долгу, собирать казну и ратных людей, очищать государство. «Воздвизает Бог некоего мужа от христианского благочестивого народа, – писал о Минине современник, – не славного родом, но мудрого смыслом, который, видя многих насильствуемых, зело оскорбился и (...) поболел душою за людей Господних: принял на себя молву бесчисленных печалей, всегда носился бурями различных попечений, непрерывно о своем деле попечение имел; если и не искусен воинским стремлением, но смел дерзновением.»

Нижегородцы, вняв призыву Минина, искали достойного вождя народного ополчения. Не впад сами за Смутное время в измену, они и вождем помышляли иметь «мужа честного, кому за обычно ратное дело, который таким был искусен и который в измене не явился.» Таковым и был избран стольник, боровшийся с поляками, израненный князь Димитрий Михайлович Пожарский. Послы нижегородцев печерский архимандрит Феодосии, дворянин Ждан Болтин упросили его принять начальствование. Нижегородцами же подписан был замечательный по патриотизму приговор: «Стоять за истину всем безызменно, к начальникам быть во всем послушными и по-корливыми и не противиться им ни в чем; на жалованье ратным людям деньги давать, а денег не достанет – отбирать не только имущества, да и дворы, а жен, и детей закладывать, продавать, а ратным людям давать, чтобы ратным людям скудости не было.»

«И ныне, господа, мы все православные христиане общим советом, сославья со всей землею, обет Богу и души своя дали на том, что нам их (атаманов и казаков) воровскому царю Сидорку; и Марине, и сыну ее не служить и против врагов и разорителей веры христианской, польских и литовских людей, стояти в крепости неподвижно. И вам, господа, пожаловати, помня Бога и свою православную христианскую веру, советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разорение быти не безгосударным; чтобы нам, по совету всего государства, избрати общим советом государя, кого нам милосердный Бог, по праведному Своему человеколюбию, даст...» – из грамоты, разосланной 7 апреля 1612 года из Ярославля князем Пожарским и другими начальными людьми с призывом всеобщего ополчения на защиту Отечества.

1612 г. Конец августа. Два дня ведется бой под Москвой между народным ополчением и гетманом Хоткевичем при безучастном отношении казаков, под начальством князя Д. Т. Трубецкого. Вечер. В русских полках слышится пение молебнов. «Всею же ратию начаша

плакаты и пети молебны, чтобы Московское государство Бог избавил от гибели, и обрекошася всею ратью поставить храм во имя Сретение Пречистыя Богородицы и святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, да Петра Митрополита, московского чудотворца.» Победа приходит, и достигает ее Козьма Минин, испросивший у князя Пожарского ратную силу. С тремя дворянскими сотнями Минин ударяет на поляков у Крымского брода, разбивает их и заставляет Хоткевича оставить Москву.

1613 г. 6 февраля. Заседание Великого Земского Собора. «Теперь у нас в Москве благодать Божья воссияла, мир и тишину Бог даровал, – говорит князь Пожарский. – Станем у Всещедрого Бога милости просить, дабы нам дал самодержателя всей России. Подайте нам совет благий. Есть ли у нас царское прирождение?» Все умолкли. Выступили со словом духовные лица: «Государь Димитрий Михайлович. Мы станем собором милости у Бога просить. Дай нам сроку до утра.»

7 февраля. Дворянин из Галича выступает на Соборе вперед и представляет письменное мнение, что последнему государю из рода Иоанна Калиты – Феодору Иоанновичу – ближе всех по родству приходится Михаил Феодорович Романов, отчего он и является прирожденным царем. Таковую же грамоту «о прирожденном царе Михаиле Феодоровиче» подает донской атаман Межаков.

## Окрепшая Русь

На места посланы запросы – одобряют ли выбор Михаила Романова. Установлен пост, соблюдавшийся вообще в конце Смутного времени – по понедельникам, вторникам и средам ничего не ели, по четвергам и пятницам «сухо ели.»

С мест приходит одобрение выбору, и 21 февраля – в неделю Православия – Михаил Феодорович избран был окончательно царем.

«В тот день бысть радость велия на Москве, и поидоша в Соборную апостольскую церковь Пречистые Богородицы и пеша молебны – звоном и со слезами. И бяше радость велия, яко из тьмы человецы выидоша на свет,» – говорит летописец.

«Тебя убо, превеликий государь, не по человеческому единомышлению, ниже по человеческому угодию предызбра, но по праведному суду Божию сие царское избрание на тебе, великом государе, возложи... Не мы сей подвиг сотворихом, но Пречистая Богородица с великими чудотворцы возлюби тебе и святую волю Сына своего и Бога нашего изволили исполнити на тебе, государе нашем,» – говорилось в челобитьи, представленном 14 марта 1613 года в Ипатьевском монастыре царю Михаилу Феодоровичу посольством от Великого Земского Собора: архиепископом Феодором, боярином Феодором Шереметевым и другими.

«В те поры приходили в костромской уезд польские и литовские люди и тестя его Богдашкова Ивана Сусанина в те поры литовские люди издымали и его пытали немерными пытками. А пытали у него где в те поры мы, великий государь царь и великий князь Михаиле Феодорович всея России, были и он, Иван, ведая про нас, великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, великого государя, тем польским и литовским людем, где мы в те поры были, не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти,» – так в жалованной грамоте от 30 ноября 1619 года зятю Сусанина Богдану Сабину описывается великий подвиг Сусанина.

Вербное Воскресенье. Трапеза в патриаршей столовой. Вблизи стола, за которым восседает патриарх Никон, стоит другой стол, вокруг которого сидят слепые, увечные, безногие. Патриарх подзывает их, кормит, поит с полным уважением. Потом патриарх поднимается, ему подносят таз и кувшия. Он обходит нищих, умывает, вытирает и лобзает их ноги, раздает милостыню.

1665 г. Осень. Страшная моровая язва опустошает Вологду и ее окрестности. Смерть ежедневно уносит множество жертв. Отчаяние охватывает народ. Жизнь замирает. Но благочестие, вера побеждают греховное уныние. Народ устремляется в храмы, молится, постится и возникает мысль – воздвигнуть в один день храм во имя Спасителя. Назначается день – 18 октября – и тысячи людей приступают к работе, благополучно завершённой. Иконами и утварью храм, названный Спасо-Обыденным, снабжается из других церквей Вологды и торжественно освящается архиепископом Маркеллом. Никто из жителей с того дня не заболевает язвой.

1651 г. Царь Алексей Михайлович навещает опасно заболевшего патриарха Иосифа. Святитель, преодолевая себя, выходит к царю, не сразу даже узнав его. «И посидя немного, – писал после кончины патриарха царь митрополиту новгородскому Никону, – я встал и его поднял, и так его почало знобить, не мог и Достоинно проговорить. Славу проговорил с отпуском насилу; да почел ко мне прощение говорить, что говорят в среду на страстной, и я ему отвечал по уставу, да сам почел прощение к нему творить да поклонился в землю ему, а он малой поклон сотворил да благословил меня, да велел себя весть провожать меня, а ноги те волочит на злую силу; и я стал, и учал его ворочать: «воротися, государь, ей пуще тебе будет»; и он мне жалует говорить: «ину су я тебя и в другоредь благословлю»; и я молвил «пожалуй же государь, великий святитель, благослови и третицею,» и он пожаловал и в третий благословил, да как благословить и руку дает целовать и в херувим; и я благословясь да поклонился в землю ему и поцеловал в ногу, и он, смотря на меня благословляет и прощает"...

Патриарх умер. Весть об этом получает царь в Великий четверг за литургией. «...А в ту пору ударил в царь-колокол трикраты, – пишет царь митрополиту Никону, – и на нас такой страх и ужас нашел, едва петь стали и то с слезами, а в соборе певчие и власти все со страху и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился, да к таким дням великим кого мы грешные отбыли; яко овцы без пастуха не ведают где деться, так то мы ныне грешные не ведаем, где главы приклонити, понеже прежнего отца и пастыря отстали, а нового не имеем...»

Царствование царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.). Москва

Канун Нового года. Святейший патриарх служил торжественную вечерню; народ с зажженными свечами в руках молился о грядущем новолетии...

Полночь. Среди глубокой тишины раздавался выстрел пушки. В ответ

начинался звон колокола Ивана Великого и всех московских храмов. Начиналась заутреня в переполненных церквях...

Кремль наполнялся народом. После ранней литургии, совершенной патриархом в Успенском соборе, начинался крестный ход. Выйдя из собора, патриарх читал молитву «о еже благословити венец лета Благостию Своею» и потом вступал на помост, устроенный против Красного крыльца. На помосте, застланном великолепными персидскими коврами, стояло патриаршее место и перед ним на аналоях образа и «столец» для освещения воды. Тут же посреди высилось «государево место» – резной, вызолоченный и высеребранный, увенчанный пятью главами трон. Кругом помоста размещались служилые люди. А далее на площади, на кровлях церквей, домов – люд московский...

На время умолкали колокола. Все замирало...

Но вот снова ударял колокол Ивана Великого, лились торжественные напевы. Когда патриарх, окруженный духовенством в блистающих золотых облачениях, вступал на помост, с противоположной стороны, с паперти Благовещенского собора открывалось шествие московского царя. При звоне всех колоколов, окруженный знатнейшими боярами, поддерживаемый ближайшими стольниками, сияя золотым одеянием, украшенным самоцветными камнями, словно красное солнышко, царь всходил на помост, становился на свое государево место, и начиналось тогда «действие многолетнего здоровья.» Это было зрелище единственное, полное величия и глубокого народного чувства. Недаром иностранцы писали к своим дворам:

«Это была самая трогательная, самая величественная и поражающая картина благовейного поклонения венценосцу»...

Прежде всего все духовенство по трое – митрополиты, архиепископы, епископы и священники – подходили и низко кланялись сначала царю, а потом патриарху. Потом был молебен, после которого патриарх благословлял царя крестом и обращался к нему с приветственной речью, кончавшейся словами: «Здравствуй, царь-государь, нынешний год и вперед идущие многие лета в род и веки.»

Потом снова, по двое в ряд, подходили к царю и патриарху остальное духовенство, а за ним бояре и служилые люди. И наконец вся площадь, все люди московские, весь мир православный разом «ударяли челом,» кланялись земно государю... Тем кончалось действие.

Царь, приняв благословение от патриарха, шел обратно, а народ расходился по церквям к божественной литургии.

День новолетия царь, а за ним бояре и весь народ московский,

посвящали делам милосердия. Ни один нищий не отходил от домов без утешения – их всех богато оделяли милостыней, одеждой и обувью, кормили сытым праздничным обедом. Простой народ наделяли гостиницами и подарками и посещали заключенных в темницах.

Москва. Среда мясопустной недели. Царь, готовясь к великому посту, посещает Чудов, Вознесенский, Алексеевский монастыри. Прощается с братией, жалует милостыней. В четверг и пятницу царь объезжает Андроников, Новодевичий, Новоспасский, Симонов монастыри. В субботу царь, а также патриарх, приходят прощаться к царице. В воскресенье до литургии патриарх и весь освященный собор шествуют во дворец, где в Столовой избе совершается обряд прощения духовными и служилыми лицами. В воскресенье государь присутствует в Успенском соборе на установленном одной русской Церковью умирительном обряде прощения. После этого государь с боярами отправляется в покои патриарха. После чтения «Достойно» и «приходной молитвы» и преподания благословения государь, патриарх и присутствующие садятся на большие лавки. Подаются «прощальные чаши.» Все уходят потом в сени и в палате остаются только царь и патриарх. В тот же день государю докладывалось о колодниках, томившихся в заключениях, и многие получали освобождение в этот день начала четырехдесятницы.

Москва. Неделя Ваий. Перед обеднею народ собирается в Кремле. Из Успенского собора выносится большое дерево, обвешанное разными плодами – яблоками, изюмом, смоквами, финиками. Дерево ставится на сани, под ним располагаются пять отроков в белой одежде и поют молитвы. Сани, запряженные шестеркой лошадей, трогаются. За ними следуют юноши с пылающими восковыми свечами и с огромным фонарем, далее несут две высокие хоругви, шесть кадильниц, шесть икон. Более ста иереев идут за иконами, ризы их осыпаны жемчугом. Далее – бояре, наконец, – государь и патриарх. Святитель едет верхом, сидя боком на осле (или на коне), одетом белой тканью; левою рукою патриарх придерживает Евангелие, окованное золотом, правую – благословляет народ. «Осля» ведет знатнейший царский боярин, два дьяка – патриарший и царский – и конюшний старец. Царь, в великолепной одежде, придерживает конец повода у «осля» и несет вербу, боярин – середину повода, дьяки и конюший ведут «осля» под уздцы. Стрелецкие дети устилают путь разноцветными сукнами. После обхода кремлевских святынь шествие возвращается в Успенский собор, где служится литургия. После литургии патриарх благословляет вербу, от которой отрубалась ветвь и относилась в алтарь; остальные ветки также отрубались и

отсылались во дворец и раздавались духовенству, боярам и народу. Затем патриарх дает обед царю и боярам. После обеда святитель дарит царю, как бы за его труд ведения «осля» – 100 золотых, три сорока соболей, два куска бархату, два куска атласу.

XVII век. По деревням Пермской губернии ходит неизвестный человек шить шубы. Ласковая улыбка, светлые, ясные глаза, в которых насквозь видна душа – детски чистая. Выбирает он всегда избу победней. Шьет на других, получаемые деньги отдает бедным хозяевам. Тут же даром обшивает бедняков. Вечером нянчится с детишками; кто постарше, тех учит грамоте. Сам благостный портной происходит из дворян, но перешел совсем в среду крестьянскую... Кругом много еще язычников, чтут и они доброго шубника. Бросят по-язычески больного – пусть умирает. Найдет его ласковый портной. Ходит за больным, как мать, не спит по ночам, говорит о Распятом. Скончался портной в 1642 году в погосте Меркушах. У могилы его стали совершаться чудеса. Верующий народ потребовал его прославления. Но забыли, как именовался этот святой человек. Воистину не для прославления имени своего трудился он на ниве Господней. Узнали, наконец, имя – звался он Симеоном. С 1694 года открыты были мощи святого праведного Симеона Верхотурского, которого так чтут в Приуралье.

Память 12 (25) сентября).

## Империя Российская

1724 год. Из древней обители Владимирской движется церковная процессия к Новгороду. Священнослужители несут мощи святого благоверного князя Александра Невского. От Новгорода святые мощи перевозятся по Волхову в богато убранной ладье. На Неве святыню встречает император Петр Великий и переносит святые мощи на великолепную галерею. Царь правит рулем, сановники гребут. Певчие на протяжении всего пути поют священные гимны в честь угодника Божия. 30 августа архиепископ новгородский Феодосий, члены Святейшего синода и весь освященный Собор встречают у основанной царем в новой столице С.-Петербурге обители мощи святого князя и вносят раку в храм, посвященный имени святого Александра.

В память этого события установлено 30 августа (12 сентября) прославление памяти святого.

Двадцатые годы XIX столетия. Саровская обитель. Старец Серафим, весь проникнутый любовью, добротой, строго взирает на приближающегося к нему офицера и отказывает ему в благословении. Прозорливец знает, что тот – участник заговора будущих декабристов. «Гряди откуда пришел,» – решительно говорит ему преподобный. Подводит затем великий старец послушника своего к колодцу, вода в коем была мутной и грязной. «Так и этот человек, который приходил сюда, намеревается возмутить Россию,» – произносит праведник, ревнувший о судьбах русской монархии.

«Прости мне, великая лавра Сергиева, если мысль моя с особенным желанием устремляется в древнюю пустыню Сергия. Чту и в красующихся ныне храмах твоих дела святых, обителица святыни, свидетелей праотеческого и современного благочестия; люблю чин твоих богослужений, и ныне, с непосредственным благословением преподобного Сергия совершаемых; с уважением взираю на твои столпостены, не поколебавшиеся и тогда, когда колебалась было Россия; знаю, что и лавра Сергиева и пустыня Сергиева есть одна и та же благодать, которая обитала в преподобном Сергии, в его пустыне, и еще обитает в нем и его мощах, в его лавре; но при всем том желал бы я узреть пустыню, которая обрекла и стяжала сокровище, наследованное потом лаврою. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено было здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы я в него на всеобщее бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но

сердца молящих горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной... Отворите мне двери тесной келий, чтобы я мог вздохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий преподобного Сергия, который орошен дождем слез его, в котором отпечатлено столько глаголов духовных, пророчесственных, чудодейственных... Дайте мне облобызать прах ее сеней, который истерт ногами святых и через который однажды переступали стопы Царицы Небесная... Укажите мне еще другие сени другой келий, которые в один день своими руками построил преподобный Сергий, и в награду за труд дня и глад нескольких дней получил укрух согнивающего хлеба...»

Из проповеди митрополита Московского Филарета (Род. в 1782 г. Митрополитом-в 1821–1867 гг.).

1890 год. Харьков. 20 июля. Площадь перед Кафедральным собором. Десятки тысяч народа запружают площадь и прилегающую местность. Под открытым небом служит мобелен дивный пастырь отец Иоанн Сергиев Кронштадский.

1894 год. Восторженным волнением охвачено население приволжских городов. Саратов, Самару, Казань посещает великий молитвенник отец Иоанн, поучает народ, направляет его к истинной христианской жизни.

Протоиерей Иоанн Кронштадский род. 19 октября 1829 г., скончался 20 декабря 1908 года.

1892 г. 14 октября. Холодный осенний дождь, земля превратилась в глубокое месиво. Из Шамординского женского монастыря в Калужской губернии движется огромная масса народа. На руках несут гроб. Относят в Оптину пустынь дорогие останки старца Амвросия Оптинского. В селах по пути, при погребальном звоне, священники в облачениях, с хоругвями и иконами выходят из церквей, селяне прикладываются ко гробу великого старца и примыкают к шествию. Несмотря на сильный дождь и ветер, не тухнут свечи, окружающие гроб Амвросия. По устроенному из паромов мосту через Жиздру переносят гроб, и шествие приближается к Оптиной пустыне... Навстречу идет, весь сосредоточенный, в молитве, старец иеросхимонах Иосиф, более 30 лет неотлучно находившийся при почившем... После отпевания тело почившего погребается рядом с телом его учителя, старца Макария (7 сентября 1860 г.).

Начало XX века. Москва. Вокзал Николаевской железной дороги. Огромная толпа, среди которой медленно продвигается старец Гефсиманского скита при Троице-Сергиевой лавре старец Варнава, почитаемый прозорливцем. «Благословите, батюшка, в путь, надумала в

Саратов к преподобному съездить.» «Бог благословит,» – слышится в шуме голосов голос старца. «Батюшка! Детей отделить собираюсь,» – выкрикивает какой-то плотный бородач. «Все ли у тебя в мире?» – спрашивает отец Варнава. «Кажись бы так!» «В час добрый. Бог благословит,» – разрешает старец. Около старца появляется согбенная старая женщина, по-видимому, плачущая; наклоняется она к уху старца и что-то ему шепчет. Отец Варнава покачивает головой, что-то настойчиво, требовательно ей говорит и вдруг, резко повысив голос, громко отвечает: «Нет тебе моего благословения. Отложи.» Числа и счету нет всем вопросам и душевным запросам, устремленным из толпы к старцу. Быстро, деловито и голосом решительным оперирует, лечит и заживляет о. Варнава все душевные раны обращающихся к нему, часто помогая и денежными пособиями.

Старец Варнава скончался 17 февраля 1906 г.

...18 июля 1903 г. В Успенском соборе Саровской обители служат раннюю обедню. Храм полон. Со всей России притекли русские люди помолиться у прославляемых мощей преподобного Серафима. Тихий шопот прозвучал в народе. В собор одни без свиты входят царь и царица, занимают места на левом клиросе. Вместе с народом молятся они, вместе приобщаются Пречистых Тайн Христовых.

...Гудит народ в послеобеденные часы того же дня. Под стенами монастыря загремело вдруг могучее «ура,» пошло дальше в лес, восторженно подхваченное народом. Государь император Николай Александрович в сопровождении великих князей идет пешком по пыльной дороге под горячими солнечными лучами, идет поклониться местам подвигов благодатного старца. Государь побывал и у источника, и у места, где старец тысячу ночей молился на камне, затем у его дальней пустыньки...

...19 июля. Кончилась торжественно совершенная литургия. Государь со священнослужителями и великими князьями обносят вокруг храма гроб с открытыми мощами преподобного Серафима. Народ горячо молится вновь прославленному святому и радуется благочестию Помазанника Божия.

Сбылось пророчество преподобного Серафима, всегда так глубоко чтившего государей: «Вот какая радость-то будет! Среди лета запоют Пасху, радость моя! Придет к нам царь и вся фамилия.»

1911 год. Сентябрь. Берега извилистой Десны полны празднично разодетым народом. От древнего Чернигова движется по реке пароход, на котором находится самодержец Всероссийский, возвращающийся с

богомолья. Исполняя обет свой, государь император Николай Александрович поклонялся святым мощам святителя Феодосия Углицкого, прославленного в его благочестивое царствование... Пароход приближается к мосту. Там в облачении стоит с духовенством архипастырь земли Черниговской, преосвященный епископ Василий и крестом благословляет царя, верного сына православной Церкви. Пароход движется дальше среди масс народа, восторженно приветствующих своего государя.

Двадцатый век. Екатеринбург. Кафедральный собор. Задушевно и выразительно звучит голос проповедника о. Иоанна Сторожева. Прославляет он память «избранного и дивного Сибирские страны чудотворца Симеона,» говорит о благоговейном пожертвовании государем императором Николаем Александровичем сени над ракою со святыми мощами праведного Симеона Верхотурского. «Какое, братия, великое, какое неизъяснимое утешение знать и видеть, что державный вождь народа русского, коему вверены Богом судьбы отечества нашего, в основу всего в своем царстве полагает не иное что, как благочестие, сам лично подавая пример глубокого, чисто древнерусского благочестия, любви к благолепию служб церковных, почитания святынь русских, заботы и усердия к прославлению памяти великих подвижников святой благоугодной жизни.» Преосвященный Серафим, епископ Екатеринбургский и Ирбитский, благословляет ведомый о. Иоанном крестный ход, несущий к гробу преподобного дар города – икону святой великомученицы Екатерины.

По большой извилистой дороге, в глубь лесов и гор Уральских движется к Верхотурью крестный ход. Радостно разносится пение паломниками канона. Идет народ и, как рвущиеся с горных вершин ручьи превращаются в бурный поток, а затем и реку, так расширяется все больше и больше числом небольшая группа паломников. Божие дело творит благочестивый русский народ.

1916 год. 11 декабря. В столицах изменники и безумцы готовят революцию, ожесточенно поносят государыню императрицу... Древней же Новгород восторженно приветствует царицу, прибывшую вместе с великими князьями поклониться святыням... Софийский сооор. Владыка архиепископ Арсений в прочувствованном слове приветствует благочестивую государыню императрицу Александру Феодоровну. Окончены литургия и молебн. На глазах у умиленного народа царица, великие княжны, князя Иоанн Константинович и Андрей Александрович прикладываются к святыням... Десятинный женский монастырь, Юрьев

монастырь, Знаменский собор, часовня, где находится чудотворная икона Владимирской Божией Матери, именуемой Печерской, – принимают в своих святых стенах глубоко верующее царское семейство. Народ счастлив видеть, к каким высотам стремится душа достойной супруги государя императора.

1917 год. 21 ноября. Москва. Успенский собор. Настолование святейшего патриарха Тихона. Кончается Божественная литургия. Из алтаря выходит дьякон и от имени патриарха подносит большую просфору женщине в монашеском одеянии, скромно затерявшейся в толпе... Воскресившая образы древних русских княгинь, вдова мученически погибшего ревнителя православия великого князя Сергия Александровича великая княгиня Елисавета Феодоровна с князем Игорем Константиновичем присутствуют на богослужении, как бы представляя томящуюся в Тобольске царскую семью... Вручен митрополитом Киевским Владимиром новому патриарху при проникновенном слове деревянный, простой черный жезл святителя Петра, отвечает святейший Тихон, понимавший всю тяжесть возложенного на него креста. Крестный ход выходит из собора. Патриарх шествует окруженный народом. Великая княгиня с группой лиц стоит на площади. Шествие приближается. Вдруг княгиня бросается в толпу, на несколько минут исчезает и затем возвращается к испугавшимся за нее спутникам сияющая тихой радостью. «Удостоилась получить благословение святейшего,» – говорит великая княгиня, которой уготовлено было через полгода быть замученной врагами Христа Спасителя.

## Часть Вторая. Духовная Сущность Русской Жизни

В ряде картин старались мы более всего изобразить истинный лик былой Святой Руси, только в малой степени отразившийся в наше время. Конечно, и в старину много было неприглядного, скверного, порою страшного... Распри князей, коварность и жестокость приемов, применявшихся в отношении противников, ереси стригольников и жидовствующих, казни впадавшего иногда в безумство царя Иоанна Грозного, Смутное время xvii века, когда так «измалодушествовались» верхи русского народа... Немало грешили в давние времена, и тяжело грешили. Но сила покаяния тогдашних людей соответствовала силе горячей веры, благодаря чему и смывались грехи. Как ни грешили русские люди, только единицы смели посягать на самый чин церковный, на самую веру православную, то есть на то, на чем и держалась Россия.

И весь строй старой России, от быта беднейшего пахаря до миропомazanного на царство самодержца, неизменно имел церковный уклад и вследствие этого проникнут был нравственными началами.

Искреннее смирение, послушание, христианская любовь, ревностное служение вере и отечеству, преданность государям, Милостью Божией поставленным, и, как венец всего, всегдашнее памятование о Господе Боге – вот отличительные свойства людей того времени.

## Святые, просиявшие в старой Руси

Русь Киевская, начинающая собою славную летопись о Святой Отчизне... *Святая великая княгиня Ольга*, во крещении Елена (†969 г., 11(24) июля)<sup>2</sup>. «Она предтекла христианству в земле нашей, как денница перед солнцем, как заря перед рассветом, – воспевают ее древний летописец, – как луна в ночи сияла она между людьми неверными. Она первая от Руси вошла в Царство Небесное и по смерти молит Бога за всю Русь. Ее славят сыны русские, видя ее лежащей нетленной много лет"... Внук ее, *святой равноапостольный \ великий князь Владимир*, во крещении Василий (†1015 г., 15 (28) июля), уподобившийся, согласно церковным песнопениям, «купцу, ищущему бисера,» украсившийся «Божественного крещения багрянницей.»

*Страстотерпцы князя Борис* (2 (15) мая) и *Глеб* (5 (18) сентября) – (†1015 г. Память обоих 24 июля (6 августа), во крещении Роман и Давид, первые святые нашей русской Церкви, небесные покровители Руси и ее князей. Уже в 1177 году, молясь в церкви святого Глеба вблизи Смоленска, чудесно прозрели князя Ярополк Ростиславович Слепой и Мстислав Ростиславович Безокий..1 Святые братья *Георгий, Ефрем Новоторжский и Моисей Угрин* – венгры по происхождению, верные слуги святого князя Бориса, проникшиеся духом воспринявшей их православной Руси. Гибнет Георгий (1015 г.), пытаясь телом своим прикрыть убиваемого князя; Ефрем (1053 г. Память 28 января (10 февраля) и 11 (24) июня) основывает монастырь на берегу р. Тверцы и доставляет туда нетленную главу брата. Моисей (1043 г., 26 июля, 8 августа), замечательный красавец, сохранивший чистоту после испытаний, подобных пережитому библейским Иосифом, изуродованный озлобленной полькой, кончает жизнь свою праведным иноком Киево-Печерской лавры.

Святая обитель... «Кто не знает меня, грешного епископа Симона, и соборной церкви красы владимирской и другой суздальской, которую я создал сам. Сколько у них городов и сел, и собирают десятину со всей этой земли, и всем этим владеет наша худость! Скажу тебе, что всю эту славу и честь я признаю грязью и хотел бы лучше щепкою торчать за воротами или сором валяться в Печерском монастыре и быть попираемым людьми, или быть одним из тех убогих, что просят милостыню перед вратами честной лавры...» – писал о своем родном монастыре печерскому иноку Поликарпу *святой Симон, епископ Владимирский* (« 1226 г., 10 (23) мая).

Великие создатели обители: началоположник ее *преподобный*

*Антоний* (†1073 г., 10 (23) июля), непрестанный исповедник братской любви, и *преподобный Феодосий* (†1074 г., 3 (16) мая), «начальник общего жития монашеского в России,» подвижник, устроитель, строгий обличитель иудеев... *Преподобный Нестор летописец* († 1114 г., 27 октября (9 ноября)). Прочие святые угодники Печерские, преподобные: *Исаакий* (†около 1090 г., 14 (27) февраля), бывший богатый купец, в иночестве выдержавший жестокую брань с бесами, первый русский Христа ради юродивый; *Иоанн Многострадальный* († 1160 г., 18 (31) июля), закапывавший себя в землю, имевший дар различать в совершенной тьме; *Пимен Многоболезненный* (†1110 г., 7 (20) августа), никогда не роптавший, перед самою смертью освобожденный от страданий; *Никита*, впадавший сначала в прелесть гордыни, обольщенный диаволом, исцеленный молитвою иноков, смирившийся и ставший впоследствии чтимым епископом Новгородским (†1108 г., 31 января (13 февраля)); *Прохор Лебедник* (†1007 г., 10(23) февраля), питавшийся просфорой и хлебом из лебеды; *Дамиан Пресвитер*, (†1071 г., 5(18) октября), великий целитель; *Агапит* (†1095 г., 1 (14) июня), безмездный врач; *Дионисий Щена*, блюститель пещер, коему в Светлый праздник на возглас «Христос Воскресе» ответствовали поий-вавшие в пещерах угодники; *Никола Святоша* (†1143 г., 14 (27) октября), правнук Ярослава Мудрого, первый инок из князей, великий подвижник, умиротворитель князей; святой инок князь *Щор Олегович* (5 (18) июня), убитый в 1147 году киевлянами; *Тарк гробокопатель* (†В XII в., 29 декабря (11 января)); *Алипий* (†1114 г., 17 (30) августа), замечательный иконописец, «доброе извык хыткости иконней, иконы писать хитр бе зело,» отличавшийся смирением, незлобием сердца, терпением, исцелявший помазанием краски; *Евстратий Постник* (28 марта (10 апреля), замученный в 1096 году корсу неким жидом на кресте по образу Христа Спасителя... *Спиридон и Никодим просфорники* (†В XII в., 31 октября (13 ноября), кротостью и послушанием стяжавшие дар чудотворения; *Арефа затворник*, (†1190 г., 24 октября (6 ноября), избавленный от греха любостяжания и многие, многие, просиявшие в великой лавре Киевской.

Печерские иноки, насаждавшие веру православную: у вятичей – *преподобный Кукуша* (память 27 августа (9 сентября), убитый волхвами около 1110 года; у мери – *святитель Леонтий, епископ Ростовский*, убитый в 1074 году и его последователи: *святитель Исайя* (†1090 г., 15 (28) мая), постриженник преподобного Феодосия, и *преподобный Авраамий* (†1117 г.), уничтоживший идола Белеса чудесным жезлом, данным ему в видении святым Иоанном Богословом, у вологжан –

преподобный Герасим (†1178 г., 4 (17) марта).

«Радуйся, насадитель виноградника Христова, ибо простерлись ветви его до моря и отрасли его до великих рек. Нет места, куда бы не проникли отпрыски от виноградной лозы Феодосия,» – восхваляет древний летописец святого устроителя Киево-Печерской обители.

Святители: *святой Михаил* (†992 г., 30 сентября (13 октября), первый митрополит Киевский, прибывший в Русскую землю вместе с новым христианином, великим князем Владимиром, архипастырь, положивший начало образованию русского народа; *Иларион* (с 1051 г.), первый митрополит из русских, знаменитый пламенною верою, ученостью, писавший о законе и благодати, «похвалу кагану Владимиру»; *святой Лука Жидята* (†1059 г.), епископ Новгородский, известный своими поучениями. «Не будьте буйны, горды; помните, что, может быть, завтра будете смрад, гной, черви. Будьте смиренны и кротки; у гордого в сердце дьявол сидит, и Божье слово не прильнет к нему,» – учил он свою паству. *Святой Иоанн* (†1090 г.), митрополит Киевский, соединявший кротость со смелым обличением грехов тогдашней Руси... *Переподобный Антоний Римлянин* (†1147 г. Память 3(16) августа и 17(30) января), чудесно на камне прибывший в 1106 году из Италии под Новгород и основавший там монастырь.

Благочестивые государи: великий князь *Ярослав Мудрый*, во Крещении Георгий (1019–1054 гг.), князь-"христоробец,» по именованию преподобного Нестора; сын его святой князь *Владимир Новгородский* († 1052 г., 4(17) октября), строитель Софийского собора и ктитор его; великий князь *Всеволод 1 Ярославич* (1078– 103 г.г.), отличавшийся набожностью, воздержанием, милостью к нищим и особенно любовью к монахам. Его исключительная по своей религиозности нисходящая линия: сын, великий князь *Владимир Мономах* (1113–1125 г.г.), «братолюбец, нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю» – по сказанию летописцев, умиротворитель князей, проливавший при молитве слезы; внуки Всеволода: святой великий князь *Мстислав (Феодор) Владимирович* († 1132 г.), благородный великий князь *Ярополк* (1132–1139 г.г.), богобоязненный и миролюбивый *Вячеслав Смоленский*; сыновья святого Мстислава: святой *Всеволод (Гавриил)*, князь *Псковский* (†1138 г.), христоробивый, оплакиваемый после смерти всею землей великий князь *Изяслав II* (1146–1154 г.г.), обладавший истинно христианскими качествами души; великий князь *Ростислав (Михаил)* (†1167 г., 14(27) марта), коему церковь дала наименование Блаженного; внуки святого Мстислава: князь *Роман Ростиславович Смоленский*, кроткий,

благочестивый, и святой *Мстислав (Георгий) Ростиславович Храбрый* (†1180 г., 14(27) июня), князь Новгородский.

Под влиянием христианства чудесно просветилась дикая дотоле Русская земля. Святой Владимир начал распространять просвещение, преемники его продолжали это дело. Из Византии Руси стали известны проникновенные аскетические произведения православного Востока. На смарагдах, златоструях воспитывались отбиравшиеся от значительных домохозяев дети, отпуская коих матери первое время плакали, как о мертвых. Через несколько десятков лет Россия имела уже поколение разумно образованных людей. И с каждым годом усиливалось правильное просвещение русского народа. Основной государственной жизни стали христианские законы, в новых судах разрешали дела по Номоканону и Кормчей книге.

Воспевая великого князя Ярослава, отмечая его любовь к просвещению, летописец пишет: «Владимир вспахал и умягчил землю, просветив ее святым крещением; а Ярослав засеял словами книжными сердца людей; а мы пожинаем, учение приемля книжное.»

Русь Суздальская и Московская...

Святые благоверные великие князья: *Андрей Боголюбский* (4(17) июля), убитый в 1174 году жидом Монзичем и ясином Амбалом; *Георгий Всеволодович*, (4(17) февраля), погибший в 1238 году в битве с татарами на р. Сити. «Он старался выполнить заповеди Божий и хранил страх Божий в сердце своем, – описывает его летописец, – даже врага отпускал он от себя с дарами; не берег имения своего, раздавая милостыню бедным, украшая храмы Божий иконами и книгами; почитал чин иноков и священников, приносил Господу молитвы днем и ночью.» *Александр Ярославич Невский* (†1263 г., 23 ноября (6 декабря), в службе коему поется: «Радуйся, заступник земли Русской. Моли Господа, даровавшего тебе благодать, соделать державу сродников твоих Богоугодною и сынам России даровать спасение.» Младший сын его, святой князь *Даниил Александрович Московский* (†1303 г., 4(17) марта), называвшийся летописцами «Богом снабдимым.» «Потому что сам Бог, видя благочестие и бескорыстие раба Своего, снабдевал его всем нужным.» *Святая Евфросиния, княжна Полоцкая* (†1173 г. в Иерусалиме. 23 мая (5 июня), говорившая обращенным ею в монашество сестрам: «Творите из себя чистую пшеницу Христову, измельите в жерновах смирения, трудами постническими, чистотою, любовью, молитвами, – да будете Богу, как хлеб сладкий.» Сиявшие духовной красотой, муромские чудотворцы, святые: князь *Петр*, в монашестве *Давид*, и супруга его, дочь «древолозца» (плотника)

*Феврония, в монашестве Ефросиния...* (†1228 г. Память обоих 25 июня (8 июля).

Павшие от руки татар за преданность вере и отечеству святые князя *Феодор Юрьевич Рязанский* (†1237 г.), *Василька Константинович Ростовский* († 1238 г., 4(17) марта), в отрочестве исцеленный преподобным *Никитой*, столпником *Переяславльским*, *Михаил Всеволодович Черниговский* († 1246 г., 20 сентября (3 октября), *Роман Ольгович Рязанский* (†1270 г., 19 июля (1 августа), *Михаил Ярославич Тверской* (†1318 г., 22 ноября (5 декабря)...

Благочестивые государи: великий князь *Всеволод Юрьевич III Большое Гнездо* (1176–1212 г.г.), именованный летописцами «миродержцем,» и его, полная смирения и веры, супруга *Ясыня Мария*; замученный татарами за верность вере князь *Олег Ингварович Красный Рязанский*; новгородский князь *Мстислав Мстиславич Удалой* (Удатный – по древнему наименованию), скончавшийся в 1228 году иноком в Киево-Печерской лавре; великий князь *Александр Михайлович Тверской*, убитый в 1339 году в Орде вместе с сыном *Феодором*. «Если пойду (в Орду), – говорил сей князь, – приму смерть, если не пойду, то придет рать и много христиан будет пленено и убито, и всему тому буду я виноват. Лучше одному за всех погибнуть.» Великий князь *Димитрий Иоаннович Донской* (1363–1389 г.г.), начинавший день с благословения духовника, приходившего к нему с крестом, святой водой и иконою. Супруга его, *Евдокия, в монашестве Евфросиния*, (†1407 г.), причисленная к лику святых. Великий князь *Василий II* (1425–1462 г.г.), *Василий III* (1505–1533 г.г.), царь *Феодор Иоаннович* (1584–1593 г.г.)...

Святые митрополиты Киевские и Московские: *Константин* (†1159 г., 5(18) июня), *Максим* (1282–1305 г.г., 6(19) декабря), *Петр* (1308–1326 г.г., 21 декабря (3 января), *Феогност* (1326–1353 г.г., 14(27) марта), *Алексий* (1353–1378 г.г., 12 (25) февраля и 20 мая (2 июня), *Киприан* (†1406 г., 16(29) сентября), *Фотий* (1409–1431 г.г., 2(15) июля), *Иона* (1441–1461 г.г., 31 марта (13 апреля) и 15(28) июня), *Иоасаф* (†1542 г., 27 июля (9 августа), *Филипп* († 1569 г., 9(22) января), патриарх Московский и всея Руси *Гермоген* (1605–1612 г.г., 12(25) мая). Митрополит *Кирилл* (1249–1280 г.г.), укрепивший веру в разгромленной татарами земле. Благочестивый мирополит *Феодосии* (1461–1467 г.г.), по удалении своем взявший к себе в келью в Чудов монастырь больного проказой, обмывавший и перевязывавший его смрадные струпья, дни и ночи проводивший в молитве... Митрополит *Макарий* (1542–1563 г.г.), составитель *Больших Четий-Миней* (жития святых) и *Степенной книги*, излагающей

царствования всех русских государей.

Святые епископы Ростовские *Игнатий* (†1288 г., 28 мая (10 июня); именуемый летописцами «великим чудотворцем,» и *Кирилл*; архиепископы Новгородские *Илия*, в схиме *Иоанн* (†1186 г., 7(20) сентября), при коем в 1169 году чудесно явлена была икона Знамения Божией Матери; *Моисей* († 1362 г., 25 января (7 февраля); *Евфимий* († 1458 г., 11(24) марта), борец против любодеев и неправильных браков; *Иона* (†1470 г., 5(18) ноября), пламенный молитвенник об установлении в России самодержавия. «Не оставит Господь без внимания слезной молитвы угнетенных, – говорил он Иоанну III, – рассеет Орду, какими судьбами знает, лишь бы государь пребыл в благочестии и тихими очами надзирал за своею областью.»

Первые епископы Казанские: святые *Гурий* (†1563 г., 20 июня (3 июля) и 5(18) декабря), *Варсонофий* (†1576 г. 11(24) апреля), впоследствии епископ Тверской, и *Герман* († 1567 г., 6(19) ноября). Епископы Пермские: святые *Стефан* († 1396 г., 26 апреля (9 мая), близкий друг преподобного. *Сергия*, так много сделавший для приобщения восточно-европейских и азиатских инородцев к русской Церкви; *Герасим* †1441 г.), *Питирим*, убитый 19 августа 1456 года вогуличами, и *Иона* (†1470 г. Память всех троих 29 января (11 февраля). Святой *Кирилл*, епископ Туровский (†1183 г., 28 апреля (11 мая), знаменитый проповедник, первый русский столпник, о коем житие говорит: «златословесный учитель, светлым учением благоразумия своего просветивший все концы России.» Святой *Серапион*, епископ Владимирский (†1275 г., 23 июня (6 июля), обладавший замечательным даром слова, грозный обличитель волхований.

Преподобный *Сергий Радонежский* (†1392 г., 25 сентября (8 октября), сей «благодатный воспитатель народного духа,» по определению Ключевского. Святые птенцы из гнезда Сергиева, имена коих нами приводились в первой части.

*Варлаам Прозорливый* (†1192 г., 6(19) ноября), основатель Хутынского монастыря на Волхове: *Меркурий*, мученик Смоленский (†1238 г., 24 ноября (7 декабря), воин, погибший в единоборстве с великаном-татаринном. Преподобные: *Сергий и Герман* (†1353 г. Память 28 июня (11 июля) и 11(24) сентября), основатели Валаамской обители на Ладожском озере; *Авраамий Чухломский*, или *Городецкий* †1375 г., 20 июля (2 августа), основатель четырех монастырей в Костромской губернии; *Савватий* (^ 1435 г., 27 сентября (10 октября) и *Герман* (†1484 г., 30 июля (12 августа), основавшие в 1429 году Соловецкую обитель; *Дионисий Глушицкий* (†1437 г., 1(14) июня), подвизавшийся в Вологодской губернии; просиявший там

же *Григорий Пельшемский* (†1442 г., 30 сентября (13 октября), отличавшийся суровой жизнью, увещевавший Шемяку и сброшенный им на смерть в воду с высокого моста; *Арсений Каневский* (†1447 г., 12(25) июня), создатель обители на Ладожском озере; *Макарий Желтоводский и Унженский* († 1444 г., 25 июля (7 августа), примером воздержания обращавший татар в православие; *Варлаам Шенкурский* (†1462 г., 19 июня (2 июля); *Савва Вишерский*, столпник (†1461 г., 1(14) октября), основатель обители под Новгородом; *Исидор, пресвитер Юрьевский*, потопленный католиками в р. Амовжи †1472 г., 8(21 января); *Пафнутий Боровский* (†1478 г., 1(14) мая), великий молитвенник, проникавший в души, знавший все тайные мысли; *Зосима Соловецкий* (†1478 г., 17(30) апреля); *Макарий Калязинский* (†1483 г., 17(30) марта), строитель монастыря в Тверской губернии; *Тихон Медынский* (†1492 г., 16(29 июня), живший в дупле дерева.

Преподобные: *Нил Сорский* (†1508 г., 7(20) мая), сторонник отобрания от монастырей имущества, требовавший от всех «умного делания,» по смерти завещавший бросить тело свое в пустыню: «потому что оно согрешило перед Богом и недостойно погребения, пусть растерзают его звери и птицы.» Расходившийся с ним во многом, но тоже великий подвижник преподобный *Иосиф Волоколамский, или Волоцкий* (†1515 г., 9(22) сентября, грозный обличитель ереси жидовствующих. *Александр Свирский* (†1533 г., 30 августа (12 сентября), основатель монастыря в Костромской губернии; *Корнилий Комельский* (†1537 г., 19 мая (1 июня); *Даниил Пере-яславльский* (1– 1540 г., 7(20) апреля), с детства подвергавший себя лишениям и истязаниям, посвятивший себя особому подвигу – попечению об умерших; *Нил Столбенский* (†1554 г., 7(20) декабря), подвизавшийся в дремучих лесах в Осташковском уезде.

Просветители: чуди – преподобный *Кирилл Челмский* (1– 1378 г., 8(21) декабря); далеких тундр – преподобный *Антоний Сийский* (†1556 г., 7(20) декабря), которого особенно чтит супруга Грозного, благочестивая царица Анастасия, и служба коему составлена ее старшим сыном Иоанном. Просветители лопарей: преподобные *Лазарь Мурманский* (†1391 г., 8(21) марта), *Феодорит, Митрофан и Трифон Печенгский, или Кольский* (†1583 г., 15(28) декабря).

Преподобные: *Галактион Вологодский* († 1612 г., 24 сентября (7 октября), приковавший себя к стене, убитый поляками; *Иринарх, затворник Ростовский* (†1616 г., 13(26) января), носивший длинную цепь; *Симеон Верхотурский* (†1642 г., 12(25) сентября); *Мое, игумен Почаевский* †1651 г., 28 октября (10 ноября), все ночи проводивший в молитве в

пещере, от великих подвигов покрытый язвами и гнойными ступьями, пятьдесят лет подвизавшийся на Почаевской горе и скончавшийся на сотом году подвижнической жизни; *Макарий, игумен Каневский* (†1678 г., 7(20) сентября;

*Дионисий, архимандрит Троицкий* (†1633 г., 12(25) мая) и сонм других угодников Божиих, просиявших за это время на Русской земле...

Огромное значение на русскую жизнь оказывали монастыри. «Неудивительно, – писал историк Соловьев, – что монастырь привлекал к себе многих, и лучших людей.»

Из боярского рода происходили: преподобный Сергей (ростовских бояр), святые митрополиты Алексей (черниговских Бяконтов-Плещеевых), Филипп (Колычевых); архиепископы Казанские Гурий (Руготиных) и Герман (Полевых); преподобные Савва Вишерский (Борозды), Нил Сорский (Майковых). Кирилл Новоезерский (†1532 г., из дворян Галича), Галактион Новгородский (кн. Бельских), Григорий Пельшемский (из галичских бояр Лопотьевых); Корнилий Комельский (†1550 г., 24 августа (6 сентября), из рода бояр Сухаревых); Иаков Железноборовский (†1442 г., 11(24) апреля, из рода бояр Аносовых); Адриан Ондрусовский (†1550 г., 26 августа (8 сентября); из рода Завалишиных); Лаврентий Калужский, юродивый (из родах Хитровых), юродивые Николай Кочанов Новгородский и Иоанн Власатый Ростовский. Преподобный Варлаам Шенкурский (Своеземцев) был ранее новгородским посадником.

Выраставшие по всему лицу Русской земли монастыри, помимо чисто церковного значения, оказывали огромное влияние на всю жизнь. Они являлись благотворительными учреждениями, принимая под кров свой страждущих и бездомных; они разносили просвещение, музыку духовную, архитектуру. Монастыри являлись также главным двигателем русской колонизации. Около монастырей, основывавшихся в самых диких местах, появлялись посады, обрабатывались поля, прокладывались пути сообщения.

«Монастырь, – писал недавно И. М. Ярцев в газете «Слово,» – воспитал лучшее свойство русского характера: недоверие ко всему преувеличенному, так называемую нашу «простоту.» Монастырь прививал то прозрачное чувство мира и себя в мире, которое составляет достояние аскетики, «художества из художеств.» И которое стало достоянием русского искусства.

Это «Русь монашеская» заложила основы русской Правды о мире и русской в мире Красоты. Это она выносила «Русскую Идею»: идею святости земли под нашими ногами, покрываемой высоким Божиим

небом. Это она взрыхлила художество прозрачное, такое, в котором сквозь образы земляные и темные просвечивает небо. Художество, избирающее своим предметом обычное, будничное и освещающее их нездешним светом. Ни с чем не сравнимый «русский реализм.»

## Послушание и Смирение

Послушание и смирение высоко ценились в старой Руси. Преподобный Нестор, заключая свою летопись о мученической кончине святых князей Бориса и Глеба, покорно ожидавших распоряжений враждебного им брата Святополка, пишет об источаемых их мощами чудесах: «Видите ли, как важна покорность старшему брату. Если бы они воспротивились ему, то едва ли удостоились такого дара от Бога. Потому что и ныне много юных князей, которые не покоряются старшим, сопротивляются им и бывают убиваемы; но они не удостоиваются благодати, как сии святые братья.»

В покаянном смирении князь Святополк Изяславович говорил обиженному им однажды преподобному Прохору: «Если я прежде тебя умру, положи меня в гроб своими руками, чтобы видно было на мне твое незлобие; если сам преставишься прежде меня, я возьму тебя на плечи и сам отнесу в пещеру, чтобы Господь простил мне грех мой перед тобою.» Князю довелось затем хоронить преподобного.

«К чему скорбеть, брат мой! Бог внушил великому князю позаботиться о спасении душ наших, – говорил несчастный узник, князь *Иоанн Андреевич*, потом святой инок *Игнатий* (1523 г., 19 мая, 1 июня), брату своему Димитрию, вместе с ним заключенному Иоанном III в темницу, – не видишь ли, как мы далеки от мира, опасного для души.»

Покаяние – плод духовного воздействия преподобного Сергия – приводит в конце концов строптивного, коварного князя Олега Рязанского (†1402 г.), изменившего Руси во время Куликовской битвы, к принятию схимы и строгой подвижнической жизни в основанном им в 1390 г. Солотчинском монастыре под Рязанью. Став иноком Ионой, он носил власяницу, а под нею стальную кольчугу, которую не пожелал возложить на себя, когда князья боролись с Мамаем.

Пример величайшего смирения показал сам преподобный Сергий. Когда в благоустроенную и расширенную им Троицкую обитель вернулся старший брат его, инок Стефан, и стал заявлять права старшинства, то преподобный в ту же ночь покинул свое дорогое детище. Только повинувшись велению митрополита Алексия, он вернулся в обитель.

Смиренный, причисленный к лику святых, князь *Роман Угличский* (†1285 г., 3(16) февраля), соорудивший 15 храмов, всю жизнь устроил богадельни и странноприимные дома, каждый день бывал на богослужении. Князь *Васильке Романович Волынский* (†1276 г.), брат

Даниила Галицкого, друг сербского короля Стефана Драгутина, храбрый и неумолимый воин, жизнь свою завершил тружеником-монахом в дикой пещере, под Львовом, замаливая грех своего прежнего участия в междуусобных распрях. Сын его – *Владимир-Иоанн Волынский* (†1289 г.) – смелый на войне, любознательный, начитанный (назывался философом), кроткий, милостивый, строгий к себе, трезвый, целомудренный – выстроил на юге множество храмов, все движимое имущество свое перед смертью роздал бедным. Подобно Иову Многострадальному, сей князь сгнивал постепенно в течение четырех лет, но не роптал. Инок Леонтием заканчивал свою жизнь князь Олег Романович Рязанский (†1280 г.) в основанном им Петропавловском монастыре в Брянске.

Летописцы прославляли внука святого Мстислава Великого, святого князя *Мстислава Новгородского* (†1180 г.), душа коего «всегда рвалась на дела великие.» Смиранный перед старшими родом и летами, ласковый, приветливый, князь сей – красивый, мужественный, со светлым и смелым взглядом голубых очей, исполинского роста и страшной силы, имел удачу в сражениях, соединял младенческое добродушие с пылкостью сердца благородного, нена-видевшего неправду. Он был милосерд к бедным и сиротам, усердствовал к Богу и Церкви. Говорил дружине: «За нас Бог и правда, умрем сегодня или завтра, умрем лишь с честью.» Таким же, как мы читали выше, был и святой Васильке, князь Ростовский, замученный татарами.

«По правде меня крест убил,» – признавался неправый князь Ярослав Всеволодович после поражения, нанесенного ему в 1216 году князем Мстиславом Мстиславичем Удалым и другими князьями.

«Добрые мужи, псковичи! Кто из вас стар – тот мне отец; кто молод – тот брат. Помните отечество и Церковь Божию,» – говорил святой князь *Довмонт-Тимофей* († 1299 г., 20 мая (2 июня), недавний выходец из Литвы, ранее язычник, но затем всею душою воспринявший истину православия.

«Я всегда любил отечество, но не мог прекратить наших злобных междуусобий; буду доволен, если хотя смерть моя успокоит землю Русскую,» – смиренно говорил своему духовнику святой великий князь *Михаил Тверской*, отправляясь на гибель в Орду.

«Осязай святыню, правитель народа христианского. Управляй им и впредь с ревностью. Ты достигнешь желаемого: но все суета и тление на земле,» – говорил в 1596 г. благочестивый царь Феодор Иоаннович Борису Годунову, приказывая прикоснуться к мощам святого митрополита Алексия, перекладывавшимся в новую раку.

Сознание бренности земной суеты приводило многих князей к принятию схимы перед смертью. «Святой Владыко! – говорил Дмитрий Святославович, князь Юрьева Польского (†1269 г.), принимавший схиму от епископа Ростовского. – Ты совершил труд свой и приготовил меня к пути дальнему, как доброго воина Христова. Там в жизни вечной царствует Бог милосердия, иду служить ему с верой и надеждой.»

Из великих князей и царей приняли перед смертью схиму:

Александр Невский (в схиме Алексей), сын его Андрей, Иоанн I Калита (†1341 г.), Симеон Иоаннович (Созонт, †1353 г.), Иоанн II Иоаннович (†1359 г.), Михаил Ярославич Тверской (Матфей), Василий III (Варлаам), Иоанн IV (Иона, †1584 г.), Борис Годунов (Боголеп, †1605 г.).

Со смирением, с боязнью Бога, с пониманием, что только от Него зависит дарование победы или поражения, с преклонением перед святою волею Господнею шли сражаться князья и воины.

Князь Изяслав, отправляясь на войну, надевал крест и власяницу

Русский народ чутко понял огромное значение юродивых. «Ни одна страна, – писал в 1871 году Руцинский в своем исследовании о русском религиозном быте XVI и XVII в. в., – не может представить такого обилия юродивых и примеров такого необыкновенного уважения к ним, как Россия.»

«Простому народу, – писали «Московские Ведомости,» – присуще то чувство, которое люди интеллигентные не умеют выразить – это смирение и благоговейное преклонение перед величием нравственного подвига, в какой бы, по-видимому, странной и необычайной форме не выразился этот подвиг.»

## Юродство Христа ради

Юродивые были ходатаями за русский народ. Последнему дорого было стремление юродивых открыто и невзирая на лица обличать и искоренять людскую ложь. Блаженный Михаил Клопский обличал князя Димитрия Шемяку, боровшегося с Василием II, требовал от него подчинения великому князю, предсказал ему смерть. Никола Салос, обличая Иоанна IV, спас Псков. Василий Блаженный обличал Грозного царя, блаженный Иоанн Московский – царя Бориса Годунова.

Вспомним просиявших в России Христа ради юродивых, долгое время при жизни гонимых, высмеиваемых, возгоравших затем, озарявших всех светом, и Церковь нашу впоследствии причисленных к лику святых.

Преподобный *Исаакий, затворник Печерский* (†1190 г., 14 (27) февраля), происходивший из торговых людей, обманутый бесами, притворившимися ангелами, тяжело болевший, спасенный уходом за ним преподобных Антония и Феодосия. «Оздоровев от болезни,» он стал первым русским юродивым... Блаженный *Прокопий, Устюжский чудотворец* (†1303 г., 8 (21) июля), богатый иностранный купец, торговавший в Новгороде. «Роздал еси богатство требующим,» – читается в каноне святому. Великий провидец, святой Прокопий спас молитвой устюжан от падения на них с неба камней, носил в левой руке три кочерги и положением их предсказывал урожаи и недороды; спасал плавающих, молясь за них на камне на берегу Сухоны... Блаженный *Николай Кочанов, Новгородский чудотворец* (†1392 г., 27 июля (9 августа), происходивший из почитаемой, состоятельной семьи; отказался от богатств, более всего любил пребывание в храме, молитву о заблудших, из коих многих «обрати ко Господу,» мирил буйных новгородцев, завещал погresti себя на самом конце кладбища, притом на дороге, чтобы как можно более ног попирало его прах... Современник его, блаженный *Феодор, Новгородский чудотворец* (†1392 г., 19 января (1 февраля), тоже миривший сограждан, молитвами своими оградивший от напастей земную родину свою...

Блаженный *Максим, Московский чудотворец* (†1434 г., 11 (24) ноября), отличавшийся особым терпением. «Оттерпимся и мы люди будем; исподволь и сырые дрова загораются; за терпение даст Бог спасение,» – говорил святой. Укреплял он дух народный во времена татарского ига, засух, голода, моровой язвы... Преподобный *Михаил Клопский, Новгородский чудотворец* (†1454 г., 11 (24) января), княжеского рода, провидевший будущее, обличавший недостатки и людей сильных...

Блаженный *Исидор твердислов, Ростовский чудотворец* (†1474 г., 14 (27) мая), славянин, бежавший из Пруссии от преследований, живший на топком месте среди города – «на месте сусе во граде, среди болотца некоего,» – отдохавший на гудах сора и гноищах, горячо молившийся за обидчиков, совершавший при жизни чудеса, минута кончина коего ознаменовалась необыкновенным благоуханием, разлившимся по всему городу... Блаженный *Лаврентий, Калужский чудотворец* (†1515 г., 10 (23) августа), из рода бояр Хитровых, чудесно помогавший удельному князю Симеону Иоанновичу...

Святой блаженный *Василий, Московский чудотворец* (†1552 г., 2 (15) августа), «нагоходец,» «постом и бдением и мразом и теплотою солнечною и слотою и дождевным облаком,» «выше естества нашего подвизался» (из тропаря и жития), дни проводивший среди нищих и убогих, ночью молившийся на папертях храмов, великий провидец, исцелитель пьяниц... Блаженный *Николай Салос, юродивый Псковский* († 1576 г., 28 февраля (13 марта), спасший в 1570 году Псков от страшной расправы царя *Иоанна IV Грозного*... Блаженный *Иоанн Власатый, Ростовский чудотворец* (†1580 г., 3 (16) сентября и 12 (25) ноября), отличавшийся особым смиренномудрием, терпением и непрестанной молитвой... Блаженный *Иоанн, Московский чудотворец* (†1589 г., 3 (16) июля), друг преподобного Иринарха, предсказавший Смутное время, нашествие иноплеменных, называвшийся «Большой Колпак и Водоносец» по веригам, им носившимся, и трудам, на себя возлагаемым...

Блаженные: *Георгий Шенкурский* († 1462 г., 23 апреля (6 мая), *Иоанн Устюжский* († 1494 г., 29 мая (11 июня), *Иаков Боровицкий* (†1540 г., 23 октября (5 ноября), *Киприан Суздальский* († 1622 г., 2 (15) октября), *Максим* (†1650 г., 16 (29) января) и *Андрей* (†1673 г. 10 (23) октября) *Тотемские*, прославившиеся чудесами, проистекшими от их мощей.

Высоко над грешным миром, поучая примером своим парили эти святые люди. «Легкостью крыл прелетен от многомятущего и треволовательного мира и вне бурного пристанища достиг,» – говорит о блаженном Прокопий Устюжском Минее 8 июля. Преподобный Михаил Клопский (по Минее 11 января) «клокот демонский креста знамением неясствен сотворил и клокочущееся море житейское волнами сует, скорее еленские борзости прескочил и в прудных местах греха не потопился.»

## Ревность о вере

Англичанин Горсей, не раз посещавший Россию, ярко описывает, как обличил святой Никола Салос Иоанна Грозного во Пскове. Об этом же пишет и Флетчер, бывший позднее английским послом, подчеркивая то уважение, которым пользовались юродивые. Архимандрит Павел Сирийский, сопровождавший патриарха Антиохийского Макария во время поездки последнего в Россию в 1654–1656 г.г., описывает, как патриарх Никон подносил лично в сыропустную неделю у себя за обедом пищу юродивому Киприану, поил его из серебряных сосудов и остатки допивал сам.

И потому на Русской земле, освещавшейся столькими праведниками, возможны были такие явления: казачий атаман Ермак Тимофеевич, задумывая поход на Сибирь, обязывает свою рать «обетом целомудрия»: грозно корил он «за всякое дело трудное,» считая, что и с малым числом воинов добродетельных можно одолеть врага. Казаки молились и побеждали. Ревность о вере, стояние за православие, небоязненное исповедание его – были отличительными признаками людей старой России.

Митрополит Кирилл на церковном Соборе 1274 года во Владимире, указывая на страшные бедствия от татарского ига, говорил:

«И все это постигло нас за то, что мы не хранили правил святых отцов наших,» омрачили их «облаком еллинской мудрости.» К согласованию всей жизни именно со святыми канонами и направлял деятельность Собора великий ревнитель веры. Мы читали выше послание преподобного Феодосия, обличавшего «кривоверов,» «двоеверцев,» не отстаивающих свое истинное православие. Строго боролись с еретиками наши иерархи. Анафеме предает святой митрополит Петр еретика Сеита. Святые Геннадий, архиепископ Новгородский, и Иосиф Волоколамский (Волоцкий) сокрушают злостных еретиков – жидовствующих. Святой Иосиф выпустил 16 обличительных посланий, или «слов,» против жидовствующих (послания эти известны под названием «Просветитель»).

«Буде ты позволишь в благоверной Москве нести крест перед латинским епископом, то он внидет в единые врата, а я, отец твой, изыду другими вон из града. Читить веру чуждую – есть унижать собственную,» – говорил в 1472 году Иоанну III старец митрополит Филипп, возражая против того, что вместе с невестой великого князя Софией Палеолог ехал папский легат Антоний с «латинским кры-жем» (литым серебряным

распятием). И настоял владыка на своем. Святой Леонтий, епископ Ростовский, ученик преподобного Антония Печерского, выйдя небоязненно в облачении к враждебно настроенным язычникам, обратил многих в православие; потом приял он мученическую кончину. Ревность об истинной Церкви Христовой дала возможность духовенству во главе с патриархом Гермогеном спасти Русь в первую смуту, не страшась выпадавших на долю его мучений и страданий. Замучен был в плену поляками архиепископ Тверской Феокист. К пушке прикован был Лисовским архиепископом Иосиф Коломенский. Митрополит Новгородский Исидор, благословляя с городской стены священника о. Аммоса, оборонялся на своем дворе от шведов, пока не был сожжен. Подвергался в сентябре 1612 года истязаниям поляков едва оставшийся живым архиепископ Вологодский Сильвестр. Претерпел страдания и унижения митрополит Филарет Ростовский (Романов); умер от горести архиепископ Псковский Геннадий, долго увещавший народ стоять за веру и отечество. Замучены были осенью 1612 года поляками исповедники веры: преподобный Галактион Вологодский, сын князя Ивана Бельского, много лет приковывавший себя цепью к стене кельи; преподобный Ефросин Прозорливый Синозерский, или Ладожский (20 марта (2 апреля), живший в пустыне на берегу Синичьего озера близ Устюжны Железнопольской. В синодике Вологодского собора говорится: «Помяни, Господи, иже в граде избивенных и пожженных священников и диаконов от польских людей и русских воров.» В этом синодике вместе с преподобным Галактионом упомянуты 37 священников, 6 диаконов и 6 иноков.

Этой же ревностью к православию преисполнены были и царственные вожди русского народа... За отказ поклонения огню, войлочным идолам, за верность Христу погибли от руки татар святые князья Михаила Черниговский и Тверской, Васильке Ростовский, Роман Рязанский, Феодор Юрьевич. «С врагом Христовым не могу быть в прияти,» – восклицал князь Юрий Игоревич, тоже замученный Батыем.

«Я – христианин и мне не подобает кланяться твари. Я поклоняюсь Отцу и Сыну и Святому Духу, Богу единому, в Троице славимому, создавшему небо и землю и вся, иже в них суть,» – заявил святой Александр Невский в Орде (в 1249 г.), отказываясь поклониться «кусту огневи и идолам» и пройти сквозь огонь. Святой Константин Святославович (†1129 г.), сына коего, святого князя Михаила, убили язычники муромцы, один с иконой Богоматери вышел к ним и небоязненною верою своею обратил их в христианство.

«Мы знаем истинное учение Церкви, а вашего не приемлем и знать не

хотим,» – отвечал благоверный князь Александр Невский в 1251 году послам папы Иннокентия IV кардиналам Гальде и Гемонте. Великий князь Василий II спас Россию от униатства, привезенного в 1441 г. с Флорентийского собора митрополитом Исидором. Иоанн III и Василий III проявляли особую настойчивость в требовании сохранения православия дочерью первого и сестрою второго Еленой, вышедшей в 1495 году замуж за литовского князя Александра, ставшего потом и королем польским. Иоанн III дал дочери такую наставительную запись: «Память великой княгине Елене. В божницу латинскую не ходить, а ходить в греческую церковь; из любопытства можешь видеть первую или монастырь латинский, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будет в Вильне и прикажет тебе идти с собою в божницу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь в свою церковь.» Когда король Александр не выполнял требований Иоанна III о свободе исповедания королевой Еленой православия, то последний объявил ему в 1500 году войну. После заключения в 1503 году перемирия Иоанн III писал Елене: «Дочка! Памятуй Бога, да наше родство, да наш наказ, держи свой греческий закон во всем крепко, а к римскому закону не приступай ни которым делом; церкви римской и папе ни в чем послушна не будь, в церковь римскую не ходи, душой никому не норови, мне и всему нашему роду бесчестия не учини; а только по грехам что станется, то нам, и тебе, и всему нашему роду будет великое бесчестие, и закону нашему греческому будет укоризна. И хотя бы тебе пришлось за веру и до крови пострадать, и ты бы пострадала. А только, дочка, поползнешься приступить к римскому закону волею ли, неволею: ты то от Бога душою погибнешь, и от нас будешь в неблагословении; я тебя за это не благословлю и мать не благословит; а зятю своему мы того не спустим: будет у нас с ним за то беспрестанно рать.» Княгиня Елена, в письмах к отцу именовавшая себя «служебница и девка твоя, королева польская и великая княгиня литовская Олена.» выполняя эти заветы отца, верна была православию. Твердо отстаивал истинную веру прекрасно церковно образованный Иоанн IV в своих беседах с посланцем папы Григория XIII иезуитом Антонием Поссевином. Добиваясь польского престола, Иоанн IV все же твердо заявил послу Гарабурде: «Требую уважения к вере греческой; требую власти строить церкви православия во всех моих государствах. Да венчает меня на королевство не латинский архиепископ, а митрополит российский.»

Гетман Жолкевский в своих записках с недоумением рассказывает, что при сожжении поляками Москвы и Смоленска многие из жителей «добровольно бросались в пламя за православную, говорили они, веру.»

Мог поэтому князь Иверский (Грузинский) Александр в 1492 году так обращаться к Иоанну III, прося его заступничества за утесняемых единоверцев: «Великий царь, свет земного неба, звезда темных, надежда христиан, подпора бедных, закон, истинная управа всех государей, тишина земли и ревностный обетник святителя Николая.»

Русский народ так ярко проявил свою ревность к вере в Смутное время XVII века. Быстро распознал он в 1606 году неправославный облик Димитрия Самозванца. За попираемую врагами, предаваемую русскими изменниками веру встал народ, ведомый при жизни и по смерти святым патриархом Гермогеном. «Всею землею обще стать за православную крестьянскую веру,» – вот о чем говорилось во всех тех посланиях, которыми обменивались между собою отдельные города.

«Пишем мы к вам, православным крестьянам, общим всем народом Московского государства, господам братьям своим, православным крестьянам. Здесь образ Божией Матери, вечной заступницы крестьянской, Богородицы, ее же Евангелист Лука написал, и великие светильники и хранители Петр и Алексий и Иона чудотворец; или вам, православным крестьянам, то ни во что же поставить? Писали нам истину братья наша, и ныне и мы сами видим вере крестьянской переменение в латинство и церквам Божьим разорение,» – писали москвичи смолянам.

«...А самим бы вам, собрався с ратными людьми и с наши окольными города сослався, стать за православную веру крестьянскую, на польских и литовских людей заодин, чтобы польские и литовские люди Московское государство не овладели и наши общие православные крестьянские веры в латинство не превратили,» – писали нижегородцы вологжанам.

«Мы и всякие люди Новгородского государства целовали крест на том, что нам Московскому государству на разорителей наши православные христианские веры, на польских и литовских людей, помогати и стояти нам всем за истинную православную христианскую веру единомышленно.»

Настоятель Соловецкого монастыря по поводу предложения на Московское царство шведского королевича так заканчивает письмо шведскому королю: «А у нас в Соловецком монастыре и в сумском остроге и во всей Поморской области тот же совет единомышленно: не хотим никого иноверцев на Московское государство царем и великим князем, опрочь своих прирожденных бояр Московского государства.»

И это святое рвение русского народа, соединенное с молитвой, постом, нравственным обновлением и жертвенным подвигом спасло тогда Россию.

## Государственная Власть и Духовенство

Примечательна старая Русь тою согласованностью, которая, согласно велениям православной Церкви, существовала между представителями духовенства и государственной власти.

Епинагога – официальный памятник Византии IX века – в VIII главе, 3 титул говорит: «Государство составляется из частей и членов подобно отдельному человеку. Величайшие и необходимейшие части – царь и патриарх. Поэтому единомыслие во всем и согласие царства и священства составляет душевный и телесный мир и благоденствие подданных.»

Это единомыслие и было достигнуто встарь. «Наша Святая Русь, – справедливо писал А. С. Хомяков, – создана самим христианством. Таково сознание Нестора, таково сознание святого Илариона и других. Церковь создала единство Русской земли и дала прочность случайности Олегова дела.»

«...Церковь перенесла на Святую Русь грамоту и культуру, государственные законы и чины византийского царства. Единственно только Церковь была собирательницей разрозненных русских княжеств, разделенных еще больше, чем старинные племена славянства, удельными усамицами. Единственно только Церковь спервоначала была собирательницей русских людей, князей, городов и земель, раздавленных татарским погромом. Церковь выпестовала, вырастила слабого московского князя сперва до великокняжеского, а потом и до царского величия. Пересадив и вырастив на русской земле идею византийского единовластительства, Церковь возложила и святое миропомазание древних православных греческих царей на царя Московского и всея Руси. Церковь же оберегла народ и царство и от порабощения игу ляхскому в годину смут самозванцев и общего шатания умов,» – писал в брошюре своей «Церковь и государство» архиепископ Херсонский Никанор, выступивший в 1890 г. печатно против анархических учений гр. Л. Н. Толстого.

Обратимся к поучительным примерам нашей истории, указывающим на благое политическое значение духовенства... Иларион, первый Киевский митрополит русского происхождения, являлся неизменным помощником Ярослава Мудрого. Преподобный Феодосий Киево-Печерский являлся советником киевских князей, основоположников русской государственности. Митрополит Никифор был ближайшим сотрудником Владимира Мономаха и в своем замечательном поучении наставлял его в деле управления государством. «Пишу на напоминание

тебе: ибо великие власти великого напоминания требуют,» – писал митрополит Никифор. Митрополит Кирилл, 31 год стоявший во главе Церкви, управлявший ею в самое страшное время начала татарского ига, все время своего святительства провел в разъездах по государству, устраивая общественный быт, укрепляя религиозный и национальный дух своей несчастной паствы. Им благословен был на борьбу со шведами великий князь Александр Невский, им возвышен г. Владимир на Клязьме. Иерархи являлись примирителями в разрушавших Русь спорах князей. «Княже, мы есмы приставлены к Русской земле от Бога востягивати вас от кровопролития,» – говорил митрополит Никифор II киевскому князю Рюрику Ростиславичу. «Блюдите землю Русскую – не несите розно земли Русской.» «Стыдитесь, враждуя с братьями и единокровными,» – взывал Феокист, епископ Черниговский. При великом князе Андрее Александровиче (1282–1304 г.г.) епископы Симеон Владимирский и Измаил Сарский мирили князей в Орде. Святой митрополит Максим всячески старался образумить восковского князя Георгия Даниловича, враждовавшего с великим князем Михаилом Ярославичем Тверским. Святой Игнатий, епископ Ростовский, именуемый летописцами «великим чудотворцем,» примирил князей Димитрия и Константина Борисовичей.

Уроженец Волыни, святой митрополит Петр проникновенно оценил значение Москвы, вместе с тем стараясь примирить ее князей с тверскими. Укреплял политическое положение и святой митрополит Феогност, преемник митрополита Петра. Святой митрополит Алексей был ближайшим советником трех великих князей; в малолетство Димитрия (Донского) он, в сущности, правил государством, отстояв для него великокняжеский престол. По его поручению преподобный Сергей ходил увещевать враждовавших с великим князем Димитрием князей: в 1365 году – суздальских князей Бориса и Дмитрия Константиновичей и в 1385 году – князя Олега Рязанского. Миротлюбивейший, кроткий святой Сергей грозно накладывал церковные наказания на земли непокорных великому князю князей. Митрополит Алексей своею деятельностью сохранял связь Москвы с русскими землями, отошедшими к Литве, подвергая себя за это нападкам со стороны великого князя литовского Ольгерда, приносившего на владыку жалобы константинопольскому патриарху. Преподобный Сергей пекся о делах государственных, он вдохновил и благословил Димитрия на борьбу с татарами и послал в бой иноков своей обители Пересвета, и Ослябю. Святой митрополит Фотий, родом морейский грек, утвердил великокняжеский престол за десятилетним Василием II и руководил им в начале его царствования. В 1430 году он сопровождал

юного Василия к деду его, 80-летнему Витовту, на съезд князей и послов разных стран в Трояках под Вильной. Святой Иона, правивший митрополией в то время, когда удельные князья особенно восставали против единой великокняжеской власти, неизменно стоял на стороне великого князя Василия II Темного. Враг последнего, князь Димитрий Шемяка, имел всегда против себя сонм русского духовенства. Святой митрополит Иона и его друг святой Иона, архиепископ Новгородский, связав себя обетом – деятельно помогли успеху этого дела. И оба иерарха отражали чаяния всего русского духовенства.

Когда созрело время свержения татарского ига, духовенство в лице митрополита Геронтия, архиепископа Ростовского Вассиана, игумена Троицкого Паисия и других подвинуло осторожного Иоанна III на открытую борьбу с поработителями. В 1483 году епископ Пермский Филофей, работая во благо Церкви и народа, довершил победы воевод полным подчинением России владетелей югорских и глава их, Юшман Вогульский, приезжал с владыкой на поклон к великому князю Иоанну III. Московское самодержавие и трон малолетнего Иоанна IV исключительно духовенством спасены были от крушения. «Если монархия в Москве спаслась от крушения, не потерпела ущерба от «вельмож» на манер Польши, то всего более она обязана была своей могущественной сознице, Церкви,» – писал в 1922 г. в Москве историк Виппер. Духовенство в борьбе с расхищавшим монархию боярством потеряло двух митрополитов: Даниила и Иоасафа, свергнутых с престола князьями Шуйскими. Но знаменитый митрополит Макарий вышел победителем и венчал на царство Иоанна IV, будучи много лет его спасительным советником. Патриарх Иов принимал близкое участие в государственных делах в царствование царей Феодора Иоанновича и Бориса Годунова.

Святой патриарх Гермоген спас Россию в смутные годы XVII века, став за отсутствием государя «начальным человеком земли Русской» и погиб, защищая ее. Иерархи, иноки Троице-Сергиевой лавры, исповедники помогли патриарху в его патриотическом делании. Обитель преподобного Сергия, Печерский монастырь под Псковом, Боровский монастырь. Тихвинская обитель с оружием отбивались от врагов, отстаивая православие и отчизну. Затворники преподобный Иринарх Ростовский и блаженный Иоанн Псковской, «что в стене жил 22 лета, ял же его рыба сырая, а хлеба не ел, а жил в граде, яко же в пустыни в молчании великом,» – подвиг свой обратили на служение Родине и вдохновляли русских людей на священную борьбу. Митрополиты Ростовский Филарет (будущий патриарх), Ефрем Казанский и Свияжский, Исидор

Новгородский, архиепископы Сергей Смоленский, Феокист Тверской выступали действительно, защищая Родину, за что три последних и поплатились жизнью. Митрополит Кирилл Ростовский, исцелившийся от тяжелой болезни, молясь над гробницей блаженного Иоанна Власатого, был великим миротворцем нижегородской рати. Митрополиты Ефрем Казанский (считавшийся старшим во вдовьей русской Церкви), Кирилл Ростовский, Иона Сарский и архиепископ Феодорит Рязанский заседали на «Освященном Соборе» 1613 г., принимавшем участие в «обрании» на царство Михаила Феодоровича Романова. Архиепископ Феодорит возглавлял посольство, отправленное в Ипатьевский монастырь, и слово владыки убедило юного Михаила принять бразды правления. Огромное значение в царствование двух первых царей из Дома Романовых имели патриархи Филарет и Никон. В стенах Троице-Сергиевой лавры юный Петр дважды находил укрытие и защиту во время бунтов стрельцов.

При этом иерархи русские не стремились к какой-либо светской власти. «Несмотря на свою знаменитость и важность, духовенство наше не оказывало излишнего властолюбия, свойственного духовенству западной церкви и, служа великим князьям в государственных делах полезным орудием, не спорило с ними о мирской власти, – пишет Карамзин, – в раздорах княжеских митрополиты бывали посредниками, но избираемыми единственно с обоюдного согласия, без всякого действительного права; ручались в истине и святости обетов, но могли только убеждать совесть, не касаясь меча мирского, сей обыкновенной угрозы пап на ослушников их воли"...

Государи считались с полезным значением иерархов, прибегали к их советам во всех важнейших обстоятельствах. Великий князь Симеон Гордый в завещании к князьям писал: «Худых людей не слушайте, а если кто станет ссорить вас, слушайтесь отца нашего владыку Алексия.» Митрополиты часто скрепляли своими подписями завещания государей Московской Руси, патриархи в свою очередь назначали царей своими душеприказчиками.

«Тажь молю твое пресветлое царское величество, да призриши на мою грешную душу помяновением и подаянием милостыни и елико суть собраная моя и келейные вещи и я же от твоего царского подаяния вданные суть мне богомольцу твоему отнележе возведен бых на высочайший престол крайнего пастырства московского началопре-столия и прочие мною грешным приобретеные,» – писал в своей духовной грамоте, обращаясь к царю, патриарх Иоасаф II (1667–1672 г.г.). В письме своем к митрополиту Никону, будущему патриарху царь Алексей Михайлович

описывает, с каким тщанием исполнял он духовное завещание патриарха Иосифа (1641–1651 г.г.), лично переписывая келейную казну почившего. Иоанн III и Иоанн IV совещались с митрополитами перед вступлением в браки – первый с Софией Палеолог, второй с Анастасией Романовой. К Освященному собору обращались государи за советами для разрешения законодательных дел, в случаях внешней угрозы государству. Судебник Иоанна IV рассматривался «Собором слуг Божиих» в 1551 году. «Благодарим тебя за пастырское учение, вписанное у меня в сердце. Помогай нам всегда наставлением и молитвой,» – писал во время Казанского похода юный Иоанн IV митрополиту Макарию.

Многие святители и иноки, не страшась наказаний, вступали в спор с государями, обличали их, когда считали, что те следуют по греховному пути. В 1066 году преподобный Антоний строго обличал великого князя Изяслава, вероломно поступившего с князем Всеславом. Когда князь Святослав Ярославич изгнал из Киева брата своего Изяслава, преподобный Феодосии небоязненно порицал первого и в послании уподобил Каину, Не испугала преподобного угроза Святослава сослать его в заточение. «Я этому рад – для меня это самое лучшее в жизни. Чего мне страшиться: потери ли имущества и богатства? Разлучаться ли мне с детьми и селами? Нагими пришли мы в мир, нагими и выйдем из него.» Преподобный Мартиан Белозерский (†1483 г.), говорил тяжелую правду Василию II. Митрополит Геронтий твердо отстаивал свою правоту в соблюдении церковных обрядов и заставил Иоанна III признать себя виноватым и лично бить челом, прося вернуться в святительский дом (около 1490 г.). С признававшим разумные возражения – «встречи» – Иоанном III горячо спорили святые архиепископ Геннадий и преподобный Иосиф Волоколамский, убедившие его в конце концов отказаться от поправок еретикам жидовствующим.

Твердый, благочестивый митрополит Варлаам строго корил Василия III за его приемы в борьбе с удельными князьями. Отдав, наконец, свой посох, он в 1522 году оставил митрополию и сослан был потом в Спасокаменный монастырь. Троицкий игумен Порфирий укорял Василия III за пленение кн. Василия Шемякина Путивльского, вопреки данному первым обещанию: «Если ты приехал в храм Безначальныя Троицы с тем, чтобы испросить себе прощение грехов, то будь наперед милосерд к гонимым без правды,» – говорил великому князю игумен Порфирий, подвергшийся за это изгнанию.

А. Д. Нечволодов в своих прекрасных «Сказаниях о Русской земле» говорил, что когда Василий III особенно опалился на брата своего Юрия,

то последний обратился к заступничеству святого Иосифа Волоколамского, дав слово не строить ков против государя. Преподобный Иосиф отправил в Москву двух старцев. Догадываясь о цели их приезда, Василий, не поздоровавшись с ними, сказал им сердито: «Зачем пришли, какое вам до меня дело?» На это один из старцев стал наставительно выговаривать ему, что государю не подобает так выходить из себя, не разузнав наперед в чем дело, а следует расспросить хорошенько и выслушать с кротостью и смирением. Выслушав его наставление, Василий смутился, встал и сказал: «Ну, простите, старцы, я пошутил.» Сняв шапку, он поклонился им, спросил о здоровье игумена и, выслушав ходатайство их, простил брата.

За развод с великой княгиней Соломонией (Сабуровой) и насильственный ее постриг обличали Василия III инок Вассиан (в мире кн. Василий Патрикеев Косой) и преподобный Максим Грек, подвергшийся за это ссылке в Волоколамскую и Симоновскую обитель. «Ты мне, недостойному, даешь такое вопрошение, какого я нигде в Священном писании не встречал, кроме вопрошения Иродиады о главе Иоанна Крестителя,» – ответил в 1525 году Василию III инок Вассиан на его вопрос о возможности развода с супругой. Евангельскими и апостольскими правилами доказывал Вассиан неправильность намерения великого князя. Святой Максим Грек и в заточении не утратил «огнь ревности яже по Бозе» и юному Иоанну IV представил удивительные по полной безбоязненности «Главы поучительны к начальствующим правоверно.» Он писал, что государю необходимее всего правда: «Ничтоже убо потребнейше и иужнейше правды благоверно царствующему на земли.» Как солнце согревает вселенную, так и «душа благовидная благоверного царя, украшенная правдой и чистотой, украшает и согревает все ей подвластное.»

За прямоту свою в обличении зла, творившегося Иоанном IV, мученически погиб святой митрополит Филипп (†1568 г.). «Лучше умереть невинным мучеником, нежели в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония сего несчастного века,» – говорил святитель на суде, обращаясь к царю. Митрополит Дионисий и Крутицкий архиепископ Варлаам заступались перед царем Феодором за гонимых Борисом Годуновым и за это печалование за невинных в 1587 году были свергнуты и заточены в новгородские монастыри. Не боялся говорить правду патриарх Никон. Не страшились того же и юродивые Христа ради.

## Церковность Русского Быта. Верность Народа Государям

Весь быт старой Руси пропитан был церковностью. Русский человек тех времен очень дорожил милостью к нему Господа Бога и стремился освятить все важные события своей жизни молитвой, благословением архипастырей и пастырей.

Вот как, например, начинался день московских государей. Вставали они, как пишет А. Д. Нечволодов в своей Истории, в четыре часа утра. Умывшись и одевшись, государь шел прямо в крестовую палату, где его поджидал духовник или крестовый поп. Здесь он молился около четверти часа, причем на аналой ставился образ того святого, память которого праздновалась в тот день. По окончании молитвы священник кропил государя святой водой, называвшейся «праздничной»; она привозилась из разных монастырей и церквей всего государства, прославленных чудотворными иконами, и освящалась там в дни храмовых праздников; затем священник читал духовное слово из особых сборников, составленных из поучений отцов Церкви, – преимущественно святого Иоанна Златоуста. Потом государь в одной из домашних церквей простаивал заутреню и иногда раннюю обедню. Затем с собравшимися во дворец боярами шел в одну из дворцовых церквей к поздней обедне. После чего он начинал принимать доклады и челобитные.

В Москве ежедневно обращались к патриарху за благословением по тому или иному случаю. Вспоминается память тезоименного святого – святейшему посылается «именинный пирог.» Предстоит ли обручение, бракосочетание, случится ли рождение ребенка, служебное повышение, переселение на жительство в новое помещение – испрашивается благословение патриарха. Патриарх дарил обращающимся к нему иконы. Та же тесная связь существовала в отношении других иерархов и священников.

В канун великих праздников, и особенно 20 декабря – в канун особо чтившегося москвичами дня памяти святого митрополита Петра, патриарх посещал тюрьмы, благотворя заключенным. Особенно щедро помогали патриархи в дни страстной седмицы. Обходя тюрьмы, они собственноручно раздавали заключенным милостыню, освобождали сидевших в тюрьмах должников, уплачивая за них деньги. Благотворили также государи. Царь Алексей Михайлович в рождественский сочельник рано утром ходил тайно в тюрьмы и богадельни, раздавал там щедрую

милостыню; такие же подаяния делал он на улицах нищим и убогим. Вообще проникнуты были чувством христианского милосердия русские люди того времени.

Раздавали милостыню патриархи во время своих «походов» – близких и далеких. Милостыня раздавалась «нищим и скудным людям, мужикам и женкам и робятам,» письменно или словесно заявившим свое «челобитье.» Деньги давались «ради пожарного разорения,» «на окуп избы,» «ради скудости.» Святители на месте изучали нужду и подавали беднякам самую скорую и неотложную помощь.

Походная жизнь патриархов, близко соприкасавшаяся с пасомыми, выражалась в молитвах в попутных храмах, благотворительность и различных подношениях святейшим от мирян и духовенства. Подарки бывали скромны, истинно от избытков своих: ягоды, яблоки, грибы, овощи, брага. Патриархи одаривали подносителей деньгами.,

Строго старая Русь соблюдала посты, в чем подавали пример святители и государи. Первые два дня первой недели великого поста патриарх и царь вовсе не вкушали пищи, только в среду подавалось легкое кушанье, например, компот. В строжайшем воздержании проходила и страстная неделя.

Когда наступала страстная седмица, примолкали кремлевские колокола до радостной пасхальной ночи. Царь и народ облекались в темные одежды. Государь почти все время проводил в храме, под покровом же ночи тайно обходил тюрьмы, выкупал должников, помогал несчастным словом и делом.

Существовал прекрасный обычай в большие праздники устраивать братские трапезы, на которые собирались и богатые и бедные.

Увенчивался же, был этот дивным обрядом коронования на царство самодержцев, священным обрядом миропомазания<sup>3</sup>...

Предкоронационная присяга государей, причащение отдельно Тела и Крови Христовых, вхождение в царском одеянии через царские врата – все это как бы давало монархам особый чин церковный и ставило их в положение защитников православия.

«...Всех же православных христиан блюди и жалуй и попечение о них имей от всего сердца; за обидящих же стой царски и мужески и не пропускай и не дай обидеть не по суду и не по правде. Се бо, о царю, приял еси от Бога скипетр правити хоругви великого царства Русского и рассудити и управити люди твоя в правду; блюди и храни бодрено о дивных волк губящих ее, да не растлят Христово стадо словесных овец... И паки ти глаголю, о боговенчанный царю: цело имей мудрование

православным догматом, почитай излище мать твою Церковь, яже о Святым Дусе тя возводи, и сам почтен будеши от нея...», – с этими и дальнейшими, столь же проникновенными словами Церковь в лице венчающего святителя обращалась со времен царя Феодора Иоанновича с поучением к коронуемому государю.

На этом истинном благочестии и держалась Святая Русь. Карамзин, подводя итоги русской истории до воцарения Иоанна III, говорит про тогдашнее время то, что не потеряло силы и в дальнейшем. «Если мы в два столетия, ознаменованные духом рабства, еще не лишились своей нравственности, любви к добродетели, к отечеству, то прославим действие веры; она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцем, ни умолкнуть совести; в унижении имени русского мы возвышали себя именем христиан и любили отечество как страну православия.»

«...Все пережила она (Русь), все вынесла, потому что держалась за крест Христов, потому что искала помощи в непобедимой силе этого креста, у алтарей Божиих храмов, у гробниц святых угодников – страдальцев и молитвенников за землю Русскую; потому что помнила и хранила завет своего равноапостольного князя-просветителя любить, до последней капли крови защищать святую веру, жить так, чтобы в жизни свяtilось Имя Божие, чтобы был народ не на словах только, но и на деле народом православным, «Святою Русью» (С. Ф. Платонов. Святой равноапостольный князь Владимир).

И этот дух старой Руси воздвиг на славу ей таких государей-христоролюбцев, как Ярослав Мудрый; Владимир Мономах; три Мстислава отец, сын, внук; Даниил Московский; Александр Невский; Дмитрий Донской; царь Феодор Иоаннович, о котором после его кончины современники говорили «угасе свеча земли Русская, померче свет православия»; в новом царственном Доме – царь Алексей Михайлович-Понимание духовного облика своих архипастырей – своих служителей Церкви и пламенных отечестволюбцев, понимание того же облика государей, преданных православию и, после Бога, превыше всего любивших Родину, – благотворно влияло на русский народ того времени, вырабатывая у него особые верноподданнические чувства к великим князьям и царям, благословенным Церковью.

«Граждане стремились к Даниилу, как пчелы к матке или как жаждущие к источнику водному,» – пишет древний летописец по поводу отобрания в 1229 году князем Даниилом родового Галича от захватчиков. Иностранные историки описывают, как отправленный в 1575 году

Иоанном IV послом к императору Максимилиану князь Судогдский сильно занемог в пути и все время говорил: «Если бы я мог подняться... Жизнь моя ничто, только бы государь наш здравствовал"... «Как вы можете так усердно служить такому тирану?» – спросили его. На это князь Судогдский отвечал: «Мы, русские, преданы царям и милосердным и жестоким.»

Какою дорогою похвалою русскому народу звучат отзывы чужеземцев, относящиеся ко временам Иоанна IV Грозного и приводимые Р. Ю. Виппером в его книге «Иван Грозный» (М., 1922). Рюссов, ярый противник вторжения «москвитов» в Ливонию, пишет: «Русские в крепостях являются сильными боевыми людьми. Происходит это от следующих причин. Во-первых, русские – работающий народ: русский, в случае надобности, неутомим во всякой опасной и тяжелой работе, днем и ночью, и молится Богу, чтобы праведно умереть за своего государя. Во-вторых, русский в юности привык поститься и обходиться скудной пищей; если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может. В-третьих, если русские добровольно сдадут крепость, как бы ничтожна она ни была, то не смеют показываться на своей земле, так как их умерщвляют с позором; в чужих же землях они не могут, да и не хотят оставаться. Поэтому они держатся в крепости до последнего человека, скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю. Немцу же решительно все равно, где бы ни жить, была бы только возможность вдоволь наедаться и напиться. В-четвертых, у русских считалось не только позором, но и смертным грехом сдать крепость» (С. 105).

Француз де Ту в своей Всеобщей истории, вышедшей в начале XVII в., говоря о величии Иоанна IV, об изумительном военном строе его державы и послушании воинства, пишет: «Нет государя, которого бы более любили, которому служили бы более ревностно и верно. Добрые государи, которые обращаются со своими народами мягко и человечно, не встречают более чистой привязанности, чем он.» (С. 107). А. Д. Нечволодов в своей Истории пишет, что англичанин Дженкансон в 1557 году высказывал мнение, что ни один христианский властитель не был одновременно и так страшен своим подданным и так любим ими, как Иоанн IV. В том же духе высказывался и венецианский посол. Фоскарини.

Рейнгольд Гейденштейн, польский шляхтич, сторонник Батория, следовательно, особый ненавистник Иоанна IV, в 1578 году писал о последнем: «Тому, кто занимается историей его царствования, тем более должно казаться удивительным, что при такой жестокости могла

существовать такая сильная к нему любовь народа, любовь, с трудом обретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки, и как могла сохраниться необычайная верность его к своим государям. Причем должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже выказывал во время войны невероятную твердость при защите и охранении крепостей, а перебежчиков было вообще мало. Много, напротив, нашлось и во время этой самой войны таких, которые предпочли верность князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам.» (С. 91).

Стойкость и послушание русских Гейденштейн объясняет их религиозными убеждениями: «Они считают варварами или басурманами всех, кто отступает от них в деле веры... По установлениям своей религии, считая верность к государю в такой степени обязательной, как и верность к Богу, они превозносят похвалами твердость тех, которые до последнего вздоха сохранили присягу своему князю и говорят, что души их, расставшись с телом, тотчас переселяются на небо» (С. 91).

Неразрывность связи Церкви с самодержавной монархией отлично понималась, как мы видим из вышеизложенного, не только духовенством, но и всех толщей народной. Духовенство поэтому никогда не было «аполитичным.»

А. Д. Нечволодов в IV части своей Истории приводит запись из дневника поляка Маскевича: «В беседах с москвитянами, наши, выхваляя свою вольность, советовали им соединиться с народом польским и также приобрести свободу. Но русские отвечали: «Вам дорога ваша воля, нам неволя. У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого; может отнять у него имение и самую жизнь. Искать же правосудия по вашим законам долго, дело затянется на несколько лет. А с иного и ничего не возьмешь. У нас, напротив того, самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе царь творит суд и расправу. Если же сам государь поступит несправедливо, его власть: как Бог, он карает и милует. Нам легче перенести обиду от царя, чем от своего брата: ибо он владыка всего света.»

Сильно нелюбящий Иоанна IV Карамзин, описывая его кончину, все же должен сказать: «Когда же решительное слово: «не стало Государя!» раздалось в Кремле, народ завопил, громогласно... оттого ли, как пишут, что знал слабость Феодорову и боялся худых ее следствий для государства, или платя христианский долг жалости усопшему монарху, хотя и жестокому"...

Конечно, народ платил долг христианский и верноподданнический. И

через триста тридцать лет после кончины Грозного царя простой народ служил постоянно панихиды у могилы его в Архангельском соборе, веря, что благодаря этой молитве устроится правое дело, проигранное в судах.

Народному сознанию понятна была мысль, развитая тем же Иоанном Грозным в его «правиле» для царей: «Всегда царям подобает быть обозрительными, овоща кротчайшим, овогда же ярым. Ко благим убо милость и кротость, ко злым же ярость и мучение. Аще же сего не имеет – несть царь.»

Это свое стояние за великие основы православного монархического государства русские умели внушать и инородцам.

«И Романовские господа, мурзы и татаровя крест нам по своей вере дали, стояти с ними за один, за православную крестьянскую веру и за Святые Божие церкви,» – писали в 1612 году ярославцы вологжанам.

И особенно в смутные времена русские люди своим чутьем прекрасно понимали, в чем заключалось бытие государства и добивались всегда выхода на прямой путь.

«Шемякина смута, – говорит И. Е. Забелин, – послужила не только испытанием для сложившейся уже крепко вокруг Москвы народной тверди, но была главной причиной, почему народное сознание вдруг быстро потянулось к созданию московского единодержавия и самодержавия. Необузданное самоуправство властолюбцев, которые с особою силою всегда поднимаются во время усобиц и крамол, лучше других способов научило народ дорожить единством власти, уже много раз испытанной в своих качествах в пользу земской тишины и порядка. Василий Темный, человек смирный и добрый, который все случавшиеся бедствия больше всего приписывал своим грехам, всегда уступчивый и слабовольный, – по окончании смуты, когда все пришло в порядок и успокоилось, стал по-прежнему не только великим князем или старейшиной в князьях, но, помимо своей воли, получил значение государя, то есть властелина земли, земледержца, как тогда выражались. Шемякина смута, упавшая на землю великими крамолами, разорениями и убийствами, как причина великого земского беспорядка, перенесла народные умы к желанию установить порядок строгою и грозною властью, вследствие чего личность великого князя, униженная, оскорбленная и даже ослепленная во время смуты, тотчас после того восстанавливает свой государственный облик, и в еще большей силе и величии.»

В Смутное время XVII века народ, оказавшийся предоставленным самому себе, закончил тем, что вручил самодержавную власть новому царю.

И по праву поэтому мог в 1488 году ответствовать Иоанн III императору Фридриху III, предлагавшему великому князю через посла Попеля королевский титул: «Государь, великий князь, Божией милостью наследовал державу русскую от своих предков и доставление имеет от Бога и молит Бога да сохранить оную ему и детям его вовеки; а поставления от иной власти никогда не хотел и не хочет.»

Справедливо над немецким изображением Василия III того времени имеется такая надпись на немецком языке: «Я по праву отцовской крови – царь и государь руссов; почетных названий своей власти не покупал я ни у кого какими-либо просьбами или ценою; не подчинен я никаким законам другого властелина, но верую в единого Христа, презираю почет, выпрошенный у других.»

М. В. Зызыкин в своей книге «Царская власть и закон о престолонаследии в России» приводит послание 120-летнего патриарха Александрийского Иоакима, отправленное в 1558 году царю Иоанну IV.

Обращаясь к Грозному, как к «боговенчанному, возвеличенному победами от Бога, великому поборнику православия, светейшему царю богоутвержденной земли православной великой России,» патриарх называл его не только русским, но и своим государем, «вторым солнцем, надеждой благих времен.» «Яви нам, – писал он, – в нынешние времена нового кормителя и промыслителя о нас, доброго поборника, избранного и Богом наставляемого ктитора святой обители сей, каковым был некогда боговенчаный и равноапостольный Константин... Память твоя пребудет у нас непрестанно не только на церковном правиле, но и на трапезах с древними бывшими прежде царями.»

В 1561 году константинопольский патриарх Совместно с Собором 31 митрополита отправил Иоанну IV послания, в коих он признавался увенчанным законно царем и во всех православных церквах устанавливалось поминание его. «Будем молить Бога о имени твоём, да будешь и ты, как равноапостольный и приснославный Константин"...

## Надлом Русской Жизни

С начала XVIII века меняется тот православно-церковный уклад, который являлся основой старой Руси.

Великий преобразователь, но и великий разрушитель – император Петр I – строил империю наново. Увлекаемый порывами умственных и волевых способностей своей исключительной личности, Петр Великий преклонился перед обольстившим его Западом и начал крушить свое родное. Нарушен был им уничтожением патриаршества канонический строй русской Церкви, высшее духовенство было отстранено от участия в государственной жизни и искусственно замкнуто в исключительно церковные рамки, лишаясь этим в большой степени политического значения. Сломан был многовековой русский быт.

Но несмотря на все это и на греховные забавы, затрагивавшие духовный чин, царь Петр не был тем безбожником, которым хотят представить его некоторые хулители императорского периода Русского государства. Видим мы его поющим на клиросе и читающим Апостола в соборе Животворящей Троицы на Петербургской стороне, выстроенном им в 1710 году на месте, где положено было им основание С.-Петербургу; видим чтецом в русской церкви в Париже и читающим в великую субботу паремии в Соловецком монастыре. Ведаем, что духовником его был иеромонах Иов, основатель Голгофо-Распятского скита в Соловецкой обители, подвижник, прозорливец, сподобившийся видения Божией Матери. Иконостас в главном храме Преображения Господня в Соловецкой обители воздвигнут по повелению Петра во время первого его посещения обители в 1697 г. Деревянная церковь на Заячьем острове в Соловецком монастыре построена в 1702 г. по личному приказанию Петра и в его присутствии. В 1690 г. Петр велел возобновить в Высоко-Петровском мужском монастыре в Москве храм во имя святого Петра, соорудить новый храм, вместо древнего, над гробами убитых его дядей Нарышкиных и соорудить в этой же обители третий храм во имя Сергия Радонежского. Царь Петр возобновил Новгородский Перекомский монастырь на берегу озера Ильмень в память спасения под его стенами в 1702 гг. во время сильной бури на озере. Троицкий Белбажский монастырь в Макарьевском уезде основан в 1708 г. по воле Петра в целях миссионерства. Церковь в Вознесенском женском монастыре в Смоленске построена Петром, прибывшим в город карать мятежных стрельцов и помиловавшим их по просьбе игумений Марфы. Кладбищенская церковь

Воскресения св. Лазаря в Троице-Сергиевой лавре построена в 1718 г. Петром над прахом царевны Наталии Алексеевны. Валаамская обитель, после разорения ее шведами 100 лет пребывавшая в запустении, восстановлена в 1715 г. указом царя Петра. Он же, взяв Ригу, приказал переделать давно закрытую католическую церковь св. Марии Магдалины в собор во имя св. Алексия Человека Божия (Алексеевский монастырь).

Знаем, что новую столицу он отдал под небесное покровительство борца с ересью ариан преподобного Исаакия Далматского, в день памяти коего он родился; читали выше, как торжественно были перенесены им в 1724 году в Лавру мощи святого благоверного князя Александра Невского; план постройки этой обители разработан им же. «А икона Успения?» – с волнением вопрошал Петр, когда ему доложили о сильном пожаре в Киево-Печерской Лавре. «Ну, так лавра цела!» – с радостью воскликнул он, узнав, что святая икона уцелела. В часовне Спасителя в Петрограде находится чудотворный образ Спасителя, постоянно сопутствовавший Петру в его походах. Царем благоговейно доставлена была из Царграда частица мощей святого Николая и икона Спасителя, подаренная им Угличскому Николо-Улейминскому мужскому монастырю. Им же пожертвована была рака к мощам преподобного Ефрема, верного слуги святого кн. Бориса, почивающего в Новоторжском Борисоглебском монастыре. В Усть-Желтиковом монастыре (вблизи Твери), где одно время пребывал в заключении несчастный царевич Алексей, царь-отец, принесший сына в жертву считаемой им пользе государства, построил впоследствии церковь во имя святителя Алексия. Церковь святого Пантелеймона в С.-Петербурге построена была царем Петром в 1718 году в память победы при Гангуте. Церковь святого Симеона в С.-Петербурге воздвигнута была им в память победы под Полтавой. Петропавловский собор основан в 1714 г. в день рождения Петра. Большое паникадило в храме выточено самим царем. В 1721 г. по повелению Петра выстроена в 53 верстах от Петрозаводска церковь на Марциальных минеральных водах. Высоко чтит он своих современников: святого Дмитрия, митрополита Ростовского, и святого Митрофана, епископа Воронежского. В Митрофаниевском монастыре в Воронеже хранилась икона Смоленской Божией Матери, подаренная Петром святителю Митрофану. В Воронеже же в Успенском соборе, где Петр пел на клиросе, хранились крест и евангелие, им подаренные.

Но многовековой строй все же был сломан Петром и нанесенная Святой Руси рана давала о себе знать с годами все сильнее и сильнее. Русское общество нового образования все сильнее удалялось от родных,

живых истоков и подпадало под тлетворное влияние Запада, все более утрачивавшего свои нравственные устои и пропитывавшегося грубым и пошлым материализмом.

Иерархия, сломленная новыми условиями жизни, терявшая государственное значение, как-то бледнела. Когда из ее рядов выступил прямодушный владыка-Арсений (Мацеевич), митрополит Ростовский, то государственная власть в лице императрицы Екатерины II (1762–1796 г.г.) превратила его в узника. Под именем расстриги Андрея Вралья закончил в Ревельском каземате полусумасшедшим свою жизнь несчастный владыка Арсений.

Печальным по начавшемуся отрыву верхов от родных истоков был XVIII век, несмотря на весь его внешний блеск. И только императрица Елисавета (1741–1761 г.г.), с ее русской душой, озарила это время, напомнила своею верою, вкладами, богомольями старую Святую Русь. Первое серебро, добытое в ее царствование, пожертвовала она на сооружение раки к святым мощам Александра Невского. В ее же царствование возбужден был вопрос о прославлении мощей святителя Дмитрия Ростовского.

В толще же народной жив был еще старый благочестивый дух. Ведь тогда же, на пороге нового века, учили паству своим благостным примером святой *Митрофан* (в схиме Макарий. †1703 г., 23 ноября (6 декабря), первый епископ Воронежский, глубоко почитавшийся за свои пастырские добродетели и христианскую жизнь, небоязненно споривший с царем Петром из-за противных Церкви новшеств, но высоко им чтимый и во всем полезном ему помогавший; святой *Дмитрий* (†1709 г., 21 сентября (4 октября), митрополит Ростовский, сын сотника, возвращенный Киевской академией, стоятель за чистоту православия, составитель Четвы-Миней; святой *Иоанн* (†1715 г., 10(23) июня), митрополит Тобольский, из малороссийских дворян, великий молитвенник и особливый нищелю-бец. Позднее вели за собою пасомых: святой *Иннокентий* (†1731 г., 26 ноября (9 декабря), первый епископ Иркутский, дворянин, питомец Киевской академии, просветитель бурят и тунгузов; святой *Иоасаф* (†1754 г., 10(23 декабря), епископ Белгородский, происходивший из знатной и богатой малороссийской семьи (Горленко), пренебрегавший мирскими благами, посвятивший себя ревностному служению Церкви, знаменитый проповедник, строгий к себе и к подчиненному ему духовенству; святой *Тихон* (†1783 г., 13(26 августа) *Задонский*, епископ Воронежский, полный горением за веру, благотворитель, церковный писатель, последние годы своей жизни проведший в затворе...

В те же времена подвизались во славу Божию Назарий (†1809 г.), игумен Валаамский, восстановитель обители; схимонах Марк Саровский (†1817 г.), великий молчальник, носивший вериги, рубища, учивший смирению, самоукорению; старица Евпраксия, игуменья Староладожского Успенского монастыря, скончавшаяся 91-летней в 1828 году; архимандрит Паисий Величковский (†1794 г.), впоследствии настоятель молдавских монастырей, установитель старчества в тогдашней Руси, замечательный по оставленным им книжным трудам, открывшим многим дивные аскетические произведения подвижников; великий светильник православия, преподобный Серафим Саровский, начавший уже тогда сиять своими подвигами...

При закате XVIII века, омраченного мерзостями французской революции, разлившей свой яд повсюду, – вырисовался прекрасный облик истинного христоролюбивого воина. Величайший полководец генералиссимус Суворов и сам был глубоко верующим, и придавал огромное значение религиозному воспитанию войска. «Молись Богу: от Него победа. Пресвятая Богородице спаси нас. Святителю Отче Николае чудотворце, моли Бога за нас. Без сей молитвы оружия не обнажай, ружья не заряжай, ничего не начинай.» «Все начинай с благословения Божия и до издыхания будь верен государю и Отечеству.» «Святой храм – твердыня доблестями неодолимая. Что дерево без корня, то почитания ко власти земной без почитания к власти Божией: воздай честь Небу, потом земле.» «Дух укрепляй в вере отеческой православной; безверное войско учить, что железо перегорелое точить.» «Родство и свойство мое с долгом – Бог, государыня, Отечество,» – вот что писал Суворов в своей «Капральской тетради.»

## Деятнадцатое Столетие

Деятнадцатый век принес еще больший надлом исконной русской жизни. Злобно дули западные ветры, стараясь загасить неугасавшие свечи народной веры, народной верности и нанося много скверны. Сначала из легкомысленной и натасканной энциклопедистами Франции проник растлевающий дух сомнений. Затем твердокаменная философия немцев всполошила и довершила вредное дело угашения христианской души. И наряду с этим особыми тропами проникали и разлагали души различные вредно-мистические учения, протестантские секты. Вольтерьянство, франк-масонство, библейские общества, оккультизм, спиритизм, теософия, баптизм, сатанински горделивое и кощунственное толстовство, просто атеизм – все это пышно расцветало в нашей Родине.

Меньше всего поддавались разложению народные толщи, но им, в лучшем случае, не мешали жить «детской» верой. И народ десятками тысяч шел на поклонение святыням. 13 августа 1861 года в Задонске на торжества прославления мощей святителя Тихона собралось 220 000 богомольцев. До последних годов перед войной древний Киев в дни празднования лаврой престольного праздника Успения чернел от множества тысяч пришедших отовсюду крестьян. Те же картины можно было видеть в Троице-Сергиевой лавре, в Сарове, на Валааме и во многих других обителях.

Но образованные круги и те полупросвещенные слои, которые вплотную примыкали к простому народу, желая быть его руководителями, все более обезверивались и обезбоживались. По преданию, привычке, иногда из приличия – известная часть общества еще по внешности оставалась в Церкви, посещала в большие праздники храмы, говела, даже не ела скоромного на страстной неделе. Но души их были не холодны и не горячи, а едва теплились и чадили. Протестантизм постепенно проник в ум верхних слоев русского общества, и православными они оставались часто более по названию.

Духовенство же исподволь, но неуклонно, под давлением нужды и сознания своей государственной отверженности все более уходило внутрь себя, становилось замкнутым сословием, оторванной от общей государственной жизни кастой, со всеми недостатками последней. Паства все более отходила от столь необходимого общения с пастырями и под конец соприкасалась с духовенством, лишь посещая богослужения и при исполнении ими служебных треб. Дошло до того, что на священника стали

смотреть как на чиновника православного ведомства, выполняющего церковную службу, как на какого-то нотариуса, долженствующего свидетельствовать и записывать в церковные книги акты о совершенных таинствах или обрядах.

Глухими оставались эти руководящие круги к религиозным устремлениям, к пророчествам таких исключительных людей, как Хомяков, Тютчев, Гоголь, Достоевский, Константин Леонтьев. Не говорил душе их русский быт, так ярко изображенный Мельнико-вым-Печерским, Лесковым.

Мало кто подобно А. С. Грибоедову мог говорить: «В русской церкви я в отечестве, в России. Мы русские только в церкви, – а я хочу быть русским.» Подвергался осмеянию за свою религиозность Гоголь, написавший удивительное по силе «Размышление о Божественной Литургии.»

Ученые интеллигенты, собравшиеся в девятисотых годах в Штутгарте, с негодованием восставали против самой возможности прославления мощей преподобного Серафима в столь «просвещенный» век. И им вторили десятки тысяч людей, считающих себя солью земли русской. Особою удачью считалось высмеять, унижить все церковное, часто же и национальное. Злобным шипением откликалась интеллигенция на святую деятельность столь почитавшегося народом о. Иоанна Кронштадтского.

Еще во время Отечественной войны 1812 года, когда Россия избавилась от нашествия двенадцати языков, живы были заветы Суворова. Чудотворная икона Смоленской Божией Матери сопровождала войска, перед нею молились и Кутузов, и его воины перед Бородинской битвой. Памятником этой войны явился храм Христа Спасителя в Москве; с войной этой тесно связан и Казанский собор в Петрограде. Но уже во время Севастопольской кампании главнокомандующий светлейший князь Меншиков кощунственно отказался встретить принесенную к воротам города чудотворную икону Касперовской Божией Матери. Он велел передать архиепископу Херсонскому Иннокентию, что тот «напрасно беспокоит Царицу Небесную – мы и без Нее обойдемся.» Во время русско-японской войны 1904–1905 годов насмехались над молебнами и благословением войск иконами. В последнюю войну даже лица духовного звания, как протопресвитер Шавельский, не пожелали подобающе встретить привезенную 5 октября 1915 года в царскую ставку чудотворную икону Песчанской Божией Матери, заявив, что им «некогда» устраивать крестные ходы!

С насмешливой улыбкой взирали верхи общества на церковные

устремления и молитвенную жажду обоих последних наших государей. В царской же семье, невидимыми духовными узами связанной с подлинным народом, жили еще, хотя временами и придавливаемые чуждыми, вросшимися в русскую жизнь влияниями, заветы Святой Руси.

Глубоко православным был убитый масонами император Павел I, память коего, как и царя Иоанна Грозного, доселе читается народом, прибегающим к их молитвенному заступничеству в случаях страданий от вопиющих неправд. Император Павел Петрович (1796–1801 г.г.) отечески заботился о духовенстве, высказывая желание «чтобы более священство имело образ и состояние, важности сана своего соответственное»; им улучшено было положение белого духовенства. В его царствование причислен был к лику святых преподобный Феодосий Тотемский (†1568 г., 28 января (10 февраля)). В 1800 г. по его повелению был восстановлен Спасо-Каменный монастырь, основанный в 1242 г. чудесно спасшимся от бури кн. Глебом Васильевичем Белозерским. Император Александр I (1801–1825 г.г.), долго ходивший по опасным путям, испробовавший яды – масонские и сектанские – нашел, наконец, в истинной святоотеческой вере успокоение своей, подавленной событием 11 марта 1801 г. душе. И, по родному поверию, жизнь свою он закончил таинственно, покаянно под именем прославленного старца Феодора Кузьмина, умершего в 1874 году и похороненного в Томском Богородице-Алексеевском женском монастыре. В царствование Александра I прославлены были в 1804 году мощи святителя Иннокентия Иркутского.

Об этом несколько лет тому назад рассказывал в Берлине глава ордена софианцев протоиерей С. Булгаков в своем публичном докладе о мощах.

Духом русской, проникнутой церковностью старины веет от следующего письма государыни императрицы Марии Федоровны к сыну ее великому князю Константину Павловичу, которому она в течении 19 лет отказывала в согласии на развод с его супругой великой княгиней Анной Федоровной: «При самом начале приведу Вам на память пагубные последствия для общественных нравов, также огорчительный для всей нации опасный соблазн, произойти от этого долженствующий; ибо по разрушении брака Вашего последний крестьянин отдаленнейшей губернии, не слыша больше имени великой княгини, при церковных молитвах возглашаемым, известится о разводе Вашем, с почтением к таинству брака и к самой вере поколеблется... Он предположит, что вера для императорской фамилии менее священна, нежели для него, а такового довольно, чтобы отщепить сердце и умы подданных от государя и всего царского Дома. Сколь ужасно вымолвить, что соблазн сей производится от

императорского брата, обязанного быть для подданных образцом добродетели. Поверьте мне, любезный Константин Павлович, единою прелестью несменяющейся добродетели можем мы внушить народам сие о нашем превосходстве уверение, которое обще с чувством благоговейного почитания утверждает спокойствие империи. При малейшем же хотя в одной черте сей добродетели нарушении общее мнение ниспровергается, почтение к государю и его роду погибает.»

Горячо верующим христианином был император-рыцарь – Николай I. В молитве пламенной почерпнул он силы в страшные дни и часы своего воцарения. Защищая православие, он с оружием в руках заступался за единоверцев. В его царствование прославлены были в 1832 году мощи святителя Митрофана Воронежского. Прислав на раку золотой покров, государь на сороковой день после этого торжества прибыл в Воронеж для поклонения святому угоднику Божию. При нем, по представлению архиепископа Антония, положено начало вопросу о прославлении мощей святителя Тихона Задонского, каковое торжество состоялось 13 августа 1861 года в царствование императора Александра II. Понимая то огромное воспитательное значение, которое должно иметь сельское духовенство, император Николай I был озабочен устройением его. «Давно это была моя мечта, мое глубокое убеждение, что необходимо прийти на помощь и обеспечить сельское духовенство, и теперь, слава Богу, мне это наконец удалось, – писал 24 декабря 1892 года К. П. Победоносцеву император Александр III. – Дед мой Николай Павлович начал это дело в 40-х годах, а я его только продолжаю.»

«Так отчаянно тяжело бывает по временам, что если бы не верить в Бога и в Его неограниченную милость, конечно, не оставалось бы ничего другого, как пустить себе пулю в лоб. Но я не малодушен, а главное, верю в Бога и верю, что настанут, наконец, счастливые дни для нашей дорогой России... Часто, очень часто вспоминаю я слова Святого Евангелия: «да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в мя веруйте.» Эти могучие слова действуют на меня благотворно. С полным упованием на милость Божию, кончаю это письмо. Да будет воля Твоя, Господи,» – писал своему другу К. П. Победоносцеву 31 декабря 1881 года в последний день первого года царствования государь император Александр III.

Весь выявился в этих строках исключительной души человек-царь, воскресивший облик лучших государей старой Руси. Пережив столько тяжелого после мученической смерти своего отца, он чувствовал страшную тяжесть легшего на его плечи царственного бремени, понимал, что вне человеческих сил донести эту ношу. Но чистая вера в Промысел

Божий все превозмогла и давала ему силы для служения Родине.

«Посылаю при этом лампаду, которую мы жертвуем с женой к мощам святого Александра Невского в воспоминание дня коронования. Пожалуйста, пошлите ее в Александро-Невскую лавру и прикажите повесить у раки благоверного князя и чтобы она постоянно горела. Получили ли в Почаеве нашу лампаду?» – писал 7 февраля 1885 года государь К. П. Победоносцеву.

Горели лампы – дар царя и царицы – у великих святынь в граде Святого Петра и в обители древней земли Русской. Текла к Господу Богу неслышная, горячая, постоянная молитва венценосца за Россию. Сияло величием царство монарха-миротворца. Молился за него народ. «... Неисповедимыми путями Божественного Промысла свершилось над нами чудо Милости Божией. Там, где не было никакой надежды на спасение человеческое, Господу Богу угодно было дивным образом сохранить жизнь мне, императрице, наследнику цесаревичу, всем детям моим. В трепетном благоговении перед дивными судьбами Божиими мы веруем, что явленная нам и народу нашему Милость Божия отвечает горячим молитвам, которые ежедневно возносят за нас тысячи верных сынов России всюду, где стоит святая Церковь и славится Имя Христово. Промысел Божий, сохранив нам жизнь, посвященную благу возлюбленного Отечества, да ниспошлет нам и сыну совершить до конца великое служение,» – объявлял император Александр III в манифесте своем по случаю спасения 17 октября 1888 года под Борками.

И теми же верованиями полон был государь император Николай Александрович. Благоговейно изучая его внутренний мир, словно видишь перед собою Дмитрия Донского, святого князя Васильке Ростовского и сонм благочестивых князей, озаривших своим бытием старую Русь.

«Какое, братия, великое, какое неизъяснимое утешение знать и видеть, что державный вождь русского народа, коему вверены Богом судьбы отечества нашего, в основание всего в своем царстве полагает не иное что, как благочестие, сам лично давая пример глубокого, чисто древнерусского благочестия, любви к благолепию служб церковных, почитания святынь русских, заботы и усердия к прославлению великих подвижников святой богоугодной жизни,» – говорил перед войной в Екатеринбургском соборе ныне покойный о. Иоанн Сторожев, которому волею Божию уготовано было 1/14 июля 1918 года служить в Екатеринбурге же в Ипатьевском доме обедницу и давать святой крест для целования так верно им обрисованному государю императору.

И действительно, в царствование государя императора Николая

Александровича состоялось прославление святых мощей: святителя Феодосия Черниговского (Углицкого), преподобного Серафима Саровского, святителя Иоасафа Белгородского, святителя Питирима Тобольского; утверждено было окончательно прославление мощей святой княгини Анны Кашинской, состоялось перенесение из Киева в родную Полоцкую землю мощей святой княжны Евфросинии. Народ видел царя, ездившего на поклонение святыням, присутствовавшего при прославлении мощей преподобного Серафима, говевшего со всей семьей в древней Москве.

Пример истинного благочестия подавали также государыня императрица Александра Федоровна, великие князья Сергей Александрович, Дмитрий Константинович, князь Иоанн Константинович. В Валаамской обители красуется храм во имя иконы Смоленской Божией Матери, воздвигнутый великим князем Николаем Николаевичем в память воинов, убитых во время последней войны. Древней Русью веет от последних часов жизни недавно скончавшегося благоверного великого князя. Мать же его, великая княгиня Александра Петровна (дочь принца Ольденбургского), после двухсотлетнего перерыва связала с царственным домом монашество, приняв в иночестве имя Анастасии, каковое имя получила и первая инокиня из княгинь – Рогнеда, супруга Владимира.

Но примеры царской семьи не являлись, увы, назиданием для отравленного ядом безверия общества. Напротив, благочестие ее вызвало еще больший натиск страшной силы, умевшей направлять на зло интеллигенцию.

Последняя оставалась намеренно слепой к тому отрадному, что продолжало происходить кругом. На Руси же не прекращалась подвижническая жизнь избранных Богом людей.

Озарял Русь светом своего благочестия великий старец Саровской обители преподобный *Серафим* († 1833 г., 2 (15) января и 19 июля (1 августа), прошедший все трудные подвиги монашества. Общежительный инок, пустынный, столпник, молчальник, затворник, старец – на всех этих ступенях он являл образ подвижников древнеотеческих времен... Богатыми всходами украшалась русская нива, впитавшая семена, брошенные любовной рукой схииархимандрита Паисия (Величковского), получившего окормление у старцев в Вала-хии и на Афоне. Верующие, страдавшие, смущавшиеся люди шли в Оптину пустынь за поучениями и наставлениями к старцам, продолжателям святого дела Паисиева. Старец Леонид, в схиме Лев (†1841 г.), особенно прилежавший к простому народу, нуждавшемуся в духовной помощи; его ученик,

иеросхимонах Макарий († 1860 г.), бывший в миру гусарским ротмистром, под руководством о. Паисия достигший высокой степени духовной жизни, наряду с врачеванием душ занимавшийся изданием святоотеческих аскетических творений; архимандрит Моисей (†1868 г.), настоятель, обновитель Оптиной пустыни, сумевший, по определению Е. Поселянина, сочетать аскетическую уединенность келейной жизни с доступностью, твердость с кротостью, хозяйственность с крайней нестяжательностью, самострательность с полной покорностью началу старчества, живую деятельность с неистощимым терпением многих и тяжелых скорбей; старец Амвросий, скончавшийся в 1892 году, создатель, строитель Шамординской женской обители, наполнявшийся любовью ко всем, веривший в человека и Богом вложенную в него душу... Старец Иларион Троекуровский (1774–1853 г.г.), живший в пещере, на деревьях, странствовавший, поучавший, создавший в Лебедянском уезде монастырь-Незлюбивый Иоанн (†1839 г.), затворник Сезеновский, строитель церкви, монастыря, говоривший: «Если бы у нас не было врагов, как бы могли мы войти в царствие небесное? Мы должны быть благодарны им, как своим благодетелям. Они своим поношением даруют нам венцы"... Матрона Наумовна, в тайном постриге Мария († 1851 г.), столь почитавшаяся питательница странников и сирот в Задонске... Живший 120 лет задонский юродивый Антоний Алексеевич (†1851 г.)... Иеромонах Иоанн (†1867 г.), затворник Святогорский, слепнувший от мрака келий, весь в веригах... Пустынник Василиск († 1824 г.), подвизавшийся в Томской губернии, и его ученик дворянин Петр Алексеевич Мичурин (†1820 г.), великий постник, о котором говорили, что он «жестокоподвижный и смиренномудрый.» Георгий Задонский (†1836 г.), живший 17 лет в затворе, ранее офицер Лубенского и Казанского полков, говоривший об обидчиках: «Они мне благодетели, милостивым сотворят мне Владыку Господа моего и отверзнут мне врата вечного блаженства по гласу евангельскому: «Блажени есте, егда поносят вам... Боже, помилуй их.» Иеросхимонах Парфений Киевский (†1855 г.), имевший умиленную детскую любовь к Божией Матери, скорбевший о том, что в жизни не испытал гонений... Блаженная Ксения, над могилой коей – в часовне на Смоленском кладбище в Петрограде – горячо молились русские люди... Наставлявшийся святителем Тихоном Задонским священник города Ельца о. Иоанн (†1824 г.), юродствовавший. Ржевский протоиерей о. Матфей (†1857 г.). Старица Евпраксия († 1828 г.), игуменья Староладожского Успенского монастыря, великая молитвенница, повелевавшая зверьми... Игуменья Феофания (Готовцева. (†1866 г.), основательница Новодевичьего

монастыря в С.-Петербурге. Схимонах Амфилохий (1740–1865 г.г.), восстановитель Реконской пустыни под Тихвином, носивший тяжкие вериги, питавшийся гнилыми корками хлеба, древесной корой, мхом и кореньями. Пелагея Ивановна († 1884 г.), юродивая Дивеевская, благословенная на подвиг преподобным Серафимом. Паша, юродивая Саровская, с которой беседовали государь и государыня и которая прорекла о приближении японской войны и рождении наследника цесаревича Алексея Николаевича. Старец Варнава (†1906 г.) Гефсиманский, построивший женский Выксенский монастырь Нижегородской губернии. Алексей Зосимовский, недавно скончавшийся. Алексей Голосеевский (под Киевом), отроком исцеленный митрополитом Киевским Филаретом, за проскомидией чудесно извещенный Свыше о мученической смерти императора Александра II, предсказавший грядущую революцию и гонение на православие перед своей кончиной в январе 1917 года... Отец Иоанн Кронштадтский (†1908 г.)... Вся жизнь последнего была полна самоотверженной и непрерывной благотворительности и христианской, пастырской помощи несчастным, душевно и телесно страждущим. Он был великим праведником, всероссийским молитвенником, истинным евангельским врачом.

Простой народ и исключительные личности из других кругов шли к этим подвижникам, искали у них врачеваний, совершали паломничества в монастыри и в святые места. Французский писатель Лоти писал, что он только тогда понял, что представляет собой истинная вера, когда увидел русских паломников, молившихся в Иерусалиме. Народу нужны были духовные пастыри. «Воля и решимость ослабли у людей, а сомнения поэтому одолевают, – объяснял однажды старец Варнава. – Если человек по своему складу верующий, то в случаях подобных сомнений он естественно призывает себе в молитве Божественную помощь и поддержку. Будучи, однако, не в силах побороть свои сомнения, он слагает в душе свою решимость подчиниться указанию избранного себе в духовные руководители лица, полагаясь на то, что этим путем Господь и укажет ему наилучшее решение. Конечно я, многогрешный, не считаю себя провозгласителем воли Всевышнего; постоянно напоминаю обращающимся ко мне о своем ничтожестве. Но, по глубокому моему убеждению, не смею уклоняться от посильной помощи в сомнениях сущим и, благословясь, отвечаю на все вопросы так, как душа и сердце мои чувят. И должен свидетельствовать, что люди, выслушавшие неприятные, а иногда и тяжелые для них ответы, впоследствии говорили мне, что они все же уходили с чувством облегчения и пониманием снятой с их плеч обузы.»

От первых дней христианства и до века нынешнего непрерывной цепью – как мы видели из приведенного выше, далеко не полного перечня, – благодатно связывали подвижники Русь прошлую с настоящей. Но увы, за последнее столетие уменьшалось число духовно зрячих людей. Пелена все сильнее застилала глаза и все меньшее число людей внимало призывам тех иерархов, которые, видя надвигавшееся бедствие, подобно епископу Иоанну Выборгскому, впоследствии Смоленскому, восклицали (в 1866 г.):

«Не кажется ли вам, не может ли прийти мысль всякому строгому наблюдателю, если посмотреть вокруг себя серьезно, что жизнь наша как будто сдвинулась с вековых религиозных и нравственных оснований и в разладе с народною верою и совестью, с отечественною любовью и правдою, при нашей внутренней несостоятельности идет будто невесть куда без разумных убеждений и сознательно верных стремлений? Но это было бы ужасно. Народ! Помни Бога.»

Немало было и архипастырей, которые хотя мероприятиями императора Петра Великого и были отодвинуты от влияния на государственно-общественную жизнь, но все же идейно – проповедями и печатными произведениями – будили в народе сознание истинного отечестволюбия, показывая вместе с тем примеры благочестивой жизни. Митрополит Московский Платон, борец против масонства и его детища либерализма. Митрополит Филарет Московский (†1867 г.), 46 лет состоявший в этом сане, творец катехизиса, составитель манифестов о передаче права престолонаследия Николаю Павловичу и об освобождении крестьян. Митрополит Филарет Киевский (†1857 г.), подвижник, воплощение доброты, близкий к старцам Оптиной пустыни. Иннокентий (†1819 г.), епископ Пензенский, мужественно боровшийся с так называемым «духовным христианством,» модным в тогдашнем высшем обществе; сохранивший нетление, почитаемый давно за святого. Антоний (†1846 г.), архиепископ Воронежский и Задонский, являвшийся в миру живым напоминанием о заповедях Христовых, называвший себя «служкой святителя Митрофана,» святые мощи которого при нем и были прославлены. Мелетий (†1840 г.), архиепископ Харьковский и Ахтырский, нетленно почивающий в гробу. Евфимий, епископ Саратовский, и Михаил, епископ Уфимский, скончавшиеся в 50-х годах. Антоний (†1870 г.), архиепископ Казанский. Макарий (†1882 г.), митрополит Московский, составитель истории Церкви. Иосиф (†1892 г.), архиепископ Воронежский и Задонский. Феофан (†1891 г.), епископ Тамбовский, глубокий почитатель святителя Тихона и продолжатель его назидательного дела по духовному возрождению русского народа, 28 лет пробывший затем в

затворе в Вышенской обители и оттуда поучавший многие тысячи обратившихся к нему за советами людей. Иннокентий, архиепископ Херсонский, проповедник идеи православной монархии. Игнатий, архиепископ Воронежский и Задонский, написавший обоснование таинства священного миропомазания царей. Димитрий, архиепископ Херсонский. Иоанн, епископ Выборгский, затем Смоленский. Никанор, архиепископ Херсонский, борец с лжеучениями гр. Льва Толстого. Макарий, просветитель Алтая, впоследствии митрополит Московский, недавно скончавшийся. Антоний, митрополит Киевский и Галицкий, ныне здравствующий, ученики и постриженники коего украшают и спасают русскую Церковь.

«Что такое благочестивый царь для благочестивого царства? – говорил архиепископ Иннокентий Херсонский. – Посмотрите на великое царство вселенной! Взойдет на небо солнце, и все радуется, животворится, возрастает и укрепляется, цветет и плодотворит.

Сокроется солнце на западе, и всюду мрак и темнота, все предается бездействию и сну. Покроется солнце облаками – и все приемлет унылый и мрачный вид, – не так ясно и не так отрадно, не то небо и не та земля. Что боговозженное солнце для природы, то благодарованный царь для своего царства. Призирает светлое око царя – и иссушаются слезы, утоляются вздохи, ободряются труды, оживляется мужество. Простирается щедрая десница царя – и облегчаются бедствия, восполняются лишения, награждаются заслуги, увенчиваются подвиги. Исходит царственное слово – и все приводится в стройный чин и порядок, все возбуждается к деятельности, всему указывается свое назначение и место.»

«Самодержавием Россия стоит твердо. Царь есть глава и душа царства... Благо народу и государству, в котором всеобщим светлым средоточием стоит царь, свободно ограничивающий свое самодержавие волей Отца Небесного,» – поучал Филарет, митрополит Московский.

Как много духовной красоты в обмене стихами между митрополитом Филаретом Московским и Пушкиным, в итоге чего великий поэт смиренно поклонился владыке митрополиту.

В часы уныния Александр Сергеевич Пушкин написал следующее стихотворение:

Дар напрасный, дар случайный  
Жизнь, зачем ты мне дана?  
Иль зачем судьбою тайно  
Ты на казнь осуждена?  
Кто меня враждебной властью

Из ничтожества воззвал,  
Душу мне наполнил страстью,  
Ум сомнением взволновал?..  
Цели нет передо мною,  
Сердце пусто, празден ум,  
И томит меня тоскою  
Однозвучный жизни шум.  
Митрополит Филарет так ответил поэту:  
Не напрасно, не случайно Жизнь судьбою мне дана;  
Не без правды ею тайно  
На печаль осуждена.  
Сам я своенравной властью  
Зло из темных бездн воззвал,  
Сам наполнил душу страстью,  
Ум сомнением взволновал.  
Вспомнись мне, забвенный мною!  
Просияй сквозь сумрак дум –  
И созиждется Тобою  
Сердце чисто, светлый ум!

Свое преклонение перед митрополитом Пушкин выразил  
вдохновенными строфами своего стихотворения «Стансы»:

В часы забав иль праздной скуки,  
Бывало, лире я моей  
Вверял изнеженные звуки  
Безумства, лени и страстей.  
Но и тогда струны лукавой  
Невольно звон я прерывал,  
Когда твой голос величавый  
Меня внезапно поражал.  
Я лил потоки слез нежданных  
И ранам совести моей  
Твоих речей благоуханных  
Отраден чистый был елей,  
И ныне с высоты духовной  
Мне руку простираешь ты,  
И силой кроткой и любовной  
Смиряешь буйные мечты.  
Твоим огнем душа согрета,  
Отвергла мрак земных сует,

И внемлет арфе Филарета

В священном ужасе поэт.

Но сколь немногие из тогдашнего образованного общества способны были понять чувства великого иерарха и великого писателя...

Господь Бог чудесными проявлениями Своей милости звал русских людей к исправлению, к возвращению на истинные пути. Просияли чудесами иконы Божией Матери: Черниговская в пещерной церкви Гефсиманского скита; Козельщанская в имении графа Капниста в Полтавской губернии (праздник 21 февраля (6 марта); Всех скорбящих Радость, вблизи Стеклянного завода в Петрограде (24 октября (6 ноября)). Наконец, 8 марта 1898 года чудесно спасена была икона Курской Божией Матери. В два часа ночи вся братия Курского Знаменского монастыря была разбужена страшным ударом, некоторые были сброшены с постели. Когда преосвященный Ювеналий и братия проникли в полный едкого дыма и гари храм, то им и прибывшим за ними властям представилась потрясающая картина. По всему собору были разбросаны доски и разбитые стекла, выпавшие, как оказалось, из верхних окон купола с 15-саженной высоты. Северная массивная дверь собора была вся разбита и выперта даже наружу. Стенная живопись и алебастр были попорчены. Но более всего была повреждена та северная ниша, где находилась чудотворная икона. Ниша вся была поломана, внутренние золоченые стенки ее и колонны были обожжены и выдвинуты наружу; все лепные работы и лампы далеко отброшены в сторону, железная решетка, находившаяся у подножия иконы, была сорвана. И несмотря на то, что взрывчатый снаряд такой большой силы был, несомненно, положен у самого подножия иконы, шестисотлетняя святыня – чудотворный образ Знамения Божией Матери – остался целым и невредимым. Икона только сдвинута была чуть-чуть влево в кивоте, да и у ризы венец закопчен был дымом. Но и этим чудесам не внимало русское общество.

## Закат. Подвижники и Стратотерпцы Руси, порабощенной безбожниками

Отрыв от исторических корней, начавшийся двести лет тому назад, не мог, конечно, пройти бесследно. Растлевающая работа враждебных сил все сильнее проявляла себя. Верхи, за немногими исключениями, рабски поклонились Западу, так называемая интеллигенция, тоже услужавшая последнему, восприняла от него все худшее. Вместе с тем она совершенно оторвалась от народа. И те и другие обезверивались. Духовенство все более обезличивалось искусственно привитым ему аполитизмом.

Русское общество покидало «спасительный корабль веры,» как говорил давно владыка Антоний, ныне митрополит Киевский и Галицкий. Лишалось тогда, по его словам, разумного смысла «государственное существование, основанное на народном себялюбии и чуждое религиозной идее.» «Это уже не народ, – писал владыка Антоний в 1899 году в казанском журнале «Деятель,» – но гниющий труп, который гниение свое принимает за жизнь, а живут на нем и в нем лишь кроты, черви и поганые насекомые, радующиеся тому, что тело умерло и гниет, ибо в живом теле не было бы удовлетворения их жадности, не было бы для них жизни.»

Все держалось еще почитанием царской власти. Либеральный профессор С. Л. Франк в своем послереволюционном труде «Из размышлений о русской революции» справедливо писал: «Замечательной, в сущности общеизвестной, но во всем своем значении не оцененной особенностью русского общественного и государственного строя было то, что в народном сознании и народной вере была непосредственно укреплена только сама верховная власть – власть царя; все же остальное – сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии, – все это держалось лишь косвенно, силой царской власти и не имело непосредственных корней в народном сознании. Глубоко в недрах исторической почвы, в последних религиозных глубинах народной души было укреплено корнями, – казалось незыблемо, – могучее древо монархии; все остальное, что было в России – вся правовая, общественная и духовная культура – произрастало от ее ствола и держалось только им, как листья, цветы и плоды – произведения этой культуры висели над почвою, непосредственно с ней не соприкасаясь и не имея в ней собственных корней.»

Поэтому и натиск врагов Святой Руси направлен был, главным образом, на сокрушение этого великого стержня русской государственности. И удивительная чистота и благородство двух последних самодержцев, как мы упоминали выше, вызвала особую злобность темной силы, ни перед чем не останавливавшейся для сокрушения опоры России.

В позабывшей Бога и заветы седой старины России XX века разрушительная работа была нетрудна. Тяжелые испытания мировой войны не перенесли подточенные разрушителями силы русского народа.

Свергнут был в марте 1917 г. царь, помазанник Божий. Свалилась в бездну, раскололась Россия, самое имя которой преемники мартовских богоотступников, большевики, уничтожили. Бесы, давно подстерегавшие свою жертву, смогли отпраздновать свой шабаш на залитой кровью земле. Застилая истинный лик Святой Руси, нагло выползала отовсюду страшная образина звероподобного существа, измывавшегося, кощунствовавшего над всем, что испокон было дорого и свято.

Но истинную душу Руси изничтожить не удалось. И не изжитое доселе, страшное смутное время выявило – среди мрака и грязи – много светлого, благородного, чистого...

Государь император Николай Александрович, увидевший вокруг себя столько предательства, гадости и сохранивший нерушимую веру в Бога, отеческую любовь к русскому народу, готовность жизнь свою положить за честь и славу Родины. Какой силой духа дышит последнее обращение государя от 8 марта 1917 года к армии, на которую он призывал благословение Божие. Жизнь его пленником в Царском Селе, Тобольске, Екатеринбурге – воистину житие праведного христианина. И вспоминая его, возлюбленного государя, так ясно представляешь себе образ другого страдальца-пленника, святого великого князя Михаила Тверского, тоже в нравственных страданиях духа своего не угасившего...

Какою пламенной верою, силою древнего христианства, величием благороднейшей души веет от замечательных писем несчастной узницы революционеров, государыни императрицы Александры Феодоровны.

«Чем больше здесь страдания, тем ярче будет на том светлом берегу, где так много дорогих нас ждут» (21 октября 1917 г.) «Дух у всех семи бодр. Господь так близок, чувствуешь Его поддержку, удивляешься часто, что переносишь вещи и разлуки, которые раньше убили бы. Мирно на душе, хотя страдаешь сильно за Родину» (9 декабря). «Не надо так мрачно смотреть – голову наверх – бодрее всем в глаза смотреть. Никогда надежду не терять – непоколебимо верить, что пройдет этот кошмар.» «Какая я

стала старая, но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка, и люблю мою родину, несмотря на все ужасы и согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к государю, которая разрывает мое сердце, – но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господь, смилуйся и спаси Россию» (10 декабря).

«Ведь очень согрешили мы все, что так Отец Небесный наказывает своих детей. Но я твердо, непоколебимо верю, что Он спасет, Он один это может. Странность в русском характере – человек скоро делается гадким, плохим, жестоким, безрассудным, но и одинаково быстро он может стать другим; это называется – бесхарактерность» (9 января 1918 г.). «...Но что время. Ничего, жизнь суета, все готовимся в царство небесное. Тогда ничего страшного нет. Все можно у человека отнять, но душу никто не может, хотя диавол человека стережет на каждом шагу, хитрый он, но мы должны крепко бороться против него: он лучше нас знает наши слабости и пользуется этим. Но наше дело быть настороже, не спать, а воевать. Вся жизнь – борьба, а то не было бы подвига и награды. Ведь все испытания, Им посланные, пощущения – все к лучшему; везде видишь Его руку. Делают люди тебе зло. А ты принимай без ропота: Он и пошлет ангела хранителя, утешителя своего. Никогда мы не одни. Он Вездесущий – Всезнающий – Сам любовь. Как же Ему не верить» (2/15 марта 1918 г.). «Отбросим старого Адама, облекусь в ризу света, отряхнем мирскую пыль и приготовимся к встрече Небесного Жениха. Он вечно страдает за нас и с нами и через нас; как Он и нам подает руку помощи, то и мы поделим с Ним, перенося без ропота, все страдания, Богом нам ниспосланные. Зачем нам не страдать, раз Он, невинный, безгрешный вольно страдал. Искушаем мы все наши столетние грехи, отмываем в крови все пятна, загрязнившие наши души.» (13/26 марта). «Когда совсем затоптаны ногами, тогда Он Родину подымет. Не знаю как, но горячо этому верю. И будем непрестанно за Родину молиться. Господь Иисус Христос, помилуй меня, грешную, и спаси Россию» (19 марта). «Атмосфера электрическая кругом, чувствуется гроза, но Господь милостив и охранит от всякого зла.» «Хотя гроза приближается – на душе мирно – все по воле Божией. Он все к лучшему делает. Только на Него уповать. Слава Ему, что маленькому (наследнику) легче» (8/21 апреля 1918 г.).

Тою же верю, безропотным преклонением перед волею Божиею, любовью к России полны были августейшие дети царственной четы... С благоговением довелось недавно читать записи в альбом верной фрейлины

их величеств графини Анастасии Васильевны Гендриковой за время царскосельского пленения летом 1917 года. Вот что 20 июля писали великие княжны Ольга Николаевна и Анастасия Николаевна:

Умом России не понять  
Аршином общим не измерить.  
У ней особенная статья –  
В Россию только можно верить.  
Тютчев.  
Ольга."

И писала эти строки старшая великая княжна, единственная из сестер, по отзыву П. Жильяра, сразу понявшая всю грозность надвинувшихся событий, очень больно переживавшая происшедшее, но продолжавшая горячо верить в Россию.

«Когда душа твоя тоскует,  
Надежды гаснут, как огни –  
Над правдой клевета ликует,  
Кругом тебя враги одни;  
Когда в борьбе слабеют крылья,  
Беда приходит за бедой,  
И плачешь ты в тоске бессилья,  
Не забывай, что Бог с тобой.  
Анастасия.»

Какую поразительную веру видим мы у оскорбленной неправдой шестнадцатилетней великой княжны!

Великая княгиня Елисавета Феодоровна, принявшая в 1918 году в Алапаевске мученическую смерть от революционеров, благославлявшая перед кончиной сброшенных с нею в копи великих князей. Без признаков разложения найден был священный прах ее и, перевезенный в Святую Землю, покоится в русском храме Марии Магдалины.

Герои долга, воскресившие память святого боярина Феодора, – графиня А. В. Гендрикова, князь В. А. Долгоруков, И. Л. Татищев, лейб-медик С. С. Боткин, гоф-лектрисса Е. А. Шнейдер и простые люди: матрос Нагорный, камердинеры Волков и Чемадунов, лакей Седнев, горничная Демидова – добровольно последовали в заточение вместе с царской семьей.

Святейший патриарх Тихон в первый год своего возглавления русской Церкви и Всероссийский Церковный Собор, напоминавшие своими бесстрашными патриотическими выступлениями великие времена святителя Гермогена и подвижников Троице-Сергиевой лавры.

Сонм русских иерархов, с пути этого и не сходявших и за веру живот свой в мучениях положивших.

«Какую дань слова, принесем вам, верные свидетели слова, доблестные страстотерпцы и пастыри, вменившиеся яко овцы заколения. Витийствующий язык изнемогает перед величием вашего подвига,» – писал в 1921 году архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий в «Похвальном слове новым священномученикам русской Церкви.»

«Тебе, – продолжал писать владыка, – первосвятитель древней Киевской церкви, соименный святому просветителю Руси, подобало начать славное поприще борьбы и страдать, ты стал предводителем боговенчанного полка, и тебе да воздается от нас первый венец славы. Сама Божественная Премудрость преуказала, чтобы на горах Киевских, там, где Апостольскою рукою было утверждено некогда знамение святого креста, вознесен был на крест преемник апостолов, как один из первых священномучеников наших дней. Крещение русской Церкви огнем и кровью должно было начаться оттуда, где положен был первый камень в ее основание и где изначала приял водное крещение русский народ.»

Мученически погиб в январе 1918 года в Киеве поминаемый владыкой Анастасием убежденнейший монархист митрополит Владимир. Убит был Макарий (Гневушев), епископ Орловский, грозно обличавший февральское злодеяние. Медленно замучиваемый, закончил свое светлое житие архиепископ Митрофан Астраханский, перед самой революцией в проповедях укорявший тех, кто подло травил страдавшую за Россию царицу Александру Феодоровну. За ним последовал в селение праведных его vikарий, епископ Леонтий. Архиепископ Гермоген Тобольский, столь верный государю и после революции, претерпел ряд мучений. Он был привязан к лопастьям колес шедшего парохода и приял кончину именно за Веру, Царя и Отечество. Епископа Свияжского Амвросия замучили, привязав к хвосту лошади. Посаженный на кол, умер епископ Исидор Самарский. Страшным мучениям подвергнут был епископ Никодим Белгородский. Епископа Платона Ревельского, обливая водой на морозе, обратили в ледяной столб. Епископ Феофан Соликамский с семьей иеромонахами был спущен ночью вниз головой в прорубь, причем замерзшие края прорубной ямы палачи пробивали плечами и телом епископа.

Епископ Лаврентий Балахнинский перед расстрелом обличал советскую власть, предвещал ее гибель, верил в то, что Россия возродится. Дрогнули красноармейцы, отказались стрелять. Владыка же уговаривал их не отказываться от расстрела его, так как пришлют других, они же за него

пострадают. Не уговорил, опустили ружья красноармейцы. Убили владыку чекисты.

Замучены были большевиками: архиепископы – Черниговский Василий, Нижегородский Иоаким, епископы – Пимен Верненский, Мефодий Павлоградский, Герман Камьшинский, Варсонофий Кирилловский, Ефрем Селенгинский, Мефодий Акмолинский и многие, имена коих пока неизвестны.

После сильных мучений закопали живым архиепископа Пермского Андроника, который бесстрашно громил большевиков. Незадолго перед кончиной владыка 26 августа 1918 года говорил в соборе участникам многотысячного крестного хода: «Стойте за веру Христову, не будьте отступниками, если Изгонят нас насильники из храмов, будем молиться в домах или устроим храмы в тайных подземельях, но неустанно будем молиться.» Обращаясь тогда же к находившимся в соборе советским властям, владыка продолжал: «Теперь к вам, насилующим совесть русского народа, мое слово: я обратился к вам со словом увещевания, я просил вас прекратить насилие, вы ответили бранью и кощунством, вы извратили мои слова и надругались над ними. Я еще раз говорю вам – не отымайте веру у народа, не троньте его храмы, алтари и ризницы. Иначе я данной мне от Бога преемственной чрез апостолов силою «вязать и решать» всех посягающих на веру Христову, буду анафемствовать, доколе не исправитесь. К дверям храмов и ризниц вы пройдете лишь через мой труп.»

Протоиерей Иоанн Восторгов, убежденный, действенный монархист, мужественно бичевавший революцию и ее вернейших слуг большевиков. 21 января 1918 года в храме Василия Блаженного он, будучи настоятелем, говорил пастве: «Да сгинет то неделание и непротивление злу, которым теперь охвачено русское образованное общество под ударами обрушившихся на него несчастий – правда, им же самим и подготовленных. Такая борьба не только совместима с христианством, но и составляет обязанность христианина. Такая борьба приобщает нас к подвигу исповедничества.» В борьбе этой обрел он мученический венец... Доблестный потомок славного рода Василий Павлович Шеин, в иночестве архимандрит Сергей, мужественно, исполняя долг свой, взиравший в глаза смерти, уготованной ему большевиками... Многие тысячи безвестных священников, иноков, инокинь и мирян, замученных во славу Христа Спасителя Его врагами, полонившими Русь Святую.

Митрополит Петроградский Вениамин, о котором архиепископ Анастасий пишет: «Среди этой доблестной дружины зрим и тебя,

священная глава, славный первостоятель града святого Петра, возлюбленный твоею паствою так же, как тезоименитый тебе древний патриарх своим отцем Иаковом. Младший многих из твоих собратий, ты предупредил, однако, их твоим апостольским дерзновением и духовным разумом. Еще в юности ты лобызал пламенеющим сердцем раны первых мучеников и скорбел, что не можешь приобщиться к их славному подвигу. Господь узрел твою святую ревность и по исполнении времен послал тебе тот же искуc. По Его изволению, преемники Ирода и на тебя наложили руки, чтобы сделать тебе зло, и, задержав, ввергли в темницу (Деян. 12, 4). Напрасно преданная тебе паства волновалась, как море, вздымающее гневные волны. Ни ее мольбы и угрозы, ни твое незлобие и смирение – ничто не могло исторгнуть тебя из рук нечестивых, повлекших тебя на свое незаконное судилище. Исполненный веры и силы, кроткий и дерзновенный, как первомученик Стефан, предстал ты перед новым синедрионом. Враги не могли противостоят мудрости и Духу, вещавшему твоими устами, когда ты избличал их клеветы и выражал радостное желание умереть, как христианин, стражда без правды. (1Петр. 2:19; 4:16).»

Красотой истинного христианства, чуждого духу непротивленства, приспособляемости, захватившего суетных сынов века нынешнего, внимающих лжепророкам и лжеучителям, полно предсмертное письмо владыки Вениамина, написанное им, уже обреченным в жертву. Страшным укором является оно тем служителям Церкви, которые выи свои склонили перед сатанистами-большевиками, уверяя, что этим они спасают церковь Христову.

«В детстве и отрочестве, – писал он одному из своих сподвижников-пастырей, – я зачитывался житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, жалел, что времена не те и не придется переживать то, что они переживали. Времена переменялись, открывается возможность терпеть ради Христа от своих и чужих. Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжких страданий, полный среди страданий радости и внутреннего покоя, он других влечет на страдания, чтобы они переняли то состояние, в котором находится счастливый страдалец. Об этом я ранее говорил другим, но мои страдания не достигали полной меры. Теперь, кажется, пришлось пережить почти все: тюрьму, суд, общественное заплевывание, обречение и требование самой смерти под якобы народные

аплодисменты, людскую неблагодарность, продажность, непостоянство и т. п., беспокойство и ответственность за судьбы других людей и даже за самую Церковь.

Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией.

Странны рассуждения некоторых, может быть, и верующих пастырей (разумею Платонова) – надо хранить живые силы, т. е. их ради поступиться всем. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Вениамины и т. п. спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую они пытаются встать, погибель для Церкви. Надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя. Теперь время суда. Люди и ради политических убеждений жертвуют всем. Посмотрите, как держат себя эс-эры и другие. Нам ли, христианам, да еще иереям, не проявить подобного мужества даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры в Христа, в жизнь будущего века?!»

И немало видит теперь истомленная, поруганная Россия людей Вениаминова склада, предавшихся на волю Божию, вере своей не изменяющих, сатане не поклонившихся и в тиши возводящих камень за камень великое здание будущей – вновь Святой Руси.

Люди эти, живя в миру, будучи прикованными к определенному месту или странничная по все еще широкому простору нашей Родины, проповедуют, обличают, укрепляют веру, зовут к подвигам и привлекают новые и новые тысячи просветленных людей к строительству грядущей Руси.

«О, Пастырь наш Небесный... Ты сам  
Стезю правой нас веди на пажити Небес  
И дай нам пастырей по сердцу, самоотверженных,  
Пред полком не бегущих, готовых душу,  
Положить за них, а слабых укрепи,  
Колеблемых направь. Мы тяжко  
Пред Тобою согрешили, но сжался Ты над нами  
И в Отчем лоне нас укрой...

В конце этой духовной поэмы сегодняшней Руси отразился истинный лик православных людей из Вениаминова стада, считающих, что именно в «подполье,» в духовных катакомбах совершается теперь служение Господу Богу.

«Мы в подполье... Гудят колокола. Горят паникадила ярко.  
Мигают свечек огоньки, мерцают у икон лампы  
Струится к сводам благоуханный фимиам  
И золотом сверкают ризы, митры,  
И бас могучий то громом потрясает,  
То нежным бархатом ласкает  
И звуки хора льются, замирают –  
И вновь растут... Но мы – в подполье...  
Разве ж не подполье  
Та жизнь церковная, которой мы живем?  
Разрознены, разбиты по приходам,  
Ни съездов, ни собраний, ни школы пастырской...  
Ни детям поученья в Законе Божьем,  
Ни книжечки духовной, ни слова гласного,  
Ни справок, ни сообщений, ни обсужденья наших дел.  
На службе – кто?  
Урадкою идет он в церковь  
И озирается тревожно, и в дом принять  
Священника боится.  
И озираемся с боязнью друг на друга  
И шепотом мы говорим...  
И как Христова церковь, не та, что вдалеке,  
А возле нас живет – не знаем мы.  
Случайно весточка придет.  
И только слухи  
Переходят, все слухи грустные.  
Теперь зовешь ты нас  
(Митрополиче, Сергей)  
В послании своем, чтоб вышли на свободу,  
Зовешь ты нас вслед за собой  
На новую стезю идти, широкую и гладкую,  
Стезю покоя церкви.  
Зовешь ты нас на пажить тучную,  
Где вместе (будто бы) пасутся  
И атеист, и церкви сын,  
Где в дружеском объятии слились бы  
Христа противник и христианин,  
Где в высшем надхристианском безразличии  
Объединились бы чудесно и небо, и земля, и ад.

Зовешь на жизнь привольную в почете, уваженьи  
Для пастырей, но для Христа ли?  
Услышь же ты наш голос из подполья,  
Наш голос слабый, но правдивый...

Духовная поэма эта, доставленная из России католическим епископом д'Ербиньи, напечатана в католическом журнале «Д'Ориенте.»

В этом огромном русском подполье, столь чуждом душою связанной с большевиками официальной церкви, находятся свыше двухсот иерархов, во главе с местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Петром, – терпящие гонения от врагов Христовых, и множество иноков, иереев, мирян, Господу Богу отдавших свои упования.

И твердо уповаем, что, по вере этих лучших людей, Спаситель смилостивится над нашей несчастной Россией и, как бывало не раз за тысячелетнюю ее историю, – выведет снова ее из погибели и мрака. И воскреснет вновь стародавняя святая Русь, в страданиях излечившаяся от всех своих хворостей, и станет вновь великой и могучей.

Да будет на сие воля Божия!

## Источники

*Анастасий, архиеп.* Похвальное слово новым священо мученикам русской Церкви. – Сремски Карловци, 1926.

*Баженов И.* Костромской Ипатьевский монастырь. – Кострома 1909.

*Бахметева А. Н.* Рассказы из русской церковной истории – М 1904.

*Виппер Р. Ю.* Иван Грозный. – М., 1922.

*Вестник.* Орган национальной мысли. Светлой памяти архиепископа Андроника. – Тяньцзинь, 1927.

*Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в русской Церкви. – Сергиев Посад, 1894.

*Душеполезный собеседник.* Изд. Афонского русского Пантелеимоновского монастыря. – М., 1900–1901, 1905.

*Жевахов Н. Д.* Житие святителя Иосафа, чудотворца Белгородского. – Нови-Сад, 1929.

*Житие преп. Евфросинии, княжны Полоцкой.* – Витебск, 1902.

*Житие преп. отца нашего Серафима, Саровского чудотворца* – М., 1903.

*За Православие.* Отец Иоанн Кронштадтский. Его жизнь и чудеса. – Париж, 1929.

*Зызыкин М. В.* Царская власть и закон о престолонаследии в России. – София, 1924.

*Карамзин Н. М.* История государства Российского – СПб 1889.

*Китайский благовестник.* Изд. Российской духовной миссии в Китае. – Пекин, 1928–1929.

*Ключевский В. О.* Преподобный Сергей Радонежский. – Берлин,

*Ковалевский И., свящ.* Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской Церкви.-М., 1895.

*Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей.-Т. I.-СПб., 1896.

*Назаревский В. В.* Чтения из истории царствующего Дома Романовых. 1613–1913 гг. – СПб., 1911.

*Нечволодов А. Д.* Сказания о Русской земле. – СПб., 1913.

*Никанор, архиеп.* Церковь и государство. Против графа Л. Толстого. – Одесса, 1890.

*Павловский А. А.* Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи. – Нижний Новгород, 1907.

*Ольденбург С. С.* Государь император Николай II Александрович. – Берлин, 1922.

О чудесах Божиих. Истинный смысл и значение их для православного христианина. Изд. Афонского русского Свято-Ильинского скита. – Одесса, 1903.

*Писарев Н.* Домашний быт российских патриархов. – Казань, 1904.

Победоносцев К. П. и его корреспонденты.-М.-Пг., 1923.

Покров Пресвятыя Богородицы над Россией. Благословение обители святого Пантелеймона на Афоне. – М., 1906.

*Поселянин Е.* Русские подвижники XIX века. – СПб., 1900.

*Поеное М.* Митрополит Антоний как православный богослов-догматик. – Варшава, 1929.

Русская летопись. Письма высочайших особ к А. А. Танеевой. – Кн. 4.– Париж, 1922.

Столп-воитель земли и Церкви Русской святыи благоверный великий князь Александр Невский.-М., 1906.

*Толстой М.* Рассказы из истории русской Церкви. – М., 1873.

Хлеб небесный. Духовно-нравственный православный журнал. – Харбин, 1927–1929.

## Примечания

<sup>1</sup> - В скобках указаны даты по новому стилю. – Ред.

<sup>2</sup> - Число и месяц всюду далее обозначают день прославления памяти святых.

<sup>3</sup> - Первое торжественное коронование совершено было на Руси 3 февраля 1498 г., когда в Успенском соборе в Москве по воле Иоанна III коронован был его пятнадцатилетний внук Дмитрий, на престол потом не взошедший и горестно окончивший свою жизнь. Первое царское коронование совершил 16 января 1547 г. митрополит Макарий, венчая на царство Иоанна IV.

## Содержание

Святая Русь Николай Дмитриевич Тальберг	1
От парижского издателя	2
Вступление	3
Часть первая. Русская Быль	8
На Заре Русского Православия	9
Под татарами	13
Царские палаты в Москве	27
Смутные години	36
Окрепшая Русь	43
Империя Российская	48
Часть Вторая. Духовная Сущность Русской Жизни	53
Святые, просиявшие в старой Руси	54
Послушание и Смирение	63
Юродство Христа ради	66
Ревность о вере	68
Государственная Власть и Духовенство	72
Церковность Русского Быта. Верность Народа Государям	78
Надлом Русской Жизни	85
Деятнадцатое Столетие	89
Закат. Подвижники и Страстотерпцы Руси, поработенной безбожниками	101
Источники	111
Примечания	113